

**ВОПРОСЫ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ**

**КАВКАЗСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ
СБОРНИК**

V

«МЕЦНИЕРЕБА»

1977

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ივ. ჯავახიშვილის სახ. ისტორიის, არქეოლოგიისა

და ეთნოგრაფიის ინსტიტუტი

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, И ЭТНОГРАФИИ

им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

4

ქველი ისტორიის საკითხები

კავკასიურ-ახლო აღმოსავლური
პრეზული

V

გამომცემლობა „მეცნიერება“
თბილისი
1977

203c რაც: 2.1.1.1.1.

2100

1-500

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
КАВКАЗСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ
СБОРНИК
V

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»

ТБИЛИСИ

1977

9(3-11)

+ 9(C922)

9(3) + 9(C41)
9(3 + 47.922)
კ 146

Объектами исследования авторов сборника являются страны Древнего Востока и Южного Закавказья (III—I тыс. до н. э.). Рассматриваются вопросы социально-экономической истории, религии и культуры Шумера, Вавилонии, Хеттского государства, Фригии, освещаются различные вопросы, связанные с древнейшей историей Грузии — хронология колхидско-халибского центра древней железной металлургии, генезис идеологических воззрений раннежелезной эпохи, изучены некоторые стороны проблем греческой колонизации, перехода от античного общества к феодальному и др.

კრებულის ავტორთა კვლევის ობიექტებია ძველი აღმოსავლეთისა და სამხრეთ ამიერკავკასიის ქვეყნები (ძვ. წ. III-I ათასწლ.). განხილულია შუმერის, ბაბილონის, ხეთების სახელმწიფოს, ფრიგიის სოციალურ-ეკონომიური ისტორიის, რელიგიისა და კულტურის საკითხები, გაშუქებულია საქართველოს ისტორიის უძველეს პერიოდთან დაკავშირებული სხვადასხვა საკითხი — ძველი რკინის მეტალურგიის კოლხურ-ხალიბური ცენტრის ქრონოლოგია, ადრეული რკინის ეპოქის იდეოლოგიურ შეხედულებათა გენეზისი, შესწავლილია ბერძნული კოლონიზაციის, ანტიკური საზოგადოებიდან ფეოდალიზმში გადასვლის პრობლემათა ზოგიერთი მხარე და სხვა.

1. Древний Восток - История
2. Закавказье - История

Редакторы
Г. Г. Гиоргадзе, Д. А. Хахутайшвили

К $\frac{10604}{M 607 (03)-77}$ — 142—77

© Издательство „Мецნიერება“, 1977

პრიბოლ გიორგაძე

სახელმწიფო ვალდებულებანი ხეთურ საზოგადოებაში

ხეთურ საზოგადოებაში სახელმწიფო ვალდებულებებზე მსჯელობისას მხედველობაში გვაქვს ხათის მშრომელი მოსახლეობის, სხვადასხვა სახელმწიფო ან მსხვილი კერძო მეურნეობის მოვალეობა-ვალდებულებანი, რომლებიც ხეთურ ლურსმულ წყაროებში ზოგადად აღინიშნებოდა ორი ძირითადი ტერმინით: სახანიო (ხეთურად šahhan-) და ლუციო (ხეთურად luzzi-).

ამ ხეთური ტერმინების შინაარსის გარკვევის ცდა არაერთხელ ყოფილა ხეთოლოგთა კვლევის საგანი როგორც საზღვარგარეთ, ასევე საბჭოთა კავშირში. ჯერ კიდევ 1928 წელს კ. ფაბრიციუსმა სცადა დაედგინა სახანისა და ლუცის მნიშვნელობები¹. მან ერთ-ერთმა პირველმა სწორად განსაზღვრა, რომ ორივე ეს ტერმინი აღნიშნავდა სახელმწიფო მიწის მფლობელობით გამოწვეულ ვალდებულებებს. მაგრამ, მისი აზრით, სახანისა და ლუცის სახით საქმე გვაქვს მიწის იჯარით აღების ფეოდალური ხასიათის გამოვლენასთან, რაც მომავალში არ დამტკიცდა ფაქტობრივი მონაცემებით.

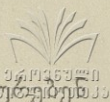
1930 წელს ა. გოეტცემ შეკრიბა და გამოაქვეყნა იმ დროისათვის ცნობილი თითქმის ყველა მითითება ხეთური წყაროებისა, რომლებიც უშუალოდ ეხებოდნენ სახანსა და ლუცის². ა. გოეტცეს აზრითაც, სახანი და ლუცი სახელმწიფო ვალდებულებების მოხდასთან იყო დაკავშირებული, თანაც სახელმწიფო მიწის მფლობელობით გა-

1933

¹ K. Fabricius, Landed Property of the Hittites in the 2-nd Mill. B. C. (šahhan and luzzi). «Congrès international des sciences historiques». 6-e. Résumés des communications présentée au Congrès, Oslo, 1928, pp. 78—80.

² A. Götz, Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattusiliš und den Paralleltexen, MVAG, 34, B., 2. Heft, Leipzig, 1930, SS. 54—59. ამ ნაშრომში გამოყენებულია როგორც ხეთური კანონების, ასევე ე. წ. „საიმუნტიტო სიგელების“ მონაცემები, რომლებიც 1930 წლისათვის ხელმოუწვდომი იყო მრავალ მკვლევრისათვის. ამ „სიგელების“ შესახებ იხ. ქვემოთ.

საქართველოს
პარლამენტის
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

მოწვეული; ისინი სრულდებოდნენ, როგორც ამას ადასტურებენ ხეთური „საიმუნიტეტო სიგელების“ მონაცემები, მეფის (სასახლის), ან სახელმწიფოს მსხვილ მოხელეთა, ისევე როგორც ტაძრისა და მის დიდ მსახურთა სასარგებლოდ. სახელმწიფო ვალდებულებათა ამ ორი ძირითადი სახეობიდან, რომლებიც, მისი აზრით, თავიანთი ბუნებით ფეოდალურ ხასიათს ატარებდნენ, ერთ-ერთი, სახელდობრ, სახანი განსახილველია როგორც ლენური (სალენო) სამსახური (Lehensdienst), ხოლო მეორე, ლუცი — როგორც საბატონო ბეგარა (Frondienst). ა. გოეტცეს თვალსაზრისი ბევრმა საზღვარგარეთელმა მკვლევარმა გაიზიარა (და ახლაც იზიარებს).

ე. სტერტევანტის თანახმად, სახანი გულისხმობდა სხვადასხვა სახის პროდუქტების ჩაბარებას და მომსახურებას ბატონის სასარგებლოდ (მიწის მფლობელობით გამოწვეულს). მისი აზრით, ეს იყო ე. წ. „მიწის რენტა“. ლუცი კი მოითხოვდა ასევე სხვადასხვა მზა პროდუქტის (საქონლის) ჩაბარებას და სამსახურს, ოღონდ სახელმწიფოს სასარგებლოდ³. ამგვარად, ე. სტერტევანტის ვარაუდით, ლუცი იყო საერთო-სახელმწიფოებრივი ვალდებულება და სამსახური, მაშინ როდესაც სახანი მხოლოდ ბატონის მიმართ დაწესებულ ვალდებულება-სამსახურს ასახავდა.

ე. ნოიფელდი აღნიშნავდა, რომ სახანი და ლუცი იყო ფეოდალური სამსახურის გამოხატულება, რომელიც მოიცავდა სამხედრო ვალდებულებას, მიწის დამუშავებას, გადასახადთა დაფარვას და ა. შ.⁴ ი. ფრიდრიხი, ეყრდნობოდა რა ა. გოეტცეს ზემოციტირებულ ნაშრომს, თავის ხეთურ ლექსიკონში სახანს განსაზღვრავდა როგორც სალენო სამსახურს, ხოლო ლუცის — როგორც საბატონო ბეგარას, საზოგადოებრივ სამუშაოს⁵. ო. გერნისათვის სახანი არის გარკვეული სამსახურებრივი ვალდებულებანი, ხშირად „მიწის რენტის“ ფორმად გადაქცეული. ლუცი კი, მისი აზრით, მოითხოვდა სხვადასხვა იძულებითი სამუშაოს შესრულებას. იგი იყო საბატონო ბეგარა⁶.

სახანსა და ლუცის კიდევ არაერთი საზღვარგარეთელი ხეთოლოგი განსაზღვრავს როგორც ლენურ სამსახურსა და საბატონო ბეგა-

³ E. H. Sturtevant, Hittite Glossary, New York, 1931, pp. 42, 55.
⁴ E. Neufeld, The Hittite Laws, London, 1951, p. 154.
⁵ J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952, SS. 126, 130.
⁶ O. Gurney, The Hittites, London, 1961, p. 103.

რას («барщина»)⁷, ჩვეულებრივ გულისხმობენ რა ხეთების სახელმწიფოს ფეოდალურ ხასიათს. ზოგიერთი მკვლევარი კი, ხეთური წყაროების ანალიზის მოუცემლად, უბრალოდ აღნიშნავს, რომ სახანი წარმოდგენდა ნატურალურ გადასახადს (Naturalabgabe), ხოლო ლუცი — შრომით ბეგარას, შრომით ვალდებულებას (Arbeitsleistung), ანუ საბატონო ბეგარას⁸. ყველა ამ მეცნიერთა შეხედულებითაც, ორივე ზემოაღნიშნული სახელმწიფო ვალდებულება დამყარებული იყო საერთოდ მიწებით სარგებლობაზე.

არაერთმა საბჭოთა მკვლევარმა გამოთქვა თავისი შეხედულება ჩვენთვის საინტერესო საკითხზე. ვ. ვ. სტრუვეს აზრით, სახანსა და ლუცის, როგორც სახელმწიფო ვალდებულებებს, ასრულებდნენ ხეთების საზოგადოების თავისუფალი წევრები (ეს შეხედულება მთლად მართებული არ არის, რადგან წყაროების მონაცემები ამტკიცებენ, რომ სახელმწიფო ვალდებულებებს იხდიდნენ ქვეყნის დამოკიდებული ფენებიც). ვ. ვ. სტრუვე სწორად მიუთითებდა, რომ სახანითა და ლუციით გათვალისწინებული ვალდებულებანი მოიცავდა გადასახადთა და სამუშაოთა მთელ წყებას, რომლებიც სრულდებოდნენ მეფის, ისევე როგორც მაღალი ადმინისტრაციული პერსონალის წარმომადგენელთა სსარგებლოდ⁹.

ხეთების სამეფოში სახელმწიფო ვალდებულებათა პრობლემას (ძირითადად ხეთური კანონების მონაცემთა გათვალისწინებით) არაერთხელ შეეხო ი. მ. დიაკონოვი¹⁰. ამ უკანასკნელ წლებში გამოქვეყნებული მისი ერთ-ერთი ნაშრომის მიხედვით¹¹, სახანი გუ-

⁷ E. von Schuler, Hethitische Dienstanweisungen, Graz, 1957, S. 26; Fr. Cornelius, Geschichte der Hethiter, Darmstadt, 1973, S. 70 და სხვა მრავალი.

⁸ მაგალითისათვის იხ. H. Freydank, Zu den §§ 54/55 der hethitischen Gesetze, «Beiträge zur sozialen Struktur des Alten Vorderasien», Berlin, 1971, S. 106; V. Korošec, Einige Beiträge zur gesellschaftlichen Struktur nach hethitischen Rechtsquellen, «Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland», München, 1973, S. 106.

⁹ В. В. Струве, Малая Азия в период господства Хеттской державы, «Всемирная история», I, 1955, стр. 376.

¹⁰ ЗВАХ, 1952, стр. 293; И. М. Дьяконов, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тысяч. до н. э., ВДИ, 1968, № 4, стр. 27.

¹¹ И. М. Дьяконов, Die hethitische Gesellschaft, MIO, XIII, 1968, № 3, SS. 332, 335.

ლისხმობდა სამეფო სამსახურს (მათ შორის სამხედროსაც), რომელიც დაკავშირებული იყო სამეფო მიწის პირობით მფლობელობასთან, ხოლო ლუცი — საერთო სახელმწიფოებრივ ვალდებულებას, რომელსაც თემის წევრებიც იხდიდნენ. ეს უკანასკნელი სხვადასხვა სამუშაოს მოიცავდა.

ედ. მენაბდე, ძირითადად ეყრდნობა რა ხეთური კანონების მონაცემებს, სახანსა და ლუცის უკავშირებს სამეფო (სახელმწიფო) და სათემო მიწებით სარგებლობას. თუ ლუცი ითვალისწინებდა მიწის ნაკვეთის მიღებას თემში, სახანი წარმოდგებოდა სამეფო ნაკვეთის მფლობელობისაგან. ეს იყო, ედ. მენაბდის აზრით, ძირითადი განსხვავება ამ ორ ვალდებულებას შორის, რაც თავისთავად დაფუძნებულია სახელმწიფო (სამეფო) და სათემო მიწების ურთიერთამიჯვნაზე. როგორც ედ. მენაბდე ვარაუდობს, სახანი მოიცავდა სამხედრო და სხვა სახის ისეთ ვალდებულებებს, როგორცაა სახელოსნო და სამშენებლო სამუშაოები სამეფო მიწებზე. ლუცი კი, მისი შეხედულებით, ითვალისწინებდა საზოგადოებრივ სამუშაოებს თემის მიწა-წყალზე¹².

ვ. ვ. ივანოვის ერთი ნაშრომის მიხედვით¹³, სახანი აღნიშნავდა ვალდებულებას, რასაც ასრულებდნენ მიწათმოქმედნი მიწის იმ ნაკვეთებზე, რომლებიც ეკუთვნოდათ მსხვილ მესაკუთრეებს, ტაძრებსა თუ სასახლეს (მეფეს). ლუცი იყო სახელწოდება იმ ვალდებულებებისა, რომელიც დაკავშირებული იყო საზოგადოებრივ სამუშაოთა შესრულებასთან. ამავე მკვლევრის სხვა ნაშრომის თანახმად¹⁴, სახანს ასრულებდნენ სამეფო მიწის მიმღებნი; იგი გულისხმობდა სამეურნეო ხასიათის ვალდებულებას ანდა სამხედრო სამსახურს. სათემო მიწის მფლობელებს კი ევალებოდათ სამსახური ლუცის სახით. ვ. ვ. ივანოვის დასკვნები ჩვენთვის საინტერესო საკითხთან დაკავშირებით ემყარება აგრეთვე ძირითადად ხეთური კანონების ცნობებს.

აი, მოკლედ, ასეთი აზრებია გამოთქმული საზღვარგარეთელ და საბჭოთა მკვლევართა ნაშრომებში ხეთურ საზოგადოებაში სახელმწიფო ვალდებულებათა შესახებ. როგორც დავინახეთ, ამ პრობლე-

¹² Эд. Менабде, Хеттское общество, Тбилиси, 1965, стр. 116, 118, 120, 124, 126; „ძველი აღმოსავლეთის ხალხთა ისტორია“, თბილისი, 1971, გვ. 288.

¹³ В. В. Иванов, Хеттский язык, Москва, 1963, стр. 206.

¹⁴ В. В. Иванов, Предисловие к книге В. Замаровского «Тайны хеттов», Москва, 1968, стр. 11—12.

მასთან დაკავშირებით არ სუფევს შეხედულებათა ერთიანობა. თითქმის ყველა მკვლევარს მიაჩნია, რომ სახანი და ლუცი არის სახელმწიფო ვალდებულებანი, რომლებიც აშკარად არიან დამოკიდებული სახელმწიფო მიწის მფლობელობაზე, ცალკეულ მკვლევართა შორის აზრთა სხვადასხვაობაა სახანისა და ლუცის ხასიათის გარკვევაში, თითოეული ამ ვალდებულებისათვის კონკრეტულ სამუშაოთა დადგენაში, კონკრეტულ მოვალეობათა განსაზღვრაში.

ქვემოთ შევეცდებით განვიხილოთ ზოგიერთი ამ საკითხთაგანი ძირითადად „საიმუნიტეტო (შეუვალობის) სიგელების“ მითითებათა შუქზე, მოვიშველებთ რა სხვა ხასიათის ხეთური ტექსტების, მათ შორის, ხეთური კანონების სათანადო ცნობებსაც. ეს მით უფრო აუცილებელია, რომ ზოგჯერ უგულებელყოფენ ამ სიგელების მონაცემებს სახან-ლუცისთან დაკავშირებით.

მაგრამ, უპირველეს ყოვლისა, გავეცნოთ თვით ამ სიგელების შინაარსს¹⁵.

პირველ რიგში განვიხილოთ დოკუმენტი, რომელიც შედგენილია ხათუსილი III-ისა და დედოფალ ფუდუხეფას სახელით ე. წ. „ხეჭურ-ფირვას“ მეურნეობის სახელმწიფო ვალდებულებათა შესრულებისაგან განთავისუფლების გამო¹⁶. ჩვენთვის საინტერესო დოკუმენტში (KBo VI 28, სტრ. 23—31) ვკითხულობთ:

„ხეჭურ-ფირვა გავათავისუფლე და იგი ყოველდღიური სახანისა და ლუცისათვის — მინდვრის დასამუშავებლად (ḫar-šu-wa-an-zi), მოხენისათვის (te-ri-ip-pu-wa-an-zi), GiŠŠA. KAL-ისა და GiŠBU-BUTU-ს (დასამზადებლად)¹⁷, [ხე-ტყის მასალისათვის? (waršamma-)] I, ხორბლის, თივის, მატყლის (დასამზადებლად) [...], (წვრილი რქოსანი) kutri-საქონლისათვის, „ქვეყნის ბატონის“ (?) სანსახურისათვის, ოლქის უფროსის სამსახურისათვის, ქალაქის თავის სამსახურისათვის, (და) საკაპანო ცხენებისათვის (ANŠU. KUR. RAMEŠ weḫannaš) — აღარავინ არ გამოიყენოს¹⁸. მტრის (წინააღმდეგ) ბრძოლაში მან¹⁹ მონაწილეობა მიიღოს. მაგრამ თუ დამხმარე რაზმები უკ-

¹⁵ ამ სახის დოკუმენტები დეტალურად გვაქვს განხილული ნაშრომში: გ. გიორგაძე, ხეთური „საიმუნიტეტო სიგელები“, „მაცნე“, 1976, № 4, გვ. 39—52.

¹⁶ „ხეჭურ-ფირვას“ ზუსტი მნიშვნელობა არ არის დადგენილი, მაგრამ აშკარაა, რომ იგი იყო რომელიღაც საკულტო დაწესებულება.

¹⁷ საუბარია, როგორც ჩანს, ოთხთვალა საზიდრის თუ საომარი ეტლის რადაც ხის ნაწილებზე.

¹⁸ სიტყვასიტყვით: „აიღოს, დაეუფლოს“.

¹⁹ ე. ი. ხეჭურ-ფირვას „სახლმა“ (მეურნეობამ).

ვე გარნიზონშია, ისინი გაუშვან. ბანაკში სამშენებლო სამუშაოებში აღარ იყოს. ისინი (ე. ი. რაზმები) მე ყველაფრისაგან გავათავისუფლდე და ისინი, დაე, თავისუფალნი იყვნენ!“²⁰.

სამუშაოთა თუ მოვალეობათა ჩამოთვლის თითქმის ასეთივე რიგია დაცული სიგელში, რომელიც შედგენილია ხათუსილი III-ის სახელით ურხითესუფასთან კონფლიქტის გამო (KBo VI 29 III-18—27). ხეთების მეფე ათავისუფლებს სახანისა და ლუცის შესრულებისაგან „სახლს“²¹, რომელიც ეკუთვნის ქ. სამუხას ქალღმერთ იშთარს. ამის შემდეგ დოკუმენტში ჩამოთვლილია სამუშაოები და მოვალეობები, რომელთა შესახებ საუბარია ზემოგანხილულ სიგელში (KBo VI 28). დამატებითაა აღნიშნული მხოლოდ „ბალახისა“ (ŠAM) და შეშის გროვის (?) (IZZI ħarpališa) მოწოდებისაგან განთავისუფლების პირობა. ჩამოთვლის დასკვნით ნაწილში ხაზგასმულია, რომ ზემოაღნიშნული მეურნეობა „ყველაფრისაგან თავისუფალი იყოს! [და შენ,] ქ. სამუხას [ქალღმერთ იშთარ]ს, სახანისა და ლუცისათვის არავინ არ მოგიახლოვდეს!“²².

ინტერესს იწვევს აგრეთვე შეუვალობის სიგელი, რომელიც ხათუსილი III-მ თავის ერთ-ერთ მოხელეს ურადათას მისცა (KUB XXII 58). დოკუმენტის დასაწყისის მე-6—13 სტრიქონები ეძღვნება ამ მოხელის „სახლის“ განთავისუფლებას სახანისა და ლუცისაგან, ჩამოთვლილია თითქმის იგივე სამუშაო-ვალდებულებანი, რომლებიც დასახელებულია ზემოხანსხენებ ორ სიგელში. ოღონდ ურადათას „სახლისათვის“ შეუვალობის გაცემის დოკუმენტში საუბარია აგრეთვე გაურკვეველი მნიშვნელობის მქონე uppa- და Giškarša-საგან განთავისუფლებაზეც. შეუვალობის ტრადიციული ფორმულა მთავრდება სიტყვებით: „ამიერიდან სახანისა და ლუცისათვის მის (ე. ი. ურადათას) ჭიშკარს არავინ არ მი[უახლოვდეს]“²³.

სხვადასხვა სახის სამუშაოსა და სამსახურისაგან განთავისუფლების შესახებ საუბარია აგრეთვე ე. წ. „სახურუნუვას ტექსტში“

²⁰ G ö t z e, Neue Bruchstücke ..., S. 54. აქ მოცემულია ტექსტის ნაწილობრივი ტრანსლიტერაცია თარგმანითურთ.

²¹ იგულისხმება ე. წ. „ძვლის სახლი“ (ħaštīšaš É-ir), რომელიც შექმნა ხათუსილი III და გადასცა ქ. სამუხას ქალღმერთ იშთარს. ამის შესახებ საუბარია „ხათუსილის ავტობიოგრაფიაში“ (KUB I 1 IV 75—85).

²² იხ. აგრეთვე G ö t z e, Neue Bruchstücke..., S. 48-50.

²³ ი ქ ე ე, გვ. 54-55.

(KUB XXVI 43), რომლის თანახმადაც მეფისაგან შეუვალობა მიიღო რომელიდაც თესუფმანავას „სახლმა“ და „დასახლებულმა პუნქტებმა (სოფლებმა)“ (URUHI·A). ამ დოკუმენტშიც ჯერ ზოგადად არის აღნიშნული თესუფმანავას სამფლობელოთა განთავისუფლება სახან-ლუცისაგან, ხოლო შემდეგ მოყვანილია ზემონახსენები ტრაფარეტული ფორმულა სხვადასხვა სამუშაოსა თუ ვალდებულებებისაგან განთავისუფლების ჩვენებით (II, სტრქ. 7—14). სიგელის ამ ადგილას დასახელებულია აგრეთვე მატყლის დამზადებისაგან, ციხე-სიმაგრეთა შეკეთებისა და „მეფის სახანისა და ლუცისაგან“ განთავისუფლების ფაქტი, რაც არ გვხვდება არცერთ ზემოგანხილულ სიგელში. განთავისუფლების ფორმულა მთავრდება სიტყვებით: „ოქის მმართველი, ქალაქის თავი (და) *ILKU*-ს კაცი (*LÜEL-KI*) მის (ე. ი. თესუფმანავას) ჭიშკარს არ მიუახლოვდეს!“²⁴.

ხეთების რომელიდაც მეფისა და დედოფლის მიერ დათასან ქვეყნის მმართველთან დადებული ხელშეკრულება შეიცავს ერთ ადგილს, რომლის მიხედვითაც „ღვთის სახანი და ლუცი“ (ე. წ. „ფირფიტის სახლში“) გულისხმობს მეგუთნეთა მიერ მიწის დამუშავებასა და რომელიდაც გაურკვეველ სამუშაოებს²⁵.

სახანისა და ლუცისაგან განთავისუფლებასზე მოგვითხრობს არაერთი ხეთური ტექსტი. მაგრამ თითქმის ყველა მათგანი მხოლოდ ზოგადად აღნიშნავს განთავისუფლების ფაქტს და არ აკონკრეტებს, თუ სახელდობრ რას გულისხმობს სახანი ან ლუცი. ასეთებია: ხათის დედოფალ ასმუნჩაქალის სახელით შედგენილი ერთი საიმუნტიტო სიგელი (KUB XIII 8), რომელიც სახან-ლუცისაგან ათავისუფლებს „ქვის სახლსა“ და მის მუშა-პერსონალს; ხათუსილი I-ის „ანალების“ ერთი ადგილი²⁶, რომლის მიხედვითაც სახანისა და ლუცისაგან თავისუფლდება ქ. არინას მზის ღვთაებისადმი შეწირული მუშა-პერსონალი; ტექსტი, რომელიც გვაუწყებს სუფილუსიუმა II-ის მიერ „მუდმივი ხეჭურის“ აგებას, ამ საკულტო დაწესებულებისადმი 70 სოფლის გადაცემას იმუნტიტითურთ²⁷; ხათუსილი III-ის „ავტობიოგრაფიაში“ დადასტურებული ადგილი, რო-

²⁴ იხ. აგრეთვე ა. გოტცეს ზემოთ დასახელებული ნაშრომი, გვ. 54.
²⁵ KBo IV 10 I 44—46.
²⁶ ამ „ანალების“ აქადური ვარიანტისათვის იხ. H. Otten, MDOG, 91, 1958, S. 73 f.
²⁷ H. Otten, Neue Quellen zum Ausklang des Hethitischen Reiches, MDOG, 94, 1964, S. 20 f.

მელიც მოგვითხრობს ხათუსილის მიერ „ძელის სახლის“²⁸ და მის განთავისუფლებას სახან-ლუცისაგან²⁹ და ა. შ. როგორც ცნობილია, სახანი და ლუცი არაერთხელაა ნახსენები ხეთურ კანონებში. მაგრამ ძალზე ძნელია დადგენა იმისა, თუ კონკრეტულად რას გულისხმობს თითოეული მათგანი.

„საიმუნიტეტო სიგელების“ შესწავლისას ჩვენს ყურადღებას იპყრობს, უპირველეს ყოვლისა, ე. წ. „ყოველდღიური სახანისა და ლუცის“ არსებობა (*šahḫan luzzi ŠA UD.KAM*)²⁹, რომელსაც შესატყვისება გამოთქმა „ყოველდღიური სამსახური“ (*IŠTU UD.KAM ELKI*)³⁰. როგორც სახელწოდებიდან ჩანს, ეს უნდა ყოფილიყო სამუშაოები, რომლებსაც ყოველდღე შეასრულებდნენ ამა თუ იმ მეურნეობის უშუალო მწარმოებლები. გამორიცხული არ არის დავუშვათ არსებობა აგრეთვე ყოველთვიური და ყოველწლიური სახანისა და ლუცისა იმის ანალოგიურად, რომ ხეთურ წყაროებში დადასტურებულია „ყოველდღიური, ყოველთვიური და ყოველწლიური შეწირულებანი“ ღვთაებებისადმი (ტაძრებისადმი).

ჩვენთვის საინტერესო სიგელებში თვალშია საცემი სხვადასხვა სახანისა და ლუცის არსებობა: „სახანი (და) ლუცი მეფისა“ (*šahḫan luzzi ŠA LUGAL*)³¹; „სახანი და ლუცი ქვეყნის ბატონისა“ (*šahḫan luzzi ŠA EN KURTI*)³², რომლის შესატყვისია „სამსახური ქვეყნის ბატონისა“ (*ELKI EN KURTI*)³³; „სახანი და ლუცი ოლქის მმართველისა“ (*šahḫan luzzi ŠA EN MADGALTI*)³⁴, რომლის ეკვივალენტია „სამსახური ოლქის მმართველისა“ (*ELKI EN MADGALTI*)³⁵, „სამსახური ქალაქის მმართველისა (თავისა)“ (*ELKI MAŠKIM URUKI*)³⁶, რომლის შესატყვისი უნდა ყოფილიყო წყაროებში ჯერჯერობით დაუდასტურებელი ფორმა „სახანი (და) ლუცი ქალაქის მმართველისა“ (*šahḫan luzzi ŠA MAŠKIM URUKI*); სახანი (და) ლუცი ღვთისა“ (*ŠA DINGIRLIM šahḫan luzzi*)³⁷. ერთი ხეთური

²⁸ KUB I 1 IV 75—85.

²⁹ KBo VI 28; სტრქ. 22.

³⁰ KUB XXVI 43 II 12.

³¹ KUB XXVI 43 II 13.

³² KBo VI 29 III 19—20; KUB XXII 58 I 8—9.

³³ KBo VI 28, სტრქ. 24; KUB XXVI 43 II 12.

³⁴ KBo VI 29 III 20; KUB XXII 58 I 9.

³⁵ KBo VI 28, სტრქ. 24; KUB XXVI 43 II 12.

³⁶ KBo VI 28, სტრქ. 24; KUB XXVI 43 II 12.

³⁷ KBo IV 10 I 44—45.

რიტუალური ტექსტის მონაცემების მიხედვით, რომელიც ზემოთ არა დაგვისახელებია, არსებობდა აგრეთვე „სახანი (რელიგიური) დღესასწაულისა“ (ŠA EZEN ša-aḫ-ḫa-na-aš)³⁸, ე. ი. რომელიდაც რელიგიური დღესასწაულისათვის დადგენილი ვადასახადი (იგი გულისხმობდა ოთხ რადაცნაირ ჭურჭელს — UTUL).

როგორც ვხედავთ, ზემოჩამოთვლილი „სახანი და ლუცი“ სრულდებოდა არა მარტო მეფისა და მაღალი ადმინისტრაციული პერსონალის წარმომადგენელთა სასარგებლოდ, არამედ „ღვთის“ — ტაძრის სასარგებლოდაც. მაგრამ წყაროებში არ შემორჩინა მითითებანი იმის თაობაზე, თუ სახელდობრ როგორ ხდებოდა ამ ვალდებულებათა შესრულება პრაქტიკაში, ე. ი. „ყოველდღიურად, ყოველთვიურად და ყოველწლიურად“.

ზემოგანხილული წყაროების მონაცემებიდან თუ გამოვალთ, უნდა დავუშვათ, რომ „განთავისუფლებამდე“ სავალდებულო სამსახურს იხდიდნენ იმის გამო, რომ ცალკეული საკულტო, სატაძრო, სამეფო (სასახლის) თუ კერძო მეურნეობა ფლობდა მიწებს („დასახლებებს“), რომლებიც ეკუთვნოდათ ამა თუ იმ საკულტო დაწესებულებას, ტაძარს, მეფეს (სასახლეს) და საერთოდ, სახელმწიფოს. ამ ვარაუდს მხარს უჭერს ხეთური წყაროების სხვა მითითებაც. მაგრამ ჩვენს ხელთ არსებული მასალიდან გამომდინარე, არ ჩანს კავშირი სახელმწიფო ვალდებულებებსა და თემის მიწებს შორის. ეს მით უფრო ყურადსაღებია, რომ ხეთურ დოკუმენტებში არ დასტურდება არსებობა მიწაზე საკუთრივ თემური საკუთრებისა, რაც გამოწვეული უნდა ყოფილიყო იმით, რომ სასოფლო თემები ორგანულად შედიოდნენ სახელმწიფო სისტემაში, განიხილებოდნენ როგორც სახელმწიფო საკუთრება (ამ საკითხზე ჩვენ სხვა დროს დაწვრილებით გვექნება საუბარი). ყოველივე ამის გამო, ძნელი დასაჯერებელია, რომ ჩვენთვის საინტერესო ორი ძირითადი ვალდებულებიდან ერთ-ერთი, სახელდობრ, ლუცი, თითქოს ყოფილიყო სათემო მიწების მფლობელობით გამოწვეული ვალდებულება. როგორც ზემომოყვანილი ფაქტიური მასალიდანაც ირკვევა, ლუცის შესრულება ევალებოდათ ისეთ მეურნეობებს, რომლებსაც სათემო მიწის საკუთრებასთან (თუკი არსებობდა ასეთი კატეგორია მიწებისა) არაფერი ჰქონდათ საერთო. ესენი იყვნენ საკულტო, სატაძრო, სამეფო მეურნეობანი, რომელთა მიწები სახელმწიფო საკუთრებას წარმოადგენდა.

³⁸ KBo XIV 89 IV 10.

როგორც ზემოთქმულიდან ჩანს, ლუცი, ისევე როგორც სახანსა, სახელმწიფო ვალდებულებაა, რაც თავიდანვე სწორად იქნა შემინეული მკვლევართა უმრავლესობის მიერ. სწორედ ამიტომ იყო, რომ სახანის მსგავსად მასაც განსაზღვრავდა, დაადგენდა მეფე (ან სასახლე), რაც აისახა ხეთურ კანონებში (იხ. §§ XXXIXA, XXXIXB. განსაკუთრებით საყურადღებო ცნობას შეიცავს ხეთური კანონების § 47A და § XXXIXB, რომელთა მიხედვითაც „უკეთუ ვინმეს აქვს ნაკვეთი, ვითარცა მეფის საჩუქარი, ლუცის (— ამავე პარაგრაფის ვარიანტში „სახანსა და ლუცის“ —) აქრ შეასრულებს“ (§ 47A), ხოლო „ახალი სამეფოს“ დროისათვის რედაქტირებული ვარიანტის მიხედვით (§ XXXIXA), „უკეთუ ვინმეს აქვს მიწის ნაკვეთი, ვითარცა მეფის საჩუქარი, იგი ლუცის შეასრულებს“. აქედან კარგად ჩანს, რომ მეფის მიერ გაჩუქებული ნაკვეთი, ე. ი. აშკარად სამეფო მიწის საკუთრების ფონდიდან გაცემული ნაკვეთის სანაცვლოდ „დასაჩუქრებული“ პიროვნება ვალდებული იყო (ან არ იყო) შეესრულებინა სწორედ ლუცი (ისევე როგორც სახანი). ესეც კარგი მაგალითია იმისა, რომ ლუციც დაკავშირებული იყო სამეფო (სახელმწიფო) მიწების მფლობელობასთან³⁹.

„საიმუნიტეტო სიგელების“ სხვადასხვა ადგილების ურთიერთშედარება მთელი სიცხადით აჩვენებს, რომ ხეთური სიტყვები *šahḫan* და *luzzi*- აქაღურად ითარგმნებოდა მხოლოდ ერთი ტერმინით — *ELKI* ე. ი. *ilku* „სამსახური; ვალდებულება; ბეგარა“. ასე, მაგალითად, თუ ხექურფირვას განთავისუფლების დოკუმენტში (KBo VI 28, სტრქ. 22) გვაქვს *šahḫan luzzi ŠA UD. KAMMI* „სახურუნუვას ტექსტში“ წერია *IŠTU UD. KAM ELKI*; ურადათას სიგელის, ხათუსილი III-სა და ურხითესუფას კონფლიქტის გამო შედგენილი დოკუმენტის *šahḫan luzziša ŠA EN KUR TI, EN MADGALTI* და ა. შ. შეესატყვისება სახურუნუვასა და „ხექურ-ფირვას ტექსტების“ *ELKI EN KUR TI. EN MADGALTI*-ს და ა. შ. ამგვარად, ხეთურ ენაში დადასტურებული განსხვავება ორ ტერმინს შორის სათანადოდ არ აისახა იმავე ტერმინების აქაღურად თარგმნის დროს. როგორც ჩანს, აქაღურ ენაზე თარგმნისას ხეთები ვერ პოულობდნენ სათანადო

³⁹ ყურადღებას იქცევს აგრეთვე § 47B, რომლის თანახმადაც *LÚ GIŠTUKUL*-ის მიწის ნაკვეთის გაყიდვის შემთხვევაში მყიდველი შეასრულებს ლუცის. მიწის ეს ნაკვეთი კი სახელმწიფო საკუთრება იყო. შდრ. აგრეთვე № 52 და სხვ.

ტერმინებს, რომლებიც ეკვივალენტური იქნებოდნენ სახანისა და ლუციისა ცალ-ცალკე. მაშასადამე, ტერმინი *ilku* მოიცავდა ყველა იმ სამუშაოსა და ვალდებულებას, რომლებიც იგულისხმებოდნენ ჩვენთვის საინტერესო ორ ხეთურ სიტყვაში⁴⁰.

ზემოთ განხილული „სიგელების“ იმ ადგილების დასაწყისში, სადაც ჩამოთვლილია სხვადასხვა სახის სამუშაოები თუ ვალდებულებანი, რომლებთაგან თავისუფლებოდნენ ესა თუ ის პიროვნება ან სახელმწიფო მეურნეობანი, დასახელება ყოველთვის იწყება სახანიდან და ლუციდან, რომელთა შემდეგ გრძელდება ჩამოთვლა სხვადასხვა სახის სამუშაოებისა თუ ჩასაბარებელი მზა პროდუქტისა. ეს პატარა დეტალი უნდა მიუთითებდეს, ჩვენი აზრით, იმაზე, რომ ასეთ შემთხვევაში საქმე გვაქვს ზოგადი მნიშვნელობის ტერმინების, ე. ი. „სახანისა“ და „ლუცის“ კონკრეტიზაციასთან, განსაზღვრასთან. სხვა სიტყვებით რომ ვთქვათ, ყველა კონკრეტული სამუშაო და მოვალეობა, რომლებიც დასახელებულია „სახანისა და ლუცის“ შემდეგ, იგულისხმებოდნენ სწორედ ამ უკანასკნელ ტერმინებში.

მართლაც, თუ „ხათუსილის ავტობიოგრაფიაში“ საუბარია „ქ. სამუხასა ქალმერთ იშთარის სახლის“ (მეურნეობის) განთავისუფლებებზე ყოველგვარი სახელმწიფო ვალდებულებებისაგან და ამის აღსანიშნავად გამოყენებულია მხოლოდ ტერმინები „სახანი (და) ლუცი“, ტექსტში, რომელიც შედგენილია ურხითესუფასთან დაკავშირებით, უკვე კონკრეტულად არის დასახელებული სახანსა და ლუციში შემაგალი სამუშაოები, რომლებთაგანაც ხათუსილი III-მ განთავისუფლა იგივე „სახლი ქალმერთ იშთარისა ქ. სამუხადან“. გარდა ამისა, თუ ურხითესუფას ტექსტის მე-18—27 სტრიქონებში (KBo VI 29 III) დაწვრილებითაა მოცემული სამუშაო-ვალდებულებათა ჩამოთვლა, რომელიც სახანითა და ლუციით იწყება, ამავე ტექსტის დასკვნით ნაწილში (KUB XXI 15, სტრქ. 10—11) ლაპარაკია მხოლოდ სახანსა და ლუციზე. მაგრამ ტექსტის ამ ადგილას აშკარად იგულისხმება ის კონკრეტული ვალდებულებანი, რომელთა შესახებ ტექსტის შემდგენელმა მოგვითხრო დოკუმენტის დასაწყისში. ასევე, თესუფმანავას განთავისუფლების შესახებ KUB XXVI 43 II 8-ში აღნიშნული „სახან-ლუცი“ დაკონკრეტებულია.

⁴⁰ უგარიტულ ენაში დადასტურებული ტერმინები *ilku* და *pilku* განსახილველი უნდა იყოს აგრეთვე როგორც ორი სახეობის ვალდებულებათა აღმნიშვნელები.

სტრქ. 11—14-ში, სადაც ჩამოთვლილია ცალკეული სამუშაოების ჩასაბარებელი პროდუქტი.

ზემოაღნიშნულიდან გამომდინარე, ძნელი არ არის ჩამოთვლა ყველა იმ სახის სამუშაოებისა თუ მზა პროდუქტების ჩაბარების ვალდებულებებისა, რომლებსაც გულისხმობდნენ სახანი და ლუცი ზემოთ განხილული ტექსტების მიხედვით. ესენია: შემისა და საერთოდ ხე-ტყის მისალის ჩაბარება, ხორბლის, თივის, ბალახის, მატყლის, წვრილფეხა რქოსანი საქონელი *kutri*-ს, საჩუქრის სახით წარმოდგენილი წვრილფეხა რქოსანი საქონლისა და შესაძლოა, საჭაპანო ცხენების ჩაბარება, საომარი ეტლისათვის თუ საზიდარისათვის საჭირო რომელიმე ხის ნაწილების *ŠA.KĀL* და *BUBUTU*-ს და *GIŠ karnaša*-ს ჩაბარება.

სახანი და ლუცი მოიცავდნენ აგრეთვე მინდვრების დამუშავებას, მიწის მოხვნას (როგორც ჩანს, გუთნით ან კავით), სხვადასხვა სამუშაოებს მეფის, „ქვეყნის ბატონის“, ოლქის მმართველის, ქალაქის თავისა და ტაძრის სასარგებლოდ.

სახანი და ლუცი გულისხმობდნენ იმ სამუშაოს შესრულებასაც, რომელსაც ითვალისწინებდა ე. წ. *uppa*-, *uppat*-. ამ სიტყვის მნიშვნელობა არ არის ზუსტად დადგენილი. მკვლევართა ერთი ნაწილი მას უკავშირებს „კობადოკიური“ ფირფიტების *upati(n)num*-ს, რომელსაც ზოგჯერ თარგმნიან როგორც „ლენურ (სალენო) ორგანიზაციას“⁴¹. არ არის გამორიცხული, რომ ამავე სიტყვას რაღაც საერთო აქვს უგარიტულ *ubdy*-სთან „მუდმივი საიჯარო გადასახადი“⁴². ჩვენთვის საინტერესო სიტყვას უნდა შეიცავდეს აგრეთვე „კობადოკიურ“ ფირფიტებში დადასტურებულ საკუთარი სახელი *Ubatiahšu* რომელსაც თარგმნიან როგორც „ძე ლენისა (ფეოდისა)“ (*Lehenssohn*)⁴³.

სახანი და ლუცი მოითხოვდნენ ისეთი ვალდებულებების შესრულებას, როგორიცაა სამუშაოების ჩატარება და ციხე-სიმაგრეთა შეკეთება, რომელთანაც კავშირში უნდა გავიხსენოთ აგრეთვე ხეთური კანონების § 56, სადაც აღნიშნულია, რომ „მეფის ლაშქრობის (დროს) ციხე-სიმაგრეში (ჩასატარებელი) სამუშაოების“

⁴¹ იხ. J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952, S. 235, სიტყვა «upati», იქვეა ლიტერატურაც.

⁴² J. Aistleitner, *Wörterbuch der ugaritischen Sprache*, Berlin, 1967, S. 3, სიტყვა, № 15.

⁴³ E. Eichner (გვაცნობა წერილით, რომელიც დათარიღებულია 11. VII. 1973-ით).

ნებლო სამუშაოებისაგან, ვენახების დამუშავებისაგან (მესპილენძეთა რიგებიდან) არავინ არ თავისუფლდება. მებაღეებიც ასევე მთლიანად (ასრულებენ) ლუცის“, როგორც ვხედავთ, ციხე-სიმაგრეში ჩასატარებელი სამუშაოების გარდა, ლუცი გულისხმობდა აგრეთვე ვენახებისა და ბაღების დამუშავებასაც.

განსაკუთრებით საყურადღებოა ის, რომ ჩვენთვის საინტერესო ვალდებულებებში შედიოდა აგრეთვე სახელმწიფოსათვის დამხმარე რაზმების ჩაბარებაც, რასაც აკეთებდნენ სახელმწიფო (საკულტო, სატაძრო, სამეფო) მსხვილი მეურნეობები, იქნებოდა ეს „ხეჭურ-ფირვას სახლი“, „ქ. სამუხსას ქალღმერთ იშთარის სახლი“, „ფირფიტის სახლი“ თუ რომელიმე მოხელის „სახლი“ (თესუფმანავას, ანდა ურადათას მსგავსი). ცალკეულ მეურნეობებში შეკრებილ ქვეით თუ ცხენოსან რაზმებს, როგორც ჩანს, ათავსებდნენ „გარნიზონებში“ (ašandula-). საიდანაც ისინი საჭიროების შემთხვევაში გაეგზავნებოდათ მეფეს. მშვიდობიანობის დროს კი რაზმებს იყენებდნენ სხვადასხვა სამუშაოსათვის თვით მეურნეობის ფარგლებში, რაც დასტურდება ზემონახსენები ერთი ხელშეკრულებით, რომელიც ხეთებსა და დათასას შორისაა დადებული. რაზმებში შემავალი საერთო რაოდენობა მეომრებისა უცნობია. მართალია, იმავე ხელშეკრულებაში ნახსენებია 200 მეომარი, მაგრამ როგორც თვით ხელშეკრულების შინაარსიდან ირკვევა, ესენი იყვნენ ხეთების მეფის მიერ საერთო კონტინგენტის შემცირების შემდეგ დარჩენილი რაოდენობა მებრძოლეებისა (KBo IV 10 I 44 f.). ჩვეულებრივ კი გარნიზონში უნდა ყოფილიყო 200-ზე მეტი მეომარი.

აქვე უნდა მოვიხსენიოთ ის სიები, რომელთა მიხედვით დამხმარე რაზმების (ERINMES) გამოყვანა ვეალებოდათ ხეთების სამეფოში შემავალ ცალკეულ ქალაქებს თუ დასახლებებს (URUMES). ამ სიებში⁴⁴ მითითებულია მხოლოდ რაოდენობა გამოსაყვანი რაზმებისა (5-დან 50 კაცამდე).

„საიმუნიტეტო სიგელების“ მონაცემებიდან თუ გამოვალთ, სახან-ლუცის ვალდებულებებში იგულისხმებოდა არა ინდივიდუალური სამხედრო სამსახური საერთოდ, არამედ სახელმწიფო მსხვილი მეურნეობისა თუ დიდი თანამდებობის პირთა „სახლების“ ვალდებულება სახელმწიფოსათვის მეომარი რაზმების მიწოდების შესა-

⁴⁴ E. von Schuler, Die Kaškäer, Berlin, 1965, S. 142 f. (KUB XXVI 62).

2. Вопросы древней истории

საქართველოს
ისტორიის
ინსტიტუტი

ქ. შარდისის სახ. საბ.
სსრ სსხელმწიფო
რესპუბლიკაში
ბიბლიოთეკა

ხებ (ასეთი რაზმების ფორმირება ხდებოდა იმ უშუალო მწერების
ებლების ხარჯზე, რომლებიც იმავე მეურნეობებში იყვნენ დასაქ-
მებული). როგორც ჩანს, ასე უნდა გავიგოთ ხეთური კანონების §
54 მონაცემები, რომელთა თანახმადაც „წინათ მანდას მეომრები,
სალას მეომრები, ქ. თამაქის მეომრები, ქ. ხატრას მეომრები, [ქ.
ცალფას მეომრები,] ქ. თასხინიას მეომრები, ქ. ხემუვას მეომრები,
მშვილდოსნები, [ხუროები], საჭურველთმცვირთავნი (?) და karu-
halē -ხალხი ლუცის არ [ასრულებდნენ], სახანს არ იხდიდნენ“.
ეჭვი არ არის, ამ შემთხვევაშიც სახან-ლუცი არ გულისხმობს ინდი-
ვიდუალურ სამხედრო სამსახურს, რადგან შეუძლებელია, რომ ზე-
მოაღნიშნული მეომრები (ERINMES) განთავისუფლებული ყოფი-
ლიყვნენ სწორედ ინდივიდუალური სამხედრო ვალდებულები-
საგან. მაგრამ საესებით დასაშვებია, რომ ისინი გაეთავისუფლებინათ
დამხმარე რაზმების მიწოდებისაგან, ისევე როგორც სხვა სავალ-
დებულო სამუშაოების შესრულებისაგან. ჩვენი აზრით, ხეთური კა-
ნონების § 54-ში სწორედ ეს უკანასკნელი გარემოება უნდა იგუ-
ლისხმებოდეს, ე. ი. პარაგრაფი უნდა ითვალისწინებდეს სხვადა-
სხვა სახის სამუშაოთა შესრულებისაგან მეომრების განთავისუფ-
ლებას, ხოლო სამხედრო სამსახურს იგი საერთოდ უნდა გამორი-
ცხავდეს.

თუკი ზემოგანხილული ტექსტებიდან კარგად ჩანს იმ სამუშა-
ოთა დეტალური ერთობლიობა, რომლებსაც გულისხმობდნენ სა-
ხანი და ლუცი ერთად აღებული, იმავე დოკუმენტებიდან ჩვენ არ
შეგვიძლია დავადგინოთ, თუ სახელდობრ როგორ სამუშაოებსა და
ვალდებულებებს მოითხოვდა სახანი და ლუცი ცალკეც. რო-
გორც დავინახეთ, არცერთი ზემომოყვანილი ადგილი „სიგელიდან“
კონკრეტულად არ ასახელებს, თუ რა იგულისხმებოდა თითოეულ
მათგანში. უფრო მეტიც. საერთოდ არც მოიძებნება ისეთი ხეთური
ტექსტი, რომელიც პირდაპირ აშუქებდეს ამ საკითხს. მაგრამ არ-
სებობს რამდენიმე ირიბი მითითება, რომლებიც საშუალებას გვაძ-
ლევს მიახლოებით განვსაზღვროთ სახანსა და ლუციში შემავალი
სამუშაო-ვალდებულებები თითოეულისათვის.

მაგალითად, ზემო ნახსენებ „სახურუნუვას ტექსტში“ შემოინა-
ხა ერთი ადგილი, სადაც ვკითხულობთ: „... და ისინი მწყემსები გახ-
დნენ. რაც შეეხება ქ. არინას მზის ქალღმერთის სახანს, (იგი)
ასეთი [იყოს:] ოთხი ცხვარი, 1/2 კასრი (?) ქონი (ან „ზეთი“ — 1.
NUN), ხუთი (თავი) ყველი, ხუთი (ქოთანნი) რძე (მეფე, ან შედედე-

ბული) (და) ათი (ცალი) [მატყლის] kišri- ... მხოლოდ ეს სახანი გადაიხადონ მათ. ეს მათ არავინ არ შე [უცვალოს (?)...] და მათგან სხვა სახანი (tamāi šahḫan) არავინ არ აიღოს“⁴⁵.

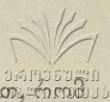
ტექსტის ამ ადგილიდან ვგებულობთ რა, რომ არსებობდა არინას მზის ქალღმერთისათვის დადგენილი სახანი (ŠA DUTU URUArinna šahḫan), ამავე დროს იმასაც ვარკვევთ, რომ სახანს (და არა ლუცის) უწოდებდნენ ყველაფერ იმას, რაც უნდა ჩაეხარებინათ (ამ შემთხვევაში, ქ. არინას მზის ქალღმერთის სასარგებლოდ) მხოლოდ და მხოლოდ ნატურალური სახით, იქნებოდა ეს ცხვარი, ქონი (თუ ზეთი), ყველი, (შედგებული) რძე, თუ მატყლისაგან დამზადებული kišri-.

ერთ ზემონახსენებ ხეთურ ტექსტში კი (KUB XIV 89 IV 10) საუბარია რაღაც ოთხ ჭურჭელზე, როგორც სახანზე რელიგიური დღესასწაულისათვის, ე. ი. ამ შემთხვევაშიც სახანი გულისხმობს დამზადებულ ნივთებს. საყურადღებოა ერთი ხეთური რიტუალის მონაცემებიც (KUB IX 28 I 10—14), რომელთა მიხედვით სახანთან კავშირში დასახელებულია ვერცხლი, ძვირფასი ქვები და რაღაც სხვა ნივთები, რომელთა ხეთური სახელწოდებების მნიშვნელობები არ არის დადგენილი (იქვეა ნახსენები „ბალახიც“).

ერთ გარემოებასაც უნდა მივაქციოთ ყურადღება. როგორც „სახურუნუვას ტექსტის“ ახლახან ციტირებული ადგილიდან ირკვევა, ქ. არინას მზის ქალღმერთისათვის დადგენილ შეწირულებებს უწოდებდნენ „სახანს“, მაშინ, როდესაც დოკუმენტში, რომელიც ხათუსილი III-ესა და ურხითესკფას შორის მომხდარი უთანხმოების გამოა შედგენილი (იხ. ზემოთ), იმავე ქალღმერთისადმი განკუთვნილ შეწირულებებს ჰქვია arkamma- „ხარკი; გადასახადი“, რაც გულისხმობდა ცხვრებისა და თხების შეწირვას⁴⁶, ე. ი. იმას, რაც ნატურალური სახით ბარდებოდა ტაძარს. ეს ფაქტი იმდენადაა საინტერესო, რამდენადაც ერთმანეთს ემთხვევა სახანისა და arkamma- „ხარკის“ არსი, რა ცთავისთავად მიუთითებს თვით სახანის ბუნებაზეც.

⁴⁵ KUB X XVI 43 I 53—59. იხ. აგრეთვე G ö t z e, Neue Bruchstücke .. S. 56.

⁴⁶ ამ ფაქტს ყურადღება მიაქცია ა. გოეტცემაც. დასახ. ნაშრომი, გვ. 55.

ზემოაღნიშნულიდან გამომდინარე შეიძლება დავასკვნათ, რომ სახანი იყო ნატურალური ბეგარა (გადასახადი), რომელიც ითვალისწინებდა ცალკეული უშუალო მწარმოებლისა თუ მთელი რიგი მსხვილი მეურნეობების მოვალეობას (მათ შორის საკულტო და სატაძრო მეურნეობათა ვალდებულებებს, თუკი ისინი არ თავისუფლდებოდნენ მეფის სპეციალური დადგენილებით) მზა სახით ჩაებარებიანთ რძისა თუ კვების სხვადასხვა პროდუქტი, სასოფლო-სამეურნეო და, საერთოდ, სხვადასხვა საწარმოო საქონელი, მსხვილფეხა თუ წვრილფეხა რქოსანი საქონელი და ა. შ. მეფის, მისი მოხელეებისა და ცალკეული ღვთაების (ისევე როგორც კულტის) სასარგებლოდ.

რაც შეეხება ლუცის, მის შესახებ შეიძლება ითქვას, რომ იგი უნდა ყოფილიყო შრომითი ბეგარა. ლუცი, როგორც ჩანს, მოითხოვდა ისეთ ვალდებულებათა შესრულებას, როგორიცაა: მინდვრის თუ ვენახების დამუშავება, მიწის გათოხნა, ციხე-სიმაგრეთა შეკეთება, სამხედრო სამსახური, სამშენებლო თუ სხვა სახელმწიფოებრივი და საზოგადოებრივი სამუშაოები და ა. შ. (დაწერილებითი ჩამოთვლა ასეთი სახის სამუშაოებისა იხ. ზემოთ). ისევე როგორც სახანი, ლუციც სრულდებოდა მეფის, მისი დიდი მოხელეებისა და ღვთაებთა სასარგებლოდ.

წარმოადგენდნენ რა შესასრულებელ სამუშაო-ვალდებულებათა მხოლოდ სახეობებს, სახანი და ლუცი დაკავშირებული იყვნენ სახელმწიფო მიწების მფლობელობასა და სარგებლობასთან. მათი კონკრეტული სახეობანი ყოველთვის განისაზღვრებოდა მეფის ან სასახლის მიერ, ქვეყნის სხვადასხვა ადგილას კი, როგორც ჩანს, მათ ადგენდნენ „სასახლეები“ (É. GAL), ანუ ქ. წ. „სახლები მეფისა“ (É LUGAL), რომლებიც ოლქებსა თუ მსხვილ დასახლებულ ადგილებში იყვნენ განლაგებული. აქვე უნდა ყოფილიყვნენ ე. წ. piršahhanaš „სახანის სახლები“ (ასეთი ტიპის „სახლების“ შესახებაც ჩვენ სხვა დროს გვექნება საუბარი). ყველაფერი ეს კეთდებოდა, როგორც ჩანს, ვალდებულებების მქონე პირთა პროფესიის გათვალისწინებით (მაგალითად, მწყემსებს ახდევინებდნენ, როგორც ზემოთ დავინახეთ, ცხვარს, ქონს ყველს, რძეს), ცალკეული „სახლის“ სამეურნეო მოღვაწეობის ანგარიშგაწვევით. ერთისაგან ითხოვდნენ სახანის შესრულებას, მეორისაგან — მხოლოდ ლუცისა, სხვებისაგან — ორივეს.

არავის არ ჰქონდა უფლება განთავისუფლებული „სახლისაგან“, ან პიროვნებისაგან მოეთხოვა სახანისა და ლუცის შესრუ-

ლება, ე. ი. არავის არ შეეძლო „მიახლოებოდა ჭიშკარს“ ასეთი „სახლისა“. როგორც ჩანს, ჭიშკარზე ეკიდა (თუ იდგა) რაღაც ხის ნიშანი — GISeia- (ამ სიტყვის მნიშვნელობა უცნობია) — ამო თუ იმ „სახლის“ განთავისუფლების სიმბოლო. სწორედ მასზეა საუბარი ხეთური კანონების § 50-შიც.

სახანისა და ლუცისაგან განთავისუფლების საკითხი, ე. ი. რომელიმე მეურნეობის ან პირის მიერ იმუნიტეტის (შეუვალობის) მიღება, რაც დამოკიდებული იყო ცენტრალურ ხელისუფლებაზე, დეტალურად გვაქვს განხილული ჩვენს ზემოციტირებულ ნაშრომში (იხ. შენიშვნა 15), რის გამოც მის შესახებ აქ აღარ შეეჩერდებით.

Г. Г. ГИОРГАДЗЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ В ХЕТТСКОМ

ОБЩЕСТВЕ

Резюме

Основываясь на данных, главным образом, хеттских «имунитетных грамот (КВо VI 28; 29; КUB XIII 8; XXVI 43, 58), а также хеттских законов и других текстов (КВо IV 10; XIV 89 и т. д.), автор статьи придерживается мнения, согласно которому государственная повинность **саххан** являлась **натуральной повинностью**, включавшей в себя обязанности отдельных непосредственных производителей или разных хозяйств поставлять в готовом виде молочные или другие продукты питания, сельскохозяйственные и вообще разные производственные товары, скот и т. д. в пользу царя, крупных государственных служащих, в пользу отдельных богов, за пользование земель, предоставленной им государством. Государственную же повинность **луцци** можно назвать **трудовой повинностью**, требовавшей выполнения обязанностей, основанных на обработке полей (или виноградников и т. д.), вспашке земли, ремонте крепостей, на строительных или других государственных и общественных работах, в пользу правителя

страны (или дворца), крупных государственных сановников, богов (храмов) и т. д. за владение землей.

Являясь государственными повинностями, связанными с владением и пользованием государственной землей, конкретные виды обязанностей сахана и луци для разных хозяйств или лиц всегда определялись царем или дворцом. Делалось это, по-видимому, с учетом профессиональной занятости обязуемых лиц, а также хозяйственной деятельности отдельных крупных «домов». С одних требовали выполнения только сахана, с других — луци, а с некоторых — обе эти повинности, от которых освобождались только по решению царя (дворца).

Дж. М. ШАРАШЕНИДЗЕ

ПОСОЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ЭПОХУ III ДИНАСТИИ УРА

(Очерк истории административного строя Шумера II половины III тысячелетия до н. э.)

История государства Шумера, в частности история политическая, которая, кстати, изучена наименее полно, вызывает глубокий интерес. Картину же политической жизни, характерной для эпохи III династии Ура (2132 — 2024 гг. до н. э.), нельзя представить во всей полноте без изучения довольно хорошо поставленной посольской деятельности. Причина малоизученности указанного вопроса, наряду с недостаточным числом нарративных источников, в том, что внимание исследователей с самого же начала было обращено только на вопросы характерного для того времени социально-экономического строя. Из-за этого изучение эпохи велось несколько односторонне, и политическая история государства в течение долгого времени оставалась в тени¹. Излишне доказывать, что целый ряд сторон процесса создания и совершенствования го-

¹ Поэтому мы и не находим полного освещения политической истории шумерской империи эпохи III династии Ура ни в одном специальном очерке, посвященном древнему Двуречью. К примеру, см. В. В. Струве, История древнего Востока, М., 1941, с. 84—85; Всемирная история, I, М., 1956, с. 215—216, 219; История народов древнего Востока, Тб., 1971, с. 83—86; (на груз. яз.); А. Л. Орпхейм, The Ancient Mesopotamia, Chicago 1964; Th. Jacobsen, Early Political Development in Mesopotamia, ZA 52 (1957), с. 138—139; Fischer Weltgeschichte, 2, I, Frankfurt am Main 1965. Вопрос этот сравнительно широко представлен в книге: The Cambridge Ancient History, 1, 2 Cambridge 1971, с. 598—617. Однако и там целый ряд вопросов политической истории освещен далеко не полностью.

сударственного латифундного хозяйства, а также резкие социальные изменения — явление довольно редкое в истории древнего Востока — останутся невыясненными без изучения общеполитической обстановки. Предлагаемая статья представляет собой попытку изучения политической истории, вернее, одного из вопросов административного строя Шумерского государства эпохи III династии Ура.

Государство Шумера этой эпохи занимало все южное и северное Двуречье. В границы империи входили с Запада некоторые области Сирии и Малой Азии, а с Востока она простиралась на Загросские горы и включала в себя западные области Элама. Вся страна была разделена на города-провинции средних размеров, во главе которых стояли чрезвычайные уполномоченные царя — энси (*ensî*)². Основной их функцией было руководство экономической и религиозной жизнью подведомственных областей, а военные дела вел специально назначенный царем человек — шагуб (*šagub, šagi-pa*)³.

Вся империя представляла собой довольно крепко сплоченную политическую единицу во главе с сильной царской властью. Царский двор руководил из расположенного на крайнем западе города Ура и держал под постоянным наблюдением экономическую и военную деятельность городов-провинций посредством целой армии гонцов и курьеров⁴. Ежедневно в различные уголки страны посылались многочисленные группы гонцов. Они несли с собой не только указы царского двора и крупных административных учреждений (эти указы были устные либо письменные), но и, применяя современный термин, почту. Посредством гонцов и послов осуществлялась широкая дипломатическая связь с боль-

² По выявленным на сегодняшний день сведениям выясняется, что во всей империи существовало до шестидесяти областей, во главе которых стояли энси (см. С. Е. К e i s e r, *Patesis of the Ur III Dynasty*, New Haven, 1919, с. 14—28; N. S c h n e i d e r, *Der Stadtpräfekt*, OrSP, 45—46 (1930), с. 46—57. Более подробно по этому вопросу см. W. W. H a l l o, *The Ensi's of the Ur III dynasty*, Chicago 1953 (к сожалению эта книга нам недоступна).

³ Th. J a c o b s e n, ук. соч., с. 139. Подробнее: A. G o e t z e, *Šakanakku of the Ur III Empire*, JCS 17 (1963), с. 1—31.

⁴ ОГСДШ, с. 260.

шими и малыми политическими единицами, расположенными за пределами государства⁵. Посольско-гонцовой деятельностью руководило ведомство внутренних и внешних сношений, во главе которого стоял суккалмах (sukkal-mah)⁶. Обслуживать это ведомство в главных пунктах государства было поручено специальным посольским учреждениям — посольским домам (é-sukkal, é-kasu), которые снабжали царских гонцов провиантом, одеждой и обувью, предоставляли в их распоряжение транспорт и обеспечивали их ночлегом. Основные детали посольско-гонцовой деятельности письменно фиксировались с характерной для шумеров чрезвычайной скрупулезностью, в результате чего были созданы тысячи глиняных табличек, содержащих тексты ведомственных отчетов. Из них сегодня выявлено, опубликовано или описано до 1.500 единиц⁷. Предлагаемая статья, опираясь в основном на данные этих табличек, посвящена лишь одному конкретному вопросу, а именно — определению функций и организационной структуры специальных учреждений, направлявших деятельность послов и гонцов — «дома суккалмаха» (é-sukkal-mah) и посольских домов (é-sukkal, é-kasu).

Вместе с тем следует отметить, что источников, содержащих прямые сведения по исследуемому вопросу, очень мало. Что касается научной литературы о посольских учреждениях, то ее почти нет. Вообще, та часть административного персонала эпохи III династии Ура, которая составляла послов и гонцов, до сегодняшнего дня специально никем не изучена. Ни один из исследователей прямо не касался посольских учреждений, не считая перевода термина é-kas₄, встречаемого в научных работах по другим вопросам и сделанного тем или иным исследователем, а также одного небольшого примеча-

⁵ Cp. Th. Jacobsen, ук. соч., с. 139.

⁶ См. J. M. Sharashenidze, The Sukkal-mahs of Ancient Mesopotamia, International Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder. Zusammenfassung der Vorträge, Budapest, 1974, с. 88.

⁷ Краткие описания пока еще неопубликованных посольских квитанций см. H. N. F i g u l a, Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum, I, London, 1961, с. 282; ITT II, 1, 1673—2449; F. Yildiz, A New Group of Messenger Texts from Lagash, «Istanbul Archeologi Müzeleri Yilligi» 15—16 (1969), с. 235—238; НСВТ, № 139—153.

ния А. И. Тюменева в его монографии «Государственное хозяйство древнего Шумера», которое касается вопроса существования посольского учреждения в столице империи — городе Уре⁸. Мнение А. И. Тюменева мы рассмотрим ниже, поэтому сейчас останавливаться на нем не будем.

Ниже в первую очередь мы анализируем сведения о посольских домах, а далее рассматриваем вопрос, связанный с «домом суккалхама».

К переводу терминов

Специальные учреждения, созданные государством для обслуживания послов и гонцов, в соответствующих документах обозначены терминами: \acute{e} -sukkal и \acute{e} -kas₄. Из них чаще встречается второй — \acute{e} -kas₄, а первый — \acute{e} -sukkal в документах упоминается лишь пять раз⁹. Факт этот дает право считать, что более распространенным был термин \acute{e} -kas₄¹⁰. Во всяком случае учреждение, обозначаемое этим термином, вело более активную деятельность по обслуживанию послов и гонцов нежели обозначенное другим — \acute{e} -sukkal.

Существенное значение для перевода представленных здесь терминов имеет установление точного семантического соответствия второй их составной части, поскольку перевод первой части терминов — \acute{e} вообще известен; в основном он обозначает «дом» (акк. *bītu*)¹¹. Что же касается шумерской идеограммы kas₄, она в шумероаккадских словарях, составленных семитами древнего Двуречья, передается формой *lāsīmu*, т. е. причастия аккадского гла-

⁸ ГХДШ, с. 294, 296.

⁹ АВ XXV- 41:1; MOS XVI, 142 IV 9; 154 II 34; AT, 34:2; TrD, 81:12.

¹⁰ Этот термин у различных исследователей приведен в различном написании: \acute{e} -gim_U (см. ГХДШ, с. 290, прим. 1; с. 296; АВ XXV, с. 166; MOS XVI, с. 46), \acute{e} -im (см. TEL, 46 VI 4; 55:8; 26 и сл.; с. 169), \acute{e} -girim (см. SETU, с. 336). Единственно правильным написанием мы считаем \acute{e} -kas_U, поскольку вторая составная часть данного термина фонетически читается так: ka-as (см. ŠL II, 202:5; MSL III, с. 132—19).

¹¹ ŠL II, 324:2; MEA, 324; MSL III, с. 144: 230. Иногда он может обозначать семейное хозяйство, семейный земельный участок (см. NG III, с. 104 (е, 2); SP, с. 348; MAD III, с. 92).

тола *lāsīmu* («бегать»), которая переводится как «гонец, бегун»¹². Прямой перевод термина *é-kas* будет «дом гонца»¹³.

Вместе с тем хотим здесь же отметить следующее: сведения соответствующих документов ни в коей мере не дают возможности того, чтобы под «домом» в данном случае подразумевать лишь здание, дом в прямом смысле. В древнем Двуречье термин этот употреблялся в более широком смысле, а именно в значении здания и прилегающего к нему хозяйства, имевшего собственный обслуживающий персонал. Посольское учреждение, как мы это увидим ниже¹⁴, должно было иметь в своем распоряжении и земельные участки. Все это вместе взятое — здание, персонал и земельный участок — подразумевается под термином «дом гонца, дом гонцов», употреблявшемся в соответствующих документах. В этом понимании переводим и употребляем его и мы.

Второй термин *é-sukkal* дословно можно перевести как «дом суккала, дом суккалов»¹⁵. Как и первый, этот термин тоже употреблялся в широком значении. Под «домом», согласно данным документов, подразумевался как его персонал, так и, видимо, земельный участок.

Несколько слов о вопросе взаимоотношения двух этих учреждений. Терминологически, как видим, они отличаются друг от друга. Бесспорно, между ними есть отличие и по содержанию, на что указывают данные одного из документов, происходящих из города Лагаша. В нем ¹⁶ речь идет о распределении 66 рабо-

¹² MSL XII, с. 159:44; 178, Col. II 3; 204:19; ŠL II, 202:5; (ср. ANw, с. 539a (*lāsimum*)).

¹³ Ср. UNT I, с. 78, 102 («Haus der Läufer»). А. Салонен переводит как «дом курьеров» («Haus der Eilboten». см. LAM, с. 43, 135).

¹⁴ См. здесь же, с. 24—25.

¹⁵ Термин *sukkal*, акк. *sukkalu*, мы оставили без перевода. Ряд исследователей переводит его в общем значении: «курьер, вестник, гонец», (см. MEA, 321; NG III, с. 158; MAD III, с. 238; IBK VIII, с. 150; SP, с. 218; RLA I, с. 113, § 10). В отмеченную эпоху суккалы представляли собой послов или гонцов высокого ранга. Для обозначения послов и гонцов среднего ранга вообще употреблялся термин *kas*, *lāsīmu*. Данный вопрос будет исследован у нас отдельно.

ИЗДАНИЕ
1953

чих (guruš) между различными учреждениями и храмами. Из них 28 гурушей принадлежат «дому суккалов» (28 guruš é-sukkal, стк. 1), у которого имеется свой надсмотрщик рабочих (ugula). 38 же гурушей являются бурлаками (guruš-ab-hal, стк. 3)¹⁷. И у этой группы есть свой надсмотрщик. Среди учреждений, куда распределяются гуруши, упоминаются «дом откорма (жертвенных животных)» (é-uzù-ga, стк. 7), «дом по изготовлению пива второго сорта» (è-kaš-du, стк. 8), «(культурный) дом (царя) Шульги» (è-dSul-gi, стк. 9), а также é-kaš-gub-ba «дом-стоянка (gub-ba)¹⁸ гонцов» (стк. 20). Эти данные проливают свет на то, что «дом суккалов» и «дом гонцов» — различные учреждения. Упоминание в одном и том же документе обоих этих учреждений указывает лишь на разницу в их содержании; однако в чем заключается эта разница, имеются ли между «домом суккалов» и «домом гонцов» организационные взаимоотношения (не является ли один филиалом другого), каковы функциональные прерогативы каждого из них — вот вопросы, ответы на которые не дают имеющиеся у нас документы.

Становится известным то обстоятельство, что территориально «дома суккалов» расположены в Лагаше (здесь встречается и «дом гонцов»), Пузриш-Дагане и, видимо, в Адабе¹⁹. Существование «дома гонцов» (é-kaš₄) в Пузриш-Дагане нами еще не выявлено. Однако этот последний встречается в одном из крупных хозяйственных центров Шумера — в городе Умме, где, со своей стороны, не подтверждено существование «дома суккалов» и т. д.

Рассмотрим подробнее вопрос географического расположения указанных учреждений.

¹⁶ АВ XXV, 41.

¹⁷ О переводе термина ab-hal см. ŠL II, 128:138.

¹⁸ gub, *paḡāgi* «стоять» (см. ŠL II, 206:30; МЕА, 206).

¹⁹ Существование в Адабе «дома суккалов» засвидетельствовано лишь по данным документов, относящихся к эпохе династии Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.) (см. ОIP XIV, 102:11, 147:9, 148:7, 152:7, 179:9). В десятке обнаруженных в этом пункте документов, датируемых эпохой III династии Ура, нет какого-либо сведения о «доме суккалов» (см. S. Langdon, Ten Tablets from the Archives of Adab, RA 19 (1922), с. 187-194).

По прямым данным документов устанавливается, что посольские учреждения располагались в следующих пунктах южного Двуречья: в Гуаббе, Хуриме, Аписале и Пузриш-Дагане. По косвенным, но достоверным сведениям можно утверждать, что такие учреждения существовали и в следующих центральных пунктах — в Лагаше, Умме и Адабе. Рассмотрим каждый из этих пунктов с юга на север.

1. «Дом гонцов (города) Гуаббы» (*é-kas_u Gú-ab-ba ki*)²⁰. Гуабба представлял собой один из небольших густонаселенных городов на юге Шумера, в котором пересекались пути, ведущие с «нижнего моря» (Персидский залив) и Элама²¹. Здесь же располагалось одно из государственных учреждений — «дом гонцов» (*é-kas₄*). Точное месторасположение Гуаббы пока еще не установлено. В вопросе его локализации можно полагаться лишь на письменные данные.

Гуабба располагался на пути из Ура (нынешний Ур Мугаир) в Гирсу (центр Лагаша, совр. Телло). По данным современных карт²² расстояние между этими пунктами приблизительно 65 километров. По данным одного из лагашских документов, 5 бурлаков проводили груженную лодку из Гуабба до Гирсу²³ за пять дней²⁴. Известный специалист сухопутного и речного транспорта древнего Двуречья А. Салонен установил, что бурлаки проходили в день приблизительно 9—10 километров²⁵. Выходит, что расстояние между Гуаббой и Гирсу (Лагаш) составляло пригл. 45—50 километров. Исходя из этого, становится ясно, что г. Гуабба располагался в 20—25 километрах от Ура (65 км — 45 км = 20 км).

²⁰ MOS XVI, 105 I 8, 146 VI 11; RTS, 399 XIII 8—9; TEL, 46 VI 4.

²¹ Подробнее см. AnOr XXX, с. 28.

²² В основном мы руководствуемся следующей картой: The Archaeological Map of Iraq. Directorate General of Antiquities, Baghdad, 1967.

²³ Почти все известные пункты Шумера были связаны друг с другом каналами. Для наглядности см. карту в книге MEA, с. 326; H. S a u r e n s. Topographie der Provinz Umma nach den Urkunden der Zeit der III. Dynastie von Ur, I. Kanäle und Bewässerungsanlagen, Heidelberg, 1966, с. 211.

²⁴ ITT III, 2, 5084:1—4.

²⁵ A. S a l o n e n. Nautica Babylo ni a c a, StOr 11 (1942), с. 46.

²⁶ MOS XVI, 146 VI 14.

2. «Дом гонцов Хурима» (\acute{e} -ka₄ Hu-ri^{ki})²⁶. Пункт этот находился неподалеку от Лагаша. В документах он называется наряду с Гуаббой²⁷. Установить его точное месторасположение и определить расстояние между Хуримом, с одной стороны, и Гуаббой или Лагашем, с другой, не удастся. Его мы можем условно поместить на середине 45-километрового пути между Гуаббой и Лагашем-Гирсу.

3. Посольские учреждения города Лагаша. Как было указано выше, в отмеченном городе, представлявшем собой значительнейший хозяйственный и административный центр древнего Шумерского государства, находился как «дом суккалов» (\acute{e} -sukka₄)²⁸ так и «дом гонцов» (\acute{e} -ka₄)²⁹. В лагашских документах, как и ожидалось, не сказано прямо, что эти учреждения расположены в Лагаше, но для современников было ясно, что под «домом суккалов» или под «домом гонцов» без специального указания подразумевались соответствующие учреждения, расположенные именно в этом, а не в другом пункте³⁰.

4. «Дом гонцов Аписалы»²¹ (\acute{e} -ka₄ A-pi₄ -sala₄ ^{ki}). Указанный пункт располагался на правом берегу реки Тигр, к востоку от Уммы, севернее известного поля Гуэдена³³. Соответствующие источники часто указывают, что расстояние между Аписалой и Уммой бурлаки-гуруши проходили за два дня³⁴, т. е. пункты эти были удалены друг от друга на 18—20 километров.

²⁷ См. AnOg XXX, с. 31.

²⁸ AB XXV, 41:1; MOS XVI, 142 IV 9, 154 II 34.

²⁹ AB XXV, 41:20; MOS XVI, 52:2, 83:6, 147 I 15, 200:18, 230:10, 231:13; EU, XX 32; ST III, 18 343 VIII 22; RTC, 399 XII 1, XIII 6, 8; TEL, 55:26, 138:5; 189:7, 201:2; ITT II 2, 869:7.

³⁰ Когда в документах из Лагаша речь идет о посольских учреждениях, расположенных в другом пункте, каждый раз на это соответствующим образом указывается, что это, скажем, «дом гонцов (города) Гуаббы» (см. здесь же, прим. 20) или «дом гонцов Хурима» (см. здесь же, прим. 26).

³¹ О прочтении названия данного пункта см. I. J. Gelb, *Additional Akkadian Values*, AJSL 53(1936), с. 39; е г о ж е, *Studies in the Topography of Western Asia*, AJSL 55 (1938), с. 70—72.

³² TCL V, 6038 VIII 29 (документ из Уммы).

³³ См. H. Saugen, *ук. раб.*, с. 211.

³⁴ Указание на соответствующие документы см. H. Saugen, *ук. раб.*, с. 93—94.

Через Аписалы проходила дорога, ведущая из Лагаша в Умму, длина которой, по данным современных карт, составляет примерно 40—45 километров. Получается, что Аписала располагалась в середине этого пути — на одинаковом расстоянии между городами Лагаша и Уммы.

В посольских документах из Уммы Аписала упоминается дважды: из этого пункта послы приходили в Умму³⁵.

5. «Дом гонцов» города Уммы. Как было отмечено, в Умме (нынешний Джоха) засвидетельствовано существование лишь «дома гонцов» (é-kas₄). К сожалению, как о посольских учреждениях Лагаша, так и о «доме гонцов» города Уммы не сохранилось таких прямых сведений, в которых было бы указано, что этот «дом гонцов» расположен именно в Умме. В одном из пространственных документов из Уммы, представляющем собой отчет о выплате 917 гурушам, работающим в филиалах хозяйств города Уммы, различных учреждениях и храмах этого же города, среди упоминаемых семи рыбаков числится «1 рыбак дома гонцов» (1 šu-ku₆ é-kas₄)³⁶. Документ составлен в Умме (šà-Umma^{ki} стк. 556)⁶ и на его основе расчет был произведен там же. Храмы и другие учреждения, упоминаемые в документе, расположены на территории города Уммы. И поэтому удовлетворение персонала этих учреждений продуктами происходило из центрального склада Уммы. Упоминаемый среди этих учреждений и é-kas₄ должен быть «домом гонцов» города Уммы.

6. «Дом суккалов» города Адаба (é-sukkal). Адаб (совр. Бисмайя) удален от Уммы на 40—45 километров. В течение всей эпохи III династии Ура он представлял собой центр одной из областей во главе с энси³⁷. Во время раскопок, произведенных здесь в начале нынешнего века Чикагским университетом, были выявлены документы, относящиеся к досаргонидской, аккадской династиям, эпохе господства гутиев³⁸, а

³⁵ Ник. II, 347: 4, 352:6.

³⁶ AnOr 1,88:330. Об этом же доме гонцов речь идет и в другом документе (см. Ник. II, 176:10).

³⁷ В документах этой эпохи часто упоминается «энси (города) Адаба» (en-si-Adab^{ki}, см. YOS IV, 2, с. 15; PDT 1,83, 625; SACT I, 126; BIN III, 466:6 605:1; Ник. II, 253:13, 459:9,469:16; IBK VIII, 26:6).

³⁸ Они опубликованы Д. Лукенбилем (см. OIP XIV).

также несколько текстов, датированных временем царствования Шульги — второго царя III династии Ура, всего десять документов³⁹. Из них посольскими учреждениями составлены лишь две посольские квитанции. У нас пока еще нет каких-либо других сведений, подтверждающих посольско-курьерскую деятельность в Адабе в указанную эпоху. О существовании здесь «дома суккалов» мы можем судить лишь по данным тех текстов времен аккадской династии, которые представляют собой документы о выдаче пива (kaš) различным лицам, возможно послам и гонцам. В них указано, что это «расход дома суккалов» (zi-ga é-sukkal)⁴⁰. Продолжал ли существовать этот дом в Адабе и в эпоху III династии Ура — сведений об этом пока еще нет. Однако мы полагаем, что на этот вопрос можно дать положительный ответ. О том, что здесь существовало какое-то посольское учреждение, свидетельствуют те две посольские квитанции эпохи III династии Ура, о которых речь шла выше⁴¹.

7. «Дом суккалов» города Пузриш-Дагана⁴² (é-sukkal). Пузриш-Даган (нынешний Дрехем) расположен в 20 километрах к северу от Адаба. В этом пункте обнаружено немало посольских квитанций, в которых речь идет о выдаче послам и гонцам мяса⁴³. Следует полагать, что эту операцию производил расположенный там же «дом суккалов» (é-sukkal), упоминаемый в одном из документов из Пузриш-Дагана⁴⁴.

Центральная дорога вела из Ура через Лагаш, Умму и Пузриш-Даган в главный религиозный центр древнего Шумера — в город Ниппур (совр. Ниффар). В посольских квитанциях из Лагаша часто упоминаются направляющиеся в

³⁹ См. S. Langdon, RA 18 (1922), с. 187—194.

⁴⁰ OIP XIV, 102:11—12, 147:8—9, 148:6—7, 152:6—7, 179: 8—9.

⁴¹ TA, 1, 2.

⁴² О прочтении названия отмеченного пункта см. D. O. Edzard, Puzriš-Dagan-Šilluš—Dagan, ZA 63 (1973), с. 288—294.

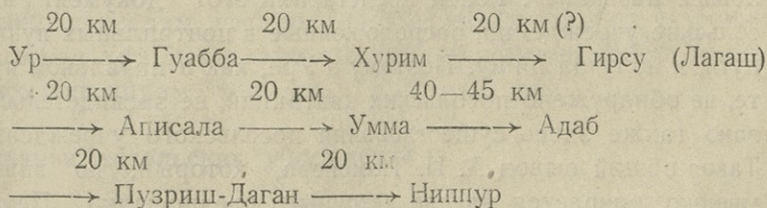
⁴³ BIN III, 12, 173, 217, 221, 382, 402, 502, 518, 551, 559, 561, 569; SACT 1, 148, 173; TRU, 341, 344, 307 361, 363; Ник. II, 450, 457, 463, 498, 509; PDT I, 454, 461, 473, 467, 528 и др.

⁴⁴ TrD, 81:12.

Ниппур или идущие из Ниппура послы и гонцы и другие должностные лица⁴⁵. Интересно, что в Ниппуре, куда так часто ходили послы и гонцы, не обнаружено ни одной посольской квитанции, у нас нет никаких доказательств для утверждения существования здесь какого-либо посольского учреждения.

Рассмотренный выше материал представляет линию расположения посольских учреждений в следующем виде:

Как видим, каждый пункт, в котором засвидетельствовано существование посольского учреждения, отделен от другого приблизительно на двадцать километров ($\pm 2-5$ км). Это расстояние послы и гонцы свободно проходили за один день, а в случае необходимости — даже за полдня, если они шли без груза или пользовались транспортом (ослы). Именно с этой целью и располагались на пути посольские учреждения в указанных выше пунктах.

Лишь на 40—45-километровом отрезке пути от Уммы до Адаба не засвидетельствовано, во всяком случае пока, существование какого-либо учреждения. Полагаем, что документы, которые будут выявлены, предоставят нам сведения по данному вопросу.

Несколько слов о посольских учреждениях Ура (совр. Ур Мугаир). Столица государства, в результате раскопок, проведенных здесь Л. Вулли, изучена, можно сказать, до последнего кирпичика. Изданы все обнаруженные здесь документы эпохи III династии Ура (всего 1.800 штук)⁴⁶, но среди

⁴⁵ HLC II, 115:15, 165:18, 302:18, 310:5; 325: 19, 354:20, 403:14; HSS IV, 57: 21, 86: 18, 96:20; MOS XVI, 193:17, 197:11, 199:14; 218:18, 221: 18; CT X, табл. 46, 21256:29; ABTR, 15:17; AT, 76 :3.

⁴⁶ L. Legrain, Business Documents of the Third Dynasty of Ur, I—II, London, 1937, 1947.

них нет ни одной посольской квитанции. Ни в одном из документов не упоминается также какое-либо посольское учреждение. Это обстоятельство совершенно справедливо дает возможность А. И. Тюменеву заключить, что в Уре не было посольского дома. Исследователь объясняет этот факт, как совершенно ожидаемое явление, тем, что в Уре, откуда во все концы отправлялись послы и гонцы, им выдавались специальные документы, т. н. посольские квитанции (наше условное название). Гонец представлял этот документ в посольские учреждения, расположенные в центральных пунктах пути, и получал пищу. Поэтому в Уре, как в начальном пункте, не обнаружено посольских квитанций, не засвидетельствовано также здесь существования посольского учреждения⁴⁷. Таков общий вывод А. И. Тюменева, который, по нашему мнению, опирается на две неточные предпосылки. Первая: неверно, что послы и гонцы отправлялись по всем направлениям только из Ура; по данным документов становится ясным, что главным пунктом, откуда распределялись послы и гонцы, являлся Лагаш. Вторая: А. И. Тюменев считал, что послам и гонцам документ для получения ими пищи и других видов обслуживания (т. е. посольская квитанция) выдавался на руки и они несли его с собой в течение всего пути. Внимательное изучение соответствующих документов позволяет выяснить, что это было не совсем так. Когда посол или гонец приходил в посольское учреждение, расположенное в том или ином пункте, ему выдавалось все необходимое, а об этом составлялся расходный документ, своеобразная ведомость, в которой указывалось, какую пищу и в каком количестве получил тот или иной посол или гонец. Документ хранился на месте же, видимо, для представления соответствующему лицу или комиссии при проверке⁴⁸.

Конечно, в Уре не было посольских учреждений — «дома суккалов» или «дома гонцов», но взамен их здесь, следует полагать, при дворце, имелось специальное учрежде-

⁴⁷ ГХДШ, с. 294, 296.

⁴⁸ По этим вопросам речь у нас будет идти в отдельном труде, поэтому на них здесь подробнее останавливаться не будем.

ние — «дом суккалмаха» (é-sukkal-mah)⁴⁹, который, не исключено, обслуживал послов, прибывших во дворец со специальными поручениями из соседних государств или от управляющих (энсов) отдельных областей. Но это обслуживание, по-видимому, не было того вида, как обслуживание в посольских учреждениях, расположенных на дорогах. Этим должен быть обусловлен и тот факт, что в Уре не обнаружено документов, подобных посольским квитанциям из других пунктов (Лагаш, Умма, Адаб, Пузриш-Даган). Плата же за службу суккалам, послам и гонцам других низших категорий из города Ура выдавалась натурой по общему списку вместе с другими лицами⁵⁰.

Функции посольских учреждений

Основным назначением посольских учреждений было снабжение продовольствием и другими необходимыми для путешествия вещами послов и гонцов, находящихся в пути. Дошедшие до нас посольские квитанции дают возможность представить повседневную деятельность посольских учреждений.

Сперва несколько слов о вопросе принадлежности посольских квитанций посольским учреждениям. Как было отмечено выше, в подобных документах очень редко указывается, кем они составлены. Лишь в двух случаях засвидетельствован факт, когда посольская квитанция, в которой речь идет о выдаче продуктов питания послам и гонцам различной категории, представляет собой отчет расходов дома гонцов — «расход дома гонцов» (zi-ga-é-kas₄)⁵¹. Однако подобную фразу пишут не во всех документах, поскольку необходимость в этом не существовала. Заинтересованному лицу было и без того ясно, кем был составлен документ и какого рода отчет он собой представлял.

До нас дошел годовой отчет «дома гонцов» Гуаббы, составленный в шестом году царствования царя Шу-Суэна

⁴⁹ Об этом учреждении см. здесь же, с. 43—45.

⁵⁰ Ср. ГХДШ, с. 296.

⁵¹ MOS XVI, 200:18; EU, XX 32.

(2050 г. до н. э.). В нем перечислены продукты (пиво, масло и др.), выданные «домом гонцов» Гуаббы послам и гонцам в течение года с указанием соответствующего весового количества⁵². Это — еще одно бесспорное свидетельство того, что выдачу продуктов послам и гонцам производили лишь посольские учреждения — «дома гонцов», а документы по поводу этой операции — посольские квитанции — составлялись именно в этих учреждениях.

Интересующие нас тексты указывают, что посольские учреждения снабжали послов и гонцов продуктами питания не только в пути (*kaskal-šè*)⁵³, но и в городе (*sà-uru*)⁵⁴. Продукты для еды в городе, разумеется, посольское учреждение выдавало послам и гонцам, прибывшим издалека, которые в ожидании новых заданий в течение нескольких дней находились в данном пункте. Например, в Лагаше некоему Лунане, отправлявшемуся в Сузы (главный город Элама), дают пять сила (0,844 л×5) муки для прожития в городе *šà-uru* и пять сила — в дорогу (*kaskal-šè*)⁵⁵. Точно так же поступают и в отношении посла из Элама⁵⁶.

Посольскими учреждениями, в основном, выдавались следующие продукты: пиво различного качества (*kaš*, *kas-sig*₅, *kaš-du*, *dida*), кунжутовое масло (*ia-giš*), ароматная приправа для пищи (*paga*), иногда рыба (*ku*₆), мясо (овечьё и козье *udu*, *ùz*), лук в пучках (*sa-sum*), хлеб (*ninda*), мука (*zid*). По сведениям текстов этикеток корзин, в которых хранились посольские квитанции, послам и гонцам выдавались также финики (*zú-lum*)⁵⁷, масло (*ia-nun*)⁵⁸ и другие молочные продукты (*ga-gâr !*)⁵⁹.

⁵² TEL, 46. Существует и трехмесячный отчет «дома гонцов» Гуаббы (см. MOŠ XVI, 105). Примечательно, что документы происходят из Лагаша. Видимо, «дом гонцов» Гуаббы был обязан представлять в центр трехмесячные и годовые отчеты, письменно оформленные соответствующим образом.

⁵³ HLC II, 105:3; 122:2, 6, 14; 127:5, 14, 21.

⁵⁴ HLC II, 85:11; 122:5, 8, 13; 125: 2, 4, 13; 127: 4, 10, 13, 20. Следует полагать, что остававшихся в городе послов и гонцов обеспечивали ночлегом.

⁵⁵ HLC II, 122:1—4.

⁵⁶ HLC II, 122:4—5.

⁵⁷ YBT IV, 7 II 16; 30 II 13.

⁵⁸ YBT IV, 7 II 14; 30 I 9.

⁵⁹ YBT IV, 30 I 10.

В расходах посольских учреждений был предусмотрен ячмень, который изредка выдавался для кормления транспортных ослов. В одном из документов сказано, что 40 сила (прибл. 30 кг) ячменя (še) было выдано «домом гонцов» Уммы для кормления ослов (anše-kú), принадлежащих проезжающему сыну царя (dumu-lugal) Пузур-Суэну и его свите⁶⁰. Однако это очень редкий и нестандартный случай.

Доход посольских учреждений и их рабочий персонал

Сведений, дающих полное представление о доходе посольских учреждений, очень мало, однако, опираясь на данные документов определенного ряда, все же можно хотя бы приблизительно выделить два источника доходов. Первый: из общегосударственных и областных средств; второй: от хозяйств, принадлежащих самим этим учреждениям. Удельный вес первого значительно больше нежели другого.

Согласно одному из лагашских документов, «дом гонцов», «дом гонцов Лагаша», из государственного склада одновременно получил 92 гура (прибл. 23.000 кг) ячменя⁶¹. Интересно то обстоятельство, что это большое количество зерна отмечено в качестве «поставки для дома гонцов» (sá-du₁₁-é-kas₄, стк. 2). Термином sá-du₁₁, акк. *satukku*, в шумерских хозяйственных и религиозных текстах отмечал и определенные взносы, подать храмам либо другим учреждениям⁶². Подобные взносы были и ежемесячными (sá-du₁₁-itu-da)⁶³. В данном конкретном случае мы не можем сказать, что 92 гура ячменя ежемесячно выдавалась посольскому учреждению, однако обозначение именно этим специальным термином, бесспорно, свидетельствует о том, что это количество зерна для посольского учреждения является постоянным, регулярным, в возможно, кварталным или полугодичным. Во вто-

⁶⁰ Ник. II, 350: 7—8. В другом случае 120 сила (прибл. 100 кг) ячменя выдается на корм (šà-gal) ослу, принадлежащему военному предводителю области (šagub, см. AnOr I, 103:6—8).

⁶¹ TEL, 201:1—2. Ячмень выдавалась прямо из закрома: ni-dub giš Tir-manu-ta «из закрома Тирману (топоним)» (стк. 3).

⁶² ŠL II, 457:39b; MEA, 457; MSL V, c. 11: 33.

⁶³ Ник. II, 374:5, 13, 21. Перевод термина с. ГХДШ, с. 96, 189, 195.

ром случае одновременно выдается 6 гуров (прибл. 1.500 кг) ячменя некоему Ур-Нанше для «дома гонцов» (*é-kaš₄-šè*)⁶⁴. Из ячменя, следует полагать, в самом посольском учреждении⁶⁵ пекли хлеб и варили пиво, являвшиеся постоянными и неизменными продуктами в рационе послов и гонцов.

Для «дома гонцов» (*é-kaš₄-šè*) из государственных стад выделяются и овцы. Соответствующий документ извещает: ¹60 *udu-pita* ² *é-kaš₄-šà* ³*é-udu-é-gal-ta* «163 баранов ² для «дома гонцов» ³ из дворцового стада (досл: «из овечьего дома дворца»)»⁶⁶. Документ составлен в Лагаше и, следует полагать, в нем речь идет о посольском учреждении Лагаша.

«Дому суккалов» (*é-sukkal*), расположенному в Пузриш-Дагане, из государственного склада выписано 8 рыб (8 *ku₆ é-sukkal*)⁶⁷. У нас нет прямого указания, но в том же Пузриш-Дага не следует предполагать наличие «кухни» (*é-muḫaldim*), в которой ежемесячно забивалось несколько десятков овец (*udu*) и коз (*ùz*), предназначенных для гонцов (*mu-kaš₄ -e-ne-šè*)⁶⁸.

Мясо в посольское учреждение поступало в виде довольствия (*kuḡ₆*) для посланцев от энси (правителя области). Как видно, количество этого довольствия, выделенное самим энси для посольских учреждений, было небольшим — в двух случаях он ограничивался половиной овцы ($\frac{1}{2}$ *udu*), однако если бы это количество было постоянным⁷⁰, оно имело бы определенное зна-

⁶⁴ TEL, 189:6—7.

⁶⁵ Не засвидетельствовано случая, чтобы посольскому учреждению был выписан уже выпеченный хлеб или сваренное пиво. Эти продукты, несомненно, изготовлялись из полученного ячменя на месте же.

⁶⁶ MOS XVI, 52:1—3.

⁶⁷ Tr D, 81:12.

⁶⁸ Соответствующие документы см. здесь же, прим. 43; ср. STAC, 5; S TK, 14:8; TD, 13:6—7, 18:6; CUOS VIII, 27:2—3; PCST, 13:5—6; AIS, 8:2—3, 9:3—4; TCSU, 39:4—5; KDD, 23: 2; TrD, 18:2—3; 20:12.

⁶⁹ MOS XVI, 230:10, 231:13; ср. HSS IV, 51:26, 53:33.

⁷⁰ Эта половина овцы была выдана посольскому учреждению в одном случае в шестом месяце (*itu ezend-Dumu-zi*, MOS XVI, 230:13), в другом — в первом месяце (*itu gána-maš*, MOS XVI, 231:17). К сожалению, дата (5-ый год царствования Амар-Суэна, MOS XVI, 231:17) сохранилась лишь на одном документе, из-за чего у нас нет возможности установить, что эта пища посылалась посольскому учреждению в один и тот же год или в разное время.

чение в доходах посольского учреждения.

Кроме продуктов питания государство выделяло посольским учреждениям необходимые послам и гонцам в дороге предметы — бычьью кожу (kuš-gud)⁷¹, из которой изготовлялась обувь для гонцов⁷².

Указанные учреждения снабжаются таким незначительным, на первый взгляд, предметом, как тростник. Согласно одному из документов, для «дома гонцов» (é-kaš₄-šè) города Уммы выписано десять пучков тростника (sa-gi)⁷³. Это растение в Двуречье применялось в основном в качестве топлива (gi-izi),⁷⁴ пищи (šà-gal) для скота⁷⁵, для изготовления палочек для письма на глиняных табличках⁷⁶ и тростинок для питья пива. В одном из документов из города Уммы сказано, что ¹419 gu-rin-gi ²kaš-kam aga-uš-šè «¹419 вязанок⁷⁷ тростника ²(предназначены) для изготовления (палочек для питья) пива курьерами»⁷⁸. Как видим, в практике древнего Двуречья вообще было известно выделение тростника для изготовления палочек для питья пива курьерам достаточно в большом количестве. Упомянутые выше десять вязанок тростника, отправленные в дом гонцов города Ум-

⁷¹ По одному из документов для «дома гонцов» (é-kaš₄-šè) выписаны 22 бычьих кожи (см. MOS XVI, 83:6). Там же указано, что это 10-месячная норма (см. там же, стк. 7, с третьего месяца года до первого месяца следующего года). В другом случае выписывается 5 бычьих кож (kuš-gud) и 2 овечьих кожи (kuš-udu, см. HSS IV, 52:19—20).

⁷² По данным документов времен III династии Ура устанавливается, что существовала практика изготовления для послов и гонцов обуви из кожи различного вида. В соответствующих документах часто упоминаются «сандалии гонцов» (kuš_e-sir... kaš₄) и «сандалии послов» (kuš_e-sir... lú-kin-gi₄-a, перевод соответствующих контекстов см. FBAM, с. 20). Не исключено, что для послов и гонцов изготовлялась также специальная «одежда гонцов» (TÚG-kaš₄, см. UDTR., 18).

⁷³ Ник. II, 176:10.

⁷⁴ См. Ник. II, 175:1, 188:1, 189:1; TCSU, 71:1.

⁷⁵ Ник. II, 183:3; STU, 42:1,7.

⁷⁶ A. Falkenstein, *Archaische Texte aus Uruk*, Berlin, 1936, с. 5—6; R. Campbell Thompson, *A Dictionary of Assyrian Botani*, London, 1949, с. 19.

⁷⁷ gu-rin, досл. «груз.» (см. SL, II, 559:76).

⁷⁸ Ник. II, 199:1—2.

мы, следует думать, в основном предназначались для удовлетворения этой потребности⁷⁹.

Государственный склад обеспечивал посольские учреждения транспортом и всем для него необходимым. В одном из документов из Лагаша указано, что «для повозки дома гонцов» (*giš giġir é-kaš₄-šè*) предназначается „ткань для покрытия задней (скамейки?) повозки“ (*túg-du₈-a-egir-giš giġir*)⁸⁰.

В доходах посольских учреждений значительное место занимали поступления от государства, выделяемые для этих учреждений в качестве пищи (*šà-gal*)⁸¹ и вознаграждения труда рабочего персонала (*še-ba*)^{81a}. В документах неоднократно указывается, что специально для рабочей силы посольским учреждениям выдается ячмень (*še*) или мука (*zid*)⁸².

Все вышесказанное свидетельствует о большом внимании, уделяемом государством посольским учреждениям. Они, как и ожидалось, существуют почти полностью за счет государства, однако потребности в продуктах, как видно из косвенных данных документов, частично удовлетворяли за собственный счет. Хотя здесь же следует отметить, что доля дохода этого ряда должна была быть не столь уж большой.

Более значительной кажется доля дохода, полученная от рыболовства. Выясняется, что у посольских учреждений были собственные рыболовы. В одном из документов назван рыбак (*šu-*

⁷⁹ В этом отношении могут представлять интерес данные одного из документов из Уммы, опубликованного А. Даймелем, где речь идет о выдаче по документу, к которому приложены печати суккалмаха (=Ир-Нанна, 6-ой год царствования Амар-Суэна) и суккалов, со склада энси различного количества вязанок тростника (см. UDTP, 61=OrSP 4 (1924), с. 59—60). Всего было выдано 13.200 вязанок тростника (*sa-gi*). Следует думать, что эти суккалы являются доверенными лицами посольских учреждений, получающими тростник с государственного склада для посольских учреждений (для отопления, корма скоту, изготовления тростников для питья пива и т.д.).

⁸⁰ ИТТ II 1, 869: 5—7. Существовала и специальная «лодка гонцов» (*má-kaš₄*, см. Ник, II, 226: 6), которая, следует думать, в первую очередь была отдана в распоряжение посольского учреждения.

⁸¹ АТ, 34:2.

^{81a} СТ III, 18343, VIII 22.

⁸² MOS XVI, 142 IV 1, 4; 146 VI 5—10; 154 II 34; TEL, 138: 1—5; RTC, 399 X 33— XI, 1, XIII 7—8; СТ III, 18343 VIII 22.

ku₆) дома гонцов (é-kas₄) города Уммы⁸³. Во втором же документе, представляющем собой документ учета рабочей силы дома гонцов Аписалы и других учреждений, упомянуты уже 23 рыбака⁸⁴, которые наряду с рабочими других категорий упоминаются как «рабочие дома гонцов Аписалы» (gír-sè-ga é-kas₄ A-pi₄ -sala₄ ki -me)⁸⁵. Это довольно большое число рыбаков, труда которых было достаточно для получения рыбы, необходимой для рациона послов и гонцов.

Мы не обладаем сведениями о том, что посольским учреждениям из государственных складов выдавались такие продукты, как овощи, в частности лук, приправа (пага), а также финики, растительное масло. Считаем полностью справедливым предположение о том, что посольские учреждения потребности в продуктах этого вида удовлетворяли в основном за собственный счет. Здесь же ставится вопрос: были ли у посольских учреждений земельные участки, выделенные государством, вели ли они собственное хозяйство для того, чтобы получать эти продукты? Косвенные, но весьма примечательные данные документов, думается, дают возможность положительного ответа на этот вопрос.

Выше, в связи с другими вопросами, упоминались рабочие посольских учреждений. В документах неоднократно перечислены: «группа рабочих дома суккалов» (erén-é-sukkal)⁸⁶, «28 гурушей дома суккалов» (28 guruš-é-sukkal)⁸⁷, «подсобный рабочий дома суккалов» (tur-SI.A-é-sukkal)⁸⁸, «рабочие дома гонцов» (gír-sè-ga-é-kas₄)⁸⁹, «рабочие дворца (и) дома гонцов» (gír-sè-ga-é-gal-

⁸³ AnOr I, 88:330.

⁸⁴ TCL V, 6038 VII 7—39. Один рыбак (1 guruš-šu-ku₆) упоминается и в отношении „дома гонцов“ города Лагаша (см. YOS IV, 189:1).

⁸⁵ Там же, VIII 28. Термин gír-sè-ga, *girseqû* в шумерских хозяйственных документах обозначал группы рабочих различной профессии и специальности (см. ŠL II, 444: 43a; AM, с. 292; CAD 5, с. 94—95; AOS XXXII, с. 235; GXDIII, с. 261, 270; NG III, с. 116).

⁸⁶ MOS XVI, 142 IV 4; AT, 34:2. erén «группа рабочих» (см. NG III, с. 109).

⁸⁷ AB XXV, 41:1.

⁸⁸ MOS XVI, 154 II 34. tur-SI. A «подсобный рабочий» (см. ŠL II, 144:28).

⁸⁹ TCL V, 6038 VIII 28.

-é-kaš₄)⁹⁰, «рабочие храмов, дворца (и) дома гонцов» (gir-sè-ga-é-dingir-re-ne-é-gal-é-kaš₄)⁹¹.

Данные одного из документов указывают на тот факт, что упомянутая выше рабочая сила посольских учреждений постоянна. В документе приводятся имена нескольких рабочих «дворца (и) дома гонцов». Каждому из них выдается определенное количество ячменя в течение всего года «с первого по двенадцатый месяц» (itu gápa-maš-ta itu še-íl-la-še)⁹². А это уже означает, что данные рабочие постоянно прикреплены к дому гонцов Лагаша, подразумеваемому в документе.

В одном из текстов из Уммы среди «рабочих дома гонцов» (gir-sè-ga-é-kaš₄-me) упоминается и 15 мужчин, которые называются «рабочими⁹³ кунжутной (плантации)» (engar-giš-ia)⁹⁴. Предполагается, что подобная плантация и рабочие, работающие на ней, были у подразумеваемого в документе «дома гонцов» Аписалы, может быть и у посольских учреждений, расположенных в других пунктах.

Все вышесказанное дает право предположить, что у посольских учреждений были и собственные земельные участки, на которых работали постоянные рабочие. Конечно, определенную часть рабочих можно было занять обработкой продуктов, например размолом муки, варкой пива, выпечкой хлеба, т. е. работами, которые в основном производили женщины⁹⁵. Рабочих-мужчин можно было использовать в качестве грузчиков, бурлаков и т. д. Однако, как видим, у посольских учреждений имеются и рабочие определенной спе-

⁹⁰ СТ III, 18343 VIII 28; RTC, 399 XII 6—7; MOS XVI, 147 II 4.

⁹¹ RTS, 399 XII 1—2. В этом же документе упоминается еще одна группа рабочих, установить профессию которых не удалось из-за повреждения таблички в соответствующем месте: lú-iti-...[...] -tum (см. RTC, 399 X 33).

⁹² СТ III, 18343 VIII 21—22, VIII 41—24.

⁹³ Досл. «земледелец» (engar), см. ŠL II, 56:4; MEA, 56.

⁹⁴ TCL V, 6038 VIII 16. Перевод термина принадлежит А. Салонену (см. АМ, с. 346 «Sesamarbeite»).

⁹⁵ У «дома гонцов» Лагаша еще имелись женщины, которые мололи зерно (géme-har-har) и варили пиво (géme-kaš-dub-ba-me, см. RTC, 399 XI 23, 26—27).

циальности — рабочие кунжутной плантации⁹⁶. Ведь где же можно было занять специалистов-рабочих, если не на собственной плантации!⁹⁷

Не ошибемся, если заключим, что посольские учреждения собственными доходами могли покрыть расходы в рыбе, овощах, приправе (*paḡa*), кунжутном масле (*ia-giš*) и, возможно, в финиках. Основные же продукты рациона послов и гонцов — пиво, хлеб, мясо эти учреждения получали из государственных складов.

«Дом суккалмаха» (*é-sukkal-maḡ*)

В источниках сохранилось несколько очень скудных и почти ни о чем не говорящих сведений о «доме суккалмаха». Достоверно знаем лишь, что он располагался в Уре. По данным одного из лагашских документов, несколько бревен было выписано «для дверей находящегося в Уре дома суккалмаха» (*ig-é-sukkal-maḡ-Urim^{ki}-ma-šè*)⁹⁸. Из этого сведения хорошо видно также, что шумерская идеограмма *é* в интересующем нас термине употреблена в ее основном значении — «дом». У нас нет никаких других данных, которые могли бы указать на какую-нибудь сторону хозяйственной жизни этого учреждения, его рабочий персонал и др.

По одному из лагашских документов некий Луниншубура из государственного склада получил «6 войлок (изготовленных) из козьей шерсти для дома суккалмаха» (*6 šá-tag-sig-ùz-...-é-suk-*

⁹⁶ В опубликованных пока хозяйственных документах времен III династии Ура не встречается упоминания земельного участка, принадлежащего посольским учреждениям (см. G. Pettinato, *Unterzuchungen zur neusumerischen Landwirtschaft*, I. Die Felder, I, Napoli, 1967). Мы можем высказать лишь предположение о существовании подобного участка, опираясь на косвенные сведения, рассмотренные здесь же.

⁹⁷ Возможно, с этих плантаций было получено то растительное масло — «кунжутное масло» (*ia, ia-giš*, см. *SL* II, 231—157), представлявшее собой постоянную составную часть рациона послов и гонцов (см. *AnOr* I, 93:3, 97:3, 9, 100:3, 11, 111:7, 132:8, 180:3, 266:10, 285:23, 304:7, 350:20; *ŠA*, LXXXII 10, CXXIII 12—13, CXXV 8, CLVIII 5, 12; *ШТЭ*, 6:6—7; *TCSd*, 312:14, 317:6; *Ник*, II, 281 I 8; *УВТ* IV, I I 5, 216 и т. д.).

⁹⁸ *ITT* V, 6998: 6—7.

kal-mah-šè)⁹⁹. В другом случае из Пузриш - Дагана отирается «1 ягненок (для жертвы) статуи (царя) Шу-Суэна в дом суккалмаха» (1 sila alan-d šu-dSu'en šà é-sukkal-mah)¹⁰⁰. Это все, что можно узнать из прямых данных документов о «доме суккалмаха».

В эпоху III династии Ура суккалмах являлся одним из высоких должностных государственных лиц, который управлял довольно сложным делом внутренних и внешних связей империи. Нам известно всего пять человек из отмеченной эпохи — Лугалуруда, Лали, Баба (?), Уршулфае, Ир-Нанна, Нинлиламаму и Либур-Суэн, которые в разное время являлись суккалмахами¹⁰¹.

Как установлено, все эти люди, кроме двух последних¹⁰², вели свою деятельность в городе Лагаше, являвшемся фактической столицей империи времен III династии Ура. Это тот город, во главе с которым в XXV в. до н. э. в южном Двуречье образовалось первое сильное город-государство. При дворе лагашских правителей в XXIV в. до н. э. видим первых суккалмахов. Начиная с этого времени, все суккалмахи встречаются только в этом городе. И это во время, когда учреждение, связанное с должностью суккалмаха, расположено в столице Уре. Парадоксально, но факт, что «дом суккалмаха» (в смысле учреждения), так сказать, пуст. К документу, на основании которого в Лагаше выписывается несколько бревен для двери «дома суккалмаха», приклады-

⁹⁹ UNT I,48:1—3. Термин šà-tag (встречается и с детерминативом, обозначающего ткань, túg šà-tag, см. SR, 64:I; UNT I,49:1), акк. mahsu, исследователи переводят различно: «войлок» (см. AOS XXXII, с. 253; СВТ I, 14874), «подушка» (см. SR, стр. 225), «матрац» (см. ŠL II, 384:94).

¹⁰⁰ SACT I,172:12.

¹⁰¹ Подробнее см. J. M. Sharashenidze, ук. соч., с. 87—88.

¹⁰² Лишь в результате обострения внешнеполитической обстановки, что определенно заметно в конце эпохи III династии Ура, суккалмахи Нинлиламаму и Либур-Суэн переместились из Лагаша в Ур; но в это время уже все смешалось. Нарушается и посольско-гонцовая деятельность; посольские учреждения фактически уже не функционируют, в том числе нет сведений о «доме суккалмаха». Для выяснения поставленной задачи уже не имеет значения, где в данное время находятся суккалмахи — в Уре или Лагаше.

вает печать суккалмах Ир-Нанна. В это время он, как всегда, находится в Лагаше и трудится там же.

Думаем, что в данном случае этому факту можно дать следующее объяснение:

Местонахождение и деятельность суккалмаха в Лагаше совершенно естественны. Этот город являлся центром посольско-гонцовой деятельности. Отсюда во все концы страны направляются послы и гонцы и здесь же принимает суккалмах прибывших послов. Поскольку суккалмах находится в Лагаше, в центре ведущейся им деятельности государственного значения, то он, разумеется, не мог одновременно находиться в другом месте, в частности в городе Уре, где при дворе существует учреждение, связанное с должностью суккалмаха — «дом суккалмаха». Возможно, он представлял место, где находился человек, заменявший при дворе суккалмаха.

Таким образом, источники, имеющиеся в нашем распоряжении и свидетельствующие о деятельности посольских учреждений, дают нам возможность лишь предварительно сформулировать некоторые выводы. Документы, которые, бесспорно, будут выявлены в будущем, по-видимому, дадут новые сведения по интересующему нас вопросу, однако надеемся, что они существенно не изменят представленную выше картину.

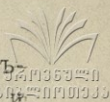
Р. С. РЦХИЛАДЗЕ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ВАВИЛОНЯН

О религиозных верованиях вавилонян можно судить по многочисленным текстам, дошедшим до нас в виде гимнов, посвященных тем или иным божествам, молитв, предназначенных для исполнения как в повседневной жизни, так и во время торжественных обрядов; о религии вавилонян дают представление также тексты официальных царских надписей и частная деловая переписка¹. Сфера идеологических представлений вавилонян затрагивает весьма большое количество интересных вопросов. В данной статье мы коснемся только некоторых из них и постараемся разъяснить их по мере наших возможностей. Особенно коснемся вопросов, затронутых в серии молитв, известных в научной литературе под названием: «Handerhebung», изданных Э. Эбелингом. Предварительно хотим оговориться, что как в чисто религиозных текстах, так и в письменных источниках, лишь частично касающихся идеологии, вавилоняне в основном просят своих богов о лучшем уделе при жизни, просят о долголетию и счастливом существовании. В специальной научной литературе высказано мнение, что вавилоняне приносили жертвы богам и молились исключительно ради благополучия не в потусторонней жизни, а старались улучшить таким путем свое положение при жизни². Однако известно, что царь На-

¹ В настоящей статье не имеется возможности учесть археологический материал, представляющий весьма серьезный источник для определения религиозных вопросов вавилонян.

² J. Nougayrol, Aspect de la prière individuelle dans la Mésopotamie ancienne, Serie Université de Paris, 1967, pp. 115—117; E. Ebeling, Die akkadische Gebetsserie «Handerhebung», Berlin, 1953, Ss, 136, 137.

вуходоносор в надписи, специально составленной для представления в потустороннем мире, перечисляет свои заслуги и высокую деятельность, что, видимо, в его представлениях могло облегчить ему участь после смерти³. Известно, что представители халдейской религии верили в бессмертие душ, которые обитали в стране Аралу, но весьма неприглядным и гнетущим казалось их состояние в этой обители.⁴ Духовная культура вавилонян, которая многим обязана шумерийской культуре, очевидно, пренебрегла развитием существовавших у шумеров представлений о загробной жизни человека, не беспокоилась о состоянии душ усопших, не создала специального ритуала для замаливания грехов смертных⁵. Вышеупомянутая надпись с текстом Навуходоносора остается исключительным, но заслуживающим внимания фактом. Возможно, что в Вавилоне, кроме данного, имелись и другие подобные тексты, но они нам неизвестны.

В эпоху древнего царства в Вавилоне начинается процесс возвышения культа бога Мардука. Эта тенденция усиливается в нововавилонское время. На протяжении веков многочисленный пантеон вавилонских богов подвергается унификации; способствовали этой унификации и направляли ее жрецы Эсагилы, главного храма Мардука в Вавилоне, объединяя в образе Мардука все способности других богов. Они были в корне заинтересованы в этом. Из под их пера выходили хвалебные песнопения и гимны, служащие возвеличению бога Мардука. В специальной научной литературе высказано мнение, что Мардук был традиционным божеством нововавилонских царей, а жрецы и горожане якобы предпочитали бога Набу. Об этом, в частности, писал Г. Шнайдер. Отсюда по его мнению и исходит обычай нарекать престолонаследников Вавилона именами, в которых имя Мардук выступало

³ St. Langdon, Die Neobabylonische Königsinschriften, Leipzig, 1912, S. 74—76, Nabuk., № 1, Col. II₄₄—53.

⁴ J. Oppert, Expédition scientifique en Mésopotamie, t. I, Paris, 1863, p. 124; Immortalité de l'âme chez les Chaldéens, Paris, 1875. Известно, что в Барсиппе, в храме великой богини, стояло три алтаря: жизни, живого духа и духа.

⁵ С. Крамер, Две шумерийские элегии, Москва, 1960 г., с. 13—15.

как основная часть. Так например, сын Навуходоносора носил имя Авел-Мардук, Набонид назвал сына Белшаруеу-ром, где под Белом опять-таки подразумевался Мардук⁶. Мы уже отмечали раньше, что Набонид своим главным божеством считал Сина, а не Мардука. Именно на этой почве возникали у него конфликты со жрецами. Набонид был по происхождению из Харрана, и культ Сина, процветающий в этом центре, навсегда определил его верование. Миграция культа Сина из Харрана очевидный факт⁷. Надписи царя Набонида намекают о предпочтении им лунного божества, и поэтому Бел в составе имени его сына означает не Мардука, а Сина. Несмотря на свое высокое положение царь, все же, по некоторым политическим соображениям, громогласно не заявлял о предпочтении им Сина. Что касается Авел-Мардука, здесь дело касается других обстоятельств: дальновидный царь Навуходоносор знал, что престолонаследник, не будучи сильной фигурой, нуждался для сохранения власти в поддержке жрецов и определенной части населения, которые предпочитали поклоняться Мардуку, как официальному божеству царства; поэтому и назвал он сына Авел-Мардуком. Традиционным же царским божеством являлся Набу. Так обстояло дело и в случае с Нериглисаром. Он тоже назвал наследника Лабаши-Мардуком по вышеуказанной причине. Сам Навуходоносор в своих надписях отдает явное предпочтение богу Набу⁸.

Все вышесказанное дает нам право заключить: у первых венценосцев Вавилона нового царства на первом месте стоял культ Набу. Это божество — единственное в своем роде, о ко-

⁶ H. Schneider. Kultur und Denken der Babylonier und Juden. Leipzig, 1910. S. 235.

⁷ Р. С. Рцхиладзе, Поздний Вавилон в «Истории» Геродота (автореферат кандидатской диссертации), Тбилиси, 1971, с. 26, 27. S. Smith, Babylonian Historical Textes, London, 1924, pp. 41, 43, 84, 88, 11₂₋₇; D. S. Rice, From Sin to Saladin, Illustration London News, 1957, № 61 172, p. 469; ср. Л. Вулли, Ур халдеев, Москва, 1961, с. 232, 233; A. L. Oppenheim, The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East, Transaction of American Philosophical Society, 1956, N. S. v. 46, p. 20.

⁸ St. Langdon, ук. соч., с. 60—71, 72—209.

тором в религиозных текстах сказано, что Мардук не может заменить Набу, тогда как всех других богов он имел право представлять⁹.

Из текстов частной деловой переписки видно, что на протяжении всей истории нововавилонского царства вавилоняне среди всех богов отдавали предпочтение Набу. Исследование корреспонденции нововавилонской эпохи, изданной Ф. Мартином, показывает, что во всех частных письмах, за незначительным исключением, обычную формулу обращения к богам в начале письма возглавляет бог Набу и только за ним следом упоминается Мардук¹⁰. Официальная религия царства признавала первенство Мардука до падения Вавилона, да и после вторжения Кира и во время персидского владычества Мардук выступал официальным главным божеством Вавилона.

Последний из оставивших значительный след царей Вавилона, Набонид, как уже было сказано выше, считал своим покровителем и первым божеством Сина, но должно быть только узкий круг его приближенных разделял его стремление к лунному божеству. Жрецы Мардука, которые в Вавилоне обладали внушительной силой как на экономической, так и на политической арене, не могли остаться равнодушными к инакомыслящему царю. Возникший глубокий конфликт между царем и жречеством сыграл немалую роль в падении Вавилона. Завоеватель Вавилона, Кир, как раз и воспользовался этим самым конфликтом, выступая покровителем культа Мардука и таким образом приобретая приверженцев во вражеском стане. Несмотря на явное предпочтение Набонидом бога Сина, по официальным царским надписям без внимательного изучения заинтересованного специалиста трудно судить об этом¹¹.

Религиозные тексты последнего периода нововавилонского царства свидетельствуют, что культ Мардука унифицировался уже до предела. Все то, что в представлениях вавило-

⁹ E. Ebeling, ук. соч., KAR II N 25+N23+N68.

¹⁰ Fr. Martin, Lettres neobabylonienne, Paris, 1909.

¹¹ St. Langdon, ук. соч., с. 219—299.

няя связано с благом, концентрируется в образе Мардука. Он становится воплощением мудрости, могущества, доброты и достоинства. В серии аккадских молитв, известных в научной литературе как «Handerhebung», находится текст одной молитвы, где специфические свойства всех богов объединяются только в одном образе бога Мардука. Он олицетворяет все положительное: Син — божественность Мардука, Ану—Верховность, Энлиль — царское достоинство, Даган — сила и мощь, Адад — могущество, Набу и Эа — мудрость, знание, мастерство, Нинурта — главенство, руководство, Нергал — власть, Нуску — сердечный совет, Шамаш — достоинство судьи, Игиги — величие, Ирнини — блеск¹². Данная молитва — редкий экземпляр стремления к монотеизму; молитва — как бы гимн величайшему правителю всей вселенной, который воплощается в едином боге Мардуке. Мардук господин всего мира, избранный вонитель, безмерно умный, сверхмощный, мудрый правитель богов, дальновидный предводитель, наблюдатель и господин гор, обилия родников и морей. Мардук заставляет расти траву и злаки, доставляет богам хлеб и пищу, он — единственный правитель Анунаки, заставляет людей трудиться, освещает их как Шамаш, исцеляет больных и страждущих и т. п.¹³. Такое стремление к единению всего сущего в одном лице, по-видимому, должно быть первоначальной ступенью образования идеологии монотеизма. Столь значительное усиление культа Мардука, который был основой веры нововавилонского царства во второй половине VI в. до н. э., не могло быть забыто в такое короткое время (примерно около пятидесяти лет), прошедшее с тех пор, когда в Вавилоне был с визитом «отец истории» Геродот, как об этом утверждает О. Равн¹⁴. Если Геродот не упоминает о культе Мардука в своей «Истории», это лишь потому, что повествование об этом должно было быть в

¹² E. Ebeling, ук. соч., с. 15, KAR N 25, II Col.

¹³ Zur Wiederherstellung der Marduk-Gebete, BMS 11 und 12, Iraq, 1969, v. XXXI.

¹⁴ O. Ravn, Herodotus' Description of Babylon, Copenhagen, 1942, p. 53.

дважды обещанном «ассирийском логосе». Он, в частности, пишет, что в «ассирийском логосе» опишет храмы Вавилона (1,184). По-видимому, здесь же должно было фигурировать описание культа богов и в первую очередь, конечно, культа Мардука. Но, к сожалению, этот логос до нас не дошел; в специальной научной литературе известно, что он или вовсе не был написан или затерялся¹⁵. Известно, что во II в. до н. э. служители культа Мардука все еще имели достаточную экономическую мощь, чтобы материально помогать царским чиновникам¹⁶. Спустя три века после посещения Геродотом Вавилона коллегия жрецов Эсагилы издает свои постановления; так что культ Мардука к этому времени все еще должен был иметь достаточную силу и должное влияние среди вавилонян. Несмотря на то, что Ксеркс похитил из Эсагилы статую Мардука и часть храма разрушил¹⁷, традиции культа Мардука этим актом он не мог упразднить (надо думать, что кроме похищенной статуи, в Вавилоне были и другие изображения этого бога). Стремление вавилонян к монотеизированию своих религиозных воззрений положило начало монотеизму религии иудеев. Полвека вавилонского плена не прошло для них даром; они восприняли идею всеобъемлющего бога, единого и высшего владыки. После начала похода Кира на Вавилон Набонид собрал изображения всех богов из других городов в Вавилоне¹⁸. Этим актом он, независимо от своего желания, способствовал усилению влияния единого бога.

Религиозные тексты свидетельствуют, что бог Мардук становится первенствующим во всех отраслях деятельности вавилонян. Он управлял сельским хозяйством, земледелием и животноводством; он — верховный пастух, домашние животные получают корм и пасутся под его началом; он заботится о них каждый день, водит их на водопой¹⁹.

¹⁵ Fr. Coingard, Hérodote, Paris, 1892, с. 79.

¹⁶ E. Unger, Babylon, Berlin-Leipzig, 1931, с. 319—323, № 57.

¹⁷ Her., I, 183; ср. В. Aelian, 13, 3; Diod., II, 9.

¹⁸ S. Smith, ук. соч., с. 103, 104, 113, 117, 111¹¹⁻¹².

¹⁹ E. Ebeling, ук. соч., King Magic, № 16 N 42, с. 89—91.

Молитвы в честь Мардука часто исполнялись в ночное время, на кровле дома. Молящийся должен был подняться на плоскую кровлю, подмести ее, затем произвести возлияние священной водой, вином и возжечь ароматическое вещество²⁰.

Об интересном и оригинальном жертвоприношении в честь Мардука идет речь в одной молитве из вышеуказанной серии «Handerhebung». Дело касается исцеления больного. Мардук должен был вылечить человека от лихорадки, злых чар, проклятия, тоски и головной боли. Для исполнения нужного церемониала во время молитвенного обращения к Мардуку молящийся должен был повязать голову красной косынкой и преподнести на трапезу богу яблочный, фиговый, тутовый цвет и зелень, древесное масло, перемешанное с веточками тамариска и кипариса, а также других растений²¹. Красный цвет повязки предназначался для изгнания злых демонов. Мардук, как воплощение добра, заставлял скрываться больших демонов Галу и Намтар²². Изгнание злых демонов было обязательной предпосылкой исцеления страждущего по религиозным представлениям вавилонян.

Бог Мардук, как и другие божества, кроме своего официального имени, имел такие прозвища, как: Туту, Асарилух, Тутузику, Шазу²³. Мардук и его божественная супруга Царпаниту, как верховные божества, имели своих собственных, если можно сказать, дворовых прислужников — мелких богов. Это: Миушар и Катуна, богини парикмахеры Царпаниту, Мина-икул-бели — пекарь, Мина-ишти-бели — пивовар, Мурим-ме-балати и Надин-ме-кати — служители колодца во дворе Эсагилы, Абба и Илкуна — боги ворот, четыре собаки-боги: Укуму, Сукулу, Икшуду и Илтебу, боги рек: Ид, Идгал, Идсилим, Идлуругу²⁴. Как явствует из одного религиоз-

²⁰ E. Ebeling, ук. соч., с. 74, 75, King Magic, N 12.

²¹ E. Ebeling, ук. соч., с. 75—79, King Magic, N 125.

²² Там же, с. 79, King Magic, N 12₁₋₂; с. 97, N 3351 (King STC. sIS, 204 ff., Hehn BAV NV)₆.

²³ Там же, с. II, KAR V N 25 N 23 N 687; S. 95, K 3351₁₋₂; S. King Magic № 22₃₆, NS 165; E. Unger, ук. соч., с. 129, № 207.

²⁴ E. Unger, ук. соч., с. 259, № 7.

ного текста, с культом Мардука был связан церемониал смены дня и ночи. В храме Эсагила был так называемый *bit ūmi* (Дом дня), а в Барсиппе, в храме Набу, в Эзиде, существовал *bit mīši* (Дом ночи). В церемониале изменения продолжительности дня и ночи принимали участие девушки Эсагила и Эзиды. Это две пары сестер; одна пара сестер направлялась в Эзиду «дом дня» в самый короткий день месяца Тебету (декабрь) для удлинения дня. Девушками Эсагила были Миушар и Катунa, девушками Эзиды — Газбаба и Канисура²⁵. Трудно судить, чем они занимались кроме этих церемониальных переходов из одного дома в другой, какими конкретными действиями оказывали воздействие на продолжительность дня и ночи²⁶. Можно сказать, что «дом ночи» в Эзиде должен был быть связан с культом ночного светила, Сина. В самом деле, из текста одного большого календаря вавилонских празднеств, где действуют те же сестры для воздействия на продолжительность дня и ночи, видно, что бог Набу, в храме которого находится «дом ночи», осуществляет свое блестящее величие посредством воплощения в своем образе бога луны²⁷. Богини Газбаба и Канисура известны как дочери богини Нана-Инана, отцом которой был Син. Культ бога луны — Сина был связан в религии вавилонян с самым таинственным церемониалом. Как правило, он совершался ночью; ночь полнолуния считалась ночью таинств высоких богов и предсказаний Сина. Смертные старались этой ночью вопрошать оракул Сина о своей участи, предназначенной богами. В последнюю ночь полнолуния справлялись большие празднества Сина. Жертвы Сину следовало приносить конечно ночью, помилование же получали в полночь. Син был господином богини людской участи, он мог нарушить спокойствие человеческого сна²⁸.

²⁵ Там же, с. 271, № 14.

²⁶ Миушар и Катунa, как сказано было выше, богини прислужницы супруги Мардука, Царпаниту, занимались завивкой ее волос; см. E U n g e r, ук. соч., с. 259, № 71, 2.

²⁷ E. U n g e r, ук. соч., с. 268, Kol. I₁₆, с. 265, Kol. I₁₆.

²⁸ E. E b e l i n g, ук. соч., с. 7, King Magic, N 1, с. 45, KM N 636; M. J a s t r o w, Die Religion Babyioniens und Assyriens, Giessen, 1905, стр. 77.

По обычаю, статуи главного бога Мардука и его собственной супруги Царпаниту стояли в храме Эсагила. При каситском правителе Агумкакрине обе они были перенесены в храм Шамаша, но это являлось временным мероприятием в связи с их реставрацией; заново украшенные статуи были опять водворены в Эсагиле. Их разукрасили драгоценными камнями, на одежду богов было растрчено четыре таланта (120 кг) золота²⁹. Для реставрации этих статуй при Эсагиле служил ювелир. Он был очень привилегированной личностью. Один из клинописных текстов сообщает нам, что ювелиру Эсагила Мардук-Мубалиту создали особые условия, освободили от податей. Привилегии получали и другие мастера, работающие в храме Мардука³⁰. При храме Мардука был и писец; специально из доходов храма ему было положено довольствие; иногда он получал сверх нормы некоторое количество зерна³¹. У статуи Мардука должны были стоять изображения собаки, ужа, человека-рыбы и др.³². В храме Мардука было множество ворот, которые назывались именами вавилонских божеств³³. Каждые из них служили вавилонским царям местом совершения части религиозного церемониала во время новогоднего фестиваля, когда царя временно лишали всех прав, а затем снова реабилитировали. После сцены мнимой смерти царь возвращался с поникшей головой и молящийся в Эсагилу, совершал ритуал у ворот, последовательно приобщаясь к обилию, покровительству божества, счастью жизни, к живым людям, получал предсказание, помилование в грехах, освобождался от тоски, омывался водой, а затем в счастья встречался с Мардуком и преклонял колени перед богиней Царпаниту³⁴. Так восстанавливался он в своих правах и прикасался к рукам Мардука, что символизировало независимость и могущество Вавилона.

²⁹ E. Unger, ук. соч., с. 276—279, № 18.

³⁰ Там же, с. 279, № 18, Kol. VI—VIII.

³¹ Там же, с. 317, № 54.

³² Там же, с. 263, № 11.

³³ Там же, с. 182—187, № 15; Her., I, 181.

³⁴ E. Unger, ук. соч., с. 272, № 15.

Интересно отметить, что в Вавилоне существовал обы-
чай совершать определенный ритуал у городских ворот³⁵. В
одном религиозном тексте указано, что жертвоприношение у
городских ворот должно было произойти в месяце Дузу
(IV месяц)³⁶.

Верховным женским божеством и супругой Мардука, как
известно, была Царпаниту-Иштар, богиня любви и плодородия,
она же была и богиней утренней, восхода и захода
солнца, что ее связывало с Шамашем (их считали близнеца-
ми). Царпаниту, как богиня любви, управляла всеми дев-
ственницами³⁷. Ее символом считалась планета Венера³⁸.
Кроме этого она была известна и под другими названиями:
Инина, Нинмена, Папнуаки³⁹.

Царпаниту-Белтия, как и Мардук, узурпировала права
всех других богинь; со временем она поглотила их образы и
стала единовластным божеством женского начала⁴⁰.

В серии молитв «Handerhebung» есть молитва, обращенная
к богу Ададу, в которой просят его уничтожить врага,
что, как видно, осуществлялось посредством наводнения, гро-
ма и молнии⁴¹. Бог Адад был покровителем очага и как бо-
жество Гира мог уничтожить жизнь человека⁴². Матерью его

³⁵ Известно, что восемь ворот Вавилона носили имена богов; Мардука,
Иштар, Сина, Забабы, Адада, Энлиля, Шамаша и Ураша; см. E. Unger,
ук. соч., с. 65—75; были еще и пять малых ворот; см. там же, с. 76, 77.

³⁶ E. Unger, ук. соч., с. 267, Kol. IV₂₇; интересно отметить, что в вавилонских документах упоминается чиновник права городских ворот; см. R. Doherty, Archives from Neo-Babylonian and Persian Periods, New Haven, 1933, с. 26; слова ворота и подать оба обозначаются abīllu, что было вызвано, видимо, тем, что подати взимались у ворот города.

³⁷ E. Ebeling, ук. соч., N 9₁₄, с. 69, 61, King Magic, N 8, N 5, с. 127, King Magic, N 39₆.

³⁸ Там же, с. 132—133, King Magic, № 39; E. Doherty, Les religions de Babylonie et Assyrie, Paris, 1945, с. 146.

³⁹ E. Ebeling, ук. соч., King Magic, N 20, с. 107; N 22₂, с. 165.

⁴⁰ Так она воплотила в своем лице: плодородие, любовное влечение, жизненную энергию, тепло и свет и т. д.

⁴¹ E. Ebeling, ук. соч., с. 105.

⁴² Там же, с. 105, K 9759₁₂.

была богиня Шала, дочь Энлиля⁴³. Властителем подземелья был Нергал, его супруга — Кутушар, тоже дочь Энлиля; небесным символом ее считался Марс, Цалбатану⁴⁴. Другие боги вавилонян тоже имели символы в виде небесных светил. Так, символом Нинурты, дочери Энлиля, был Орион и звалась она Сибцианой. Сибциана выращивала зерновые, освобождала от колдовства и зла людей, избавляла от злой болезни и сохраняла здоровье человека. Богиня Ишхара воплощалась в созвездии скорпиона, предохраняла человека от злых демонов, чар, гнева и грязи⁴⁵. Божествам, воплощенным в созвездиях, полагалось приносить жертвы ночью⁴⁶. Как и у Мардука, у солнечного божества Шамаша был прислуживающий ему бог Бунене⁴⁷. Шамаш олицетворял законодательство и право, в этой деятельности помогали ему боги Киту и Мешару⁴⁸. Известно, что символ Шамаша представляется обычно в виде солнечного диска. Однако изображение этого символа и Шамаша, представляющее собой комплекс фигур, нам кажется, дает возможность более детально охарактеризовать Шамаша и его назначение в космогонии вавилонян. Обыкновенно Шамаша изображали в виде рослого мужчины с бородой, в длинном одеянии, за плечами которого поднимались два мощных языка пламени, рядом — диск, в который вписана звезда; звезда четырехконечная, между ее концами проходят волнообразные линии, с обеих сторон диска поднимаются крупные ответвления, соединенные с Шамашем. Создается впечатление, что Шамаш с помощью ответвлений приводит в движение диск и вписанные в него фигуры. Диск, безусловно, символ солнца, четырехконечная звезда должно

⁴³ Там же, с. 164, King Magic, N 29; E. Dhorme, ук. соч., с. 111 128.

⁴⁴ E. Dhorme, ук. соч., с. 80; E. Ebeling, ук. соч., с. 9, 11, Scheil, Sippar, N 2, с. 103, King Magic, N 219.

⁴⁵ Там же, с. 149—151, HDI, 2, N 110, с. 140, 147, King Magic, N 219.

⁴⁶ Там же, с. 59, King Magic, с. 163.

⁴⁷ Там же, с. 53, VAT 13635, с. 55, VAT 8786-KAR N 55,9.

⁴⁸ L. Delaporte, La Mésopotamie, Paris, 1923, с. 156; M. Jastrow, The Civilization of Babylonia and Assyria, Philadelphia and London, 1915, с. 204.

быть представляет землю (четыре конца олицетворяют четыре стороны света), а волнообразные линии — водную стихию. Все эти фигуры хорошо соответствуют космогоническим представлениям вавилонян, согласно которым водная стихия окружала земную поверхность, а все это было окружено огненным диском солнца, движение которого происходило посредством неугасимой энергии Шамаша. Таким образом, Шамашу и его законам подчинялся весь суший мир, ведь Шамаш был высшим законодателем Вавилона⁴⁹.

В серии молитв «Handerhebung» упоминаются божества, подчиняющиеся высшим и главным божествам, играющие роль как бы посредников между смертными и бессмертными. Такова богиня Гула. В религиозных текстах, а также в царских строительных надписях она выступает управительницей жизни и смерти; вавилонские цари просят ее о долголетии. По текстам вышеуказанной серии молитв видно, что она живет высоко в небе, посылает жизнь на землю, просит Мардука и Царпаниту смилостивиться над молящимися⁵⁰. Несмотря на то, что Мардук, как высшее божество, наделен способностью воскрешения мертвых, в конкретных случаях в текстах с просьбой о сохранении жизни, обычно, обращаются к Гуле. По одному тексту календаря религиозных празднеств, Гула, как госпожа жизни и смерти, участвует в родах и это вполне закономерно, поскольку дело касается рождения нового существа, новой жизни⁵¹. Символом богини Гулы была собака; ее обычно изображали с собакой. Молитвы, посвященные ей, писались на статуэтках собак, сделанных из золота, серебра, бронзы и терракоты. В молитвах выпрашивается долголетие для жертвующего и его наследников⁵². Эпитетом «дающего

⁴⁹ M. J a s t r o w, *The Civilization of Babylonia and Assyria*, Philadelphia and London, 1915, c. 203.

⁵⁰ E. E b e l i n g, ук. соч., c. 31, King Magic, N 4.

⁵¹ E. E b e l i n g, c. 13, KAR I, N 23₂₁; E. U n g e r, ук. соч., c. 267, N 13_{41,42}; Синонимом Гулы была богиня Бай; см. M. J a s t r o w, ук. соч., c. 200.

⁵² St. L a n g d o n, ук. соч., c. 164; K L. W. K i n g, *The Babylonian Baundery Stones and Memorial Tablets*, London, 1912, pl. XCI; E. S o l l b e r g e r, *Two Kassite Votive Inscription*, IAOS, 1968, v. 88, N 1, c. 192.

жизнь» награждается и божество Мадану, который не так часто появляется в текстах вообще. В серии молитв «*Handerhebung*» он фигурирует в отдельной, посвященной ему, молитве. Мадану тоже посредник между человеком и высшими богами, осуществляет справедливость, всевидящий и спаситель, оживляет умерших, исцеляет человека, спасает от тоски, он считался еще и надсмотрщиком Ануаки⁵³. Исцелять больного мог и Нуску, и богиня Ташмету, супруга Набу⁵⁴. Она считалась очень расположенной к людскому роду, покровительствовала ему, старалась умиловить разгневанных богов. Она — госпожа сна и сновидений и как таковая разделяла мудрость Набу. Ей, как Набу, посвящали ночные ритуалы. Во время этих ритуалов сжигали кипарис, делалось возлияние из смеси смирны, молока и муки, вином и святой водой. Интересно отметить, что в молитве, обращенной к ней, упоминается о воздержании от приема свинины ради избавления от желчи, тоски и злых демонов⁵⁵. Должно быть, вавилоняне знали о вредном влиянии свинины на больную печень. Упомянутая диета ради избавления от желчи и тоски, видимо, и означала лечение патологических явлений в печени.

Богиня Цалбатану тоже считалась воскресительницей от лихорадки, от сильной головной боли⁵⁶.

Как было упомянуто выше, изгнание злых демонов считалось обязательным моментом в исцелении больного. Вавилоняне знали массу демонов; среди них были такие, которые, не считались вредоносными. Таковы — Галу и Шеду. Большинство же демонов злые; это: Шаку, Намтару, Утуку, Алу, Этиму. Особенно преследовал людей демон Рабицу. Он поджидал свою жертву на дорогах. Его представляли в виде львоголовой женщины со змеями в руках. Была еще троица демонов: Лилу, Лилиту, Ардат Лилу⁵⁷.

⁵³ E. Ebeling, ук. соч., с. 33, 35, King Magic, N 5; E. Unger, ук. соч., с. 187, 260, N 8.

⁵⁴ E. Ebeling, ук. соч., с. 37, 39, 41, KAR, II, N 58.

⁵⁵ Там же, с. 11, KAR II, N 25 + N 23 + N 68_{9,10}; с. 125—127, King Magic, N 33.

⁵⁶ E. Ebeling, ук. соч., с. 9, Scheil, Sippar, № 2.

⁵⁷ Ed. Dhorme, Les religions de Babylonie et d'Assyrie, Paris, 1945, с. 166.

Возлияние водой было связано с ритуалом очищения. Оно очень часто происходило на крыше дома. В молитвах об очищении обязательно упоминается возлияние водой. Известно, что у вавилонян был специальный дом для возлияния⁵⁸.

Из одного религиозного текста узнаем о существовании «дома печи», он находился при Эсагиле. В случае произвольного воспламенения в этом доме ожидалось какое то бедствие⁵⁹.

Вавилоняне верили в целый комплекс плохих примет. Одна из них — вышеупомянутое воспламенение в «доме печи». Такое же воспламенение у одних из ворот Вавилона по представлениям вавилонян приносило беду. Пошибельным считалось появление трупа и гиены на алтаре Бела. Плохой приметой считалось: если пантера переходила реку за храмом Егишпакаламаасумму, если у ворот Иштар показывался лев и направлялся к реке, а затем к западу, если у ворот Бела появлялся олень, если тигр появлялся на западе у «восьми садов». Считалось нужным в таких случаях убить животное. Вышеназванные приметы часто означали начало войны⁶⁰.

Наше внимание привлекло в серии молитв «Handerhebung» также магическое значение некоторых чисел в представлениях вавилонян. Например, число семь и три имели силу магического вспомоществования; так посвящали божеству семь мер продуктов. Целый ряд молитв произносился трижды и это специально указывалось в текстах⁶¹.

Вавилонская религия своими корнями была связана с шумерской религией. Эта наследственность, кроме многих других признаков, выражалась и в том, что вавилонские божества, кроме обычных, носили еще старые, шумерских вре-

⁵⁸ E. Ebeling, ук. соч., с. 144, 145, King Magic, N 48.

⁵⁹ E. Unger, ук. соч., с. 273, № 16, (17-18)'.
⁶⁰ E. Unger, ук. соч., с. 273—276, № 16.

⁶¹ E. Ebeling, ук. соч., с. 123, King Magic, N 31. Сакральное значение числа семь связано, видимо, с семидневными четырьмя неделями лунной фазы.

мен, имена. Например, Царпаниту носила имена Инана, Эруа, Эа—Нудимуди, Энлиль—Нунамри⁶².

Богиня Инана считалась в Шумере любимой женой царя. Шумеры верили, что божественная связь царя с Инаной приносит их садам и полям плодородие. По мотивам этого представления и был создан великолепный пример шумерской поэзии «Инана и Шульги». Боги покровительствуют Шульги, так как он супруг Инаны. Она благословляет его на ратные подвиги, дает ему царские инсигнии и царственную силу. В песне «Инана и Шульги» проводится идея связи земного и божественного, результатом которой является плодородие полей и пастбищ⁶³. Такая идея существует и в религии вавилонян. Известно, что верхнее помещение в башне Этеменанки занимала т. н. шахуру — «комната любви», где по представлениям вавилонян происходила связь между Мардуком и избранной вавилонянкой⁶⁴. Главный бог Вавилона еще не был отстранен от непосредственного участия в продолжении рода смертных. Культ Мардука посредством его отца, Эа, был связан с самым большим религиозным центром Шумера — Эриду. Мардук считался владыкой Эриду и заботился о главном храме своего отца Эа-Энгуре⁶⁵.

Из серии молитв «Handerhebung» выясняется, что у вавилонян из четырех сторон света выделялись две — запад и восток, видимо, это было связано с восходом и заходом солнца. Молитвенные возлияния водой, вином, возжигание ароматических веществ, все это происходило на западной и на восточной сторонах⁶⁶. В текстах, где описывается указанный обычай, дело касается ночного ритуала, происходящего на кровле дома, но надо предполагать, что и в специальных са-

⁶² Там же, с. 37, KAR II, № 58, с. 77; сакральное значение числа три, видимо, связано с образом шумерских богов: Ану, Эа и Энлиль.

⁶³ S. N. Kramer, Inana and Sulgi: a Sumerian Fertility Song, «Iraq», 1969, т. XXI, с. 18—22.

⁶⁴ Нег., I, 181, 182; E. Ungler, ук. соч., с. 239, KZ 42, с. 176, 177.

⁶⁵ E. Ebeling, ук. соч., с. 65VAT 8235, с. 164; в тексте указано, что Мардук торжественно разукрасил Энгур.

⁶⁶ Там же, с. 13, KAR II N 25NN 23NN 68.

кральных местах в помещениях также предпочитали эти стоны для совершения возлияний у алтарей.

Для успешного прочтения той или иной молитвы имело, видимо, значение и место, избранное для этого, например, если молились об исцелении больного, надо было стоять у изголовья этого больного. Так произносилась молитва в честь божества Нуску, который находился под началом бога Ану⁶⁷. Ану творил зло, против этого зла в пантеоне вавилонских богов создано божество, противодействие которого должно было уничтожить сотворенное им зло. Таким божеством считался Запу, ночной вельможа с символом созвездия плеяд⁶⁸.

В серии молитв «Handerhebung», сведения которой так много дают для изучения религии вавилонян, в основном наблюдается единый композиционный стиль: Первая часть молитв посвящена перечислению достоинств и величия богов, и она почти всегда стандартная по отношению к одному и тому же божеству во всех отдельных молитвах. Редко встречается целиком оригинальная хвалебная часть. Вторую часть этих молитв занимает личная просьба и пожелания молящегося. Эта часть всегда бывает разнообразной и оригинальной, поскольку каждый выражал свое горе по-своему, да и горе было разное. Последняя, третья часть молитв, представляла собой описание нужного ритуального действия и перечисление необходимого для исполнения желаний молящегося жертвоприношения. Здесь же указывалось, где и когда надо было произносить молитву, и в конце была традиционная для всей серии формула, которая означала — «молитву с воздетыми (к небу) руками божеству», затем следовало имя божества; средняя часть этой формулы в немецком языке звучит как «Handerhebung». Это и дало всей серии молитв название «Handerhebung» у ее издателя Э. Эбелинга. Особенно интересное описание людской юдоли дано в одной из молитв к Иштар. Молящийся просит Иштар облегчить ему злую участь, избавить от неопишуемого горя, просит ее снова обратить свой милостивый взор на него, возжечь погасшую

⁶⁷ E. Ebeling, ук. соч., с. 39—41, KAR II № 58.

⁶⁸ Там же, с. 63, King Magic, N 8, с. 165.

лампаду (горящая лампада — символ солнечного света, а все это олицетворяла богиня Иштар)⁶⁹.

Как видно, серия молитв «Handerhebung» является весьма интересным источником для выявления некоторых оригинальных религиозных представлений вавилонян. Тексты молитв дают сведения также о своеобразии культовых ритуалов. Для объяснения некоторых из них мы привлекли данные других источников. Некоторые вопросы, затронутые в этих молитвах, мы восполнили из текстов других письменных памятников, частично касающихся религиозных верований. Для дальнейшего углубления затронутых здесь вопросов требуется их сравнение с религиозными представлениями других народов, выявление интересных параллелей, а затем выяснение их взаимосвязей и вынесение соответствующих заключений. Но эта тема другой статьи.

⁶⁹ E. Ebeling, ук. соч., с. 131—137, King, Seven Tablets of Creation, II Pl. LXXV ff.

И. П. ВЕЙНБЕРГ

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(обзор новой зарубежной литературы)

Объект¹ предстоящего рассмотрения в научной литературе обозначается по-разному. Ю. А. Левада² предпочитает термин «историческое сознание общества»³; этим термином «охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое». В западной, особенно англоязычной литературе доминирует термин «идея истории» (the idea of history)⁴, понимаемая как господствовавшая в том или ином обществе «концепция о прошлом» народа или всего человечества.

Если термин «историческое сознание» слишком объемён и универсален для объекта нашего обсуждения, то понятие «идея истории» излишне суживает его, ибо создает впечатление, что речь пойдет об одной четко очерченной и столь же четко выраженной концепции, определившей понимание прошлого людьми древнего Ближнего Востока. Более соот-

¹ О содержании понятий «объект» и «предмет» научного сознания см.: Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, М., 1973, с. 204—205.

² Ю. А. Левада, *Историческое сознание и научный метод*, в сб.: *Философские проблемы исторической науки* (далее: ФПИН), М., 1969, с. 191.

³ Этот термин встречается также в новейшей западной литературе, например »Geschichtsbewusstsein» (M. Weippert, VT, XXIII, Oct. 1973, 4, с. 415—442, и др.).

⁴ Очевидное терминологическое и концептуальное влияние Р. Коллингвуда (R. G. Collingwood, *The Idea of History*, Oxford, 1946).

ветствующим сущности объекта представляется термин «историческое мышление»⁵ как обозначение всей мыслительной деятельности коллектива и индивида в процессе осознания своего прошлого: «С чего начинается история, с того же должен начинаться ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме»⁶.

Важность изучения исторического мышления древнего Ближнего Востока не нуждается в особых доказательствах. Однако советская историческая наука, уделяющая большое внимание исследованию исторического мышления античности⁷ или древнего Китая⁸, пока мало занимается этим важнейшим аспектом древнеближневосточной культуры⁹.

Наш обзор посвящен, главным образом, двум сборникам — «Интеллектуальное приключение древнего человека»¹⁰ и «Идея истории на древнем Ближнем Востоке»¹¹, из

⁵ Ср. статью «Историография» в Советской исторической энциклопедии, т. 6, с. 456; польский исследователь Е. Топольский (J. Topolski, *Świat bez historii*, Warszawa, 1972) пишет, что развитие исторического мышления — это «развитие человеческого интеллекта в процессе мысленного овладения историей» (с. 97).

⁶ Ф. Энгельс, К. Маркс «К критике политической экономии», К. Маркси Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 13, с. 497.

⁷ В качестве новейшего примера: А. И. Немировский, *Полибий как историк*, ВИ, 1974, 6, с. 87—106.

⁸ Фундаментальные исследования Ю. Л. Кроля; Сыма Цянь — историк, М., 1970; Литературная теория и литературная практика Сыма Цяня, в сб.: *История и культура Китая*, М., 1974, с. 200—214; Е. П. Синцын, *Бань Гу — историк древнего Китая*, М., 1975 и другие.

⁹ Некоторые аспекты этой проблемы рассмотрены в работах С. С. Аверинцева (Греческая литература и ближневосточная «словесность»), П. А. Гринцера (Две эпохи литературных связей; Эпос древнего мира), Е. М. Мелетинского (Мифы древнего мира в сравнительном освещении), опубликованных в сб. «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира» (далее: ТВЛДМ), М., 1971 и других.

¹⁰ H. and A. A. Frankfort, J. A. Wilson, Th. Jacobson, W. A. Irvin, *The Intellectual Adventure of Ancient Man. An Essay on Speculative Thought in the Ancient Near East* (далее: IAAM), Chicago, 1946.

¹¹ *The Idea of History in the Ancient Near East*. Ed. by R. A. Bainton (далее: IHANE), New Haven — London, 1966.

которого рассмотрим лишь первые три очерка об историческом мышлении в древнем Египте, древнем Двуречье и Ветхом завете. В обзор включены также другие исследования, дополняющие или оттеняющие основные положения сборников.

Учитывая многогранность проблемы «Историческое мышление на древнем Ближнем Востоке» и множественность ее интерпретаций в современной научной литературе, ограничимся рассмотрением следующих ее аспектов: I. наличие или отсутствие исторического мышления на древнем Ближнем Востоке; II. мифологическое мышление на древнем Ближнем Востоке; III. представления о времени и IV. специфика исторического мышления в различных ближневосточных обществах III — I тыс. до н. э.

I. «У наших предтечей по цивилизации (т. е. у шумеров — И. В.) не было того, что мы называем идеей истории», — пишет Р. Коллингвуд¹², а шумеры и другие творцы древневосточных культур создали лишь «quasi-history» в двух ее разновидностях (с. 10—15). Первая, «теократическая история», не является историей человеческих деяний, но она косвенно касается людей, поскольку божества в этих сказаниях выступают как сверхъестественные правители человеческих обществ. Вторая разновидность, миф, «вообще не касается человеческих деяний. Человеческий элемент начисто удален, и действующие лица всегда только боги» (с. 15). На древнем Ближнем Востоке, по мнению Р. Коллингвуда, существовали лишь эти две разновидности «квази-истории» и только эллины «отчетливо и сознательно поняли, что история есть или может быть наукой, что она имеет дело с человеческими деяниями» (с. 16—17).

Концепция английского археолога и философа имеет немало сторонников¹³, но еще больше противников, среди кото-

¹² Collingwood, The Idea of History.

¹³ К. Brandi, Geschichte der Geschichtswissenschaft, Bonn, 1952, с. 9—10; F. Chatelet, La naissance de l'histoire, Paris, 1962, с. 9—51; A. C. Danto, Analytical Philosophy of History, Cambridge, 1965, с. 19—20 и др.

рых крайне противоположную позицию занимает М. Коэн. Поскольку память есть наиболее существенный атрибут человеческого интеллекта, то «занятие своим прошлым... наблюдается у всех народностей» (с. 9—10). Однако лишь немногие создали то, что сегодня именуется философией истории, т. е. концепцией или картиной общего течения человеческих деяний как единой и продолжающейся драмы, в которой каждое поколение или эпоха играет свою роль. Это оказалось недоступным ни древним китайцам ни эллинам, но «современное понимание истории коренится в ветхозаветных сказаниях о Иахве» (с. 11).

Амплитуда разности взглядов исключительно велика: от полного отрицания наличия на древнем Ближнем Востоке «идеи истории» (Р. Коллингвуд и др.) до признания древнего Ближнего Востока, по крайней мере его ветхозаветной литературы, колыбелью современного исторического мышления (М. Коэн). Нетрудно заметить, что одна из причин разноречивости мнений — нечеткость и неопределенность в понимании самой сущности явления, о наличии или отсутствии которого спорят, т. е. сущности и специфики исторического мышления на древнем Ближнем Востоке.

II. Историческое мышление представляет собой одну из плоскостей человеческого отношения к действительности¹⁵ и поэтому неразрывно связано с более широкой проблемой о мышлении древнеближневосточного человека, которое в современной науке столь часто рассматривается как мифологическое. Можно полностью согласиться с утверждением Б. Ф. Поршнева, что «Изучение мифологического мышления в последнее время даже выдвинулось на первое место и, пожалуй, поглотило или оттеснило специальные проблемы более ранней первобытной психологии»¹⁶. Убедительное доказательство тому — детальный обзор основных мифологических

¹⁴ М. R. Cohen, *The Meaning of Human History*, La Salle, 1961.

¹⁵ Левада, ук. соч., с. 191.

¹⁶ Б. Ф. Поршнев, *О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)*, М., 1974, с. 454.

теорій ХХ века, даний Е. М. Мелетинским¹⁷, в котрому, однак, не розглянуті спеціальні дослідження о сутності міфологічного мислення на древньому Близькому Сході.

І. Х. і Х. А. Франкфурти починають свій очерк¹⁸ утвердженням о принципіальній різниці мислення древнього і сучасного людини. По їх мненню, мислення древнього людини відрізняється двома суттєвішими ознаками: 1) спекулятивна думка мала неограничені можливості для розвитку, поскільки не була скована «научним (т. є. дисциплінованим) пошуком істини» і 2) вона не обмежувала сферу природи від сфери людини (с. 4).

Якщо для сучасного людини природа завжди «воно», то для древнього людини вона «ти», а принципіальне відміння між «воно»- і «ти»- відносинами породжує якісно інші форми пізнання і типи знання. Якщо природа сприймається як «воно», то це «воно» може бути віднесено з іншими об'єктами і представляється як частина групи або серії; якщо ж природа мислиться як «ти», то цей «ти» завжди унікальний, володіє беспрецедентним і непередбачуваним характером індивідуальності і є тому не стільки об'єктом роздумування і розуміння скільки «is experienced emotionally in a dynamic reciprocal relationship» (с. 4—5).

Таке міфотворче мислення (mythopoeic thought) визнає взаємозв'язаність причини і насліддя, но «в пошуках причини спитав не «як», а «хто»... шукає цілеспрямовану волю, здійснювану дією». Тому будь-яка зовнішня аналогія, будь-яке соприкоснування во часі і просторі сприймається як функціональна взаємозв'язь двох явлень або подій, дозволяюча визнавати одне як причину змінень в іншому. Отсюди і незрозуміле для сучасного людини створення древніми різноплановою схожих, зазвичай навіть взаємозвиключаючих описань одного

¹⁷ Е. М. Мелетинский, Мифологические теории ХХ века на Западе, ВФ, 1971, 7, с. 163—171.

¹⁸ Н. and Н. А. Frankfort, Introduction. I Myth and Reality, IAAM, с. 1—27.

и того же явления, ибо «понимание любого феномена варьировалось соответственно подходу к нему» (с. 15—20)¹⁹.

Завершая свое исследование, авторы подчеркивают, что в последующих очерках сборника, посвященных специфике мифотворческого мышления в разных обществах древнего Ближнего Востока (см. разд. IV нашей статьи), отдельно рассматриваются метафизика, политика и этика. Однако такое разграничение носит чисто условный характер, ибо, согласно мифотворческому мышлению, жизнь человека и деятельность государства интегрированы в природе, и процессы природы находятся под воздействием человеческих деяний в такой же мере, как человеческая жизнь зависит от ее гармонической соотнесенности с природой. Постижение этой интеграции в форме интуитивных образов — такова конечная цель спекулятивной мысли древнего Ближнего Востока (с. 26).

2. Концепция мифотворческого или мифологического мышления с модификациями воспринята многими западными исследователями, причем эти модификации затрагивают не столько вопрос о сущности этого мышления, но главным образом вопрос о сфере его доминирования на древнем Ближнем Востоке и его соотнесенности с современным мышлением. Пример тому — очерк П. Шуберта²⁰, где «мифологическое самопонимание» (mythological selfunderstanding) определяется как «ощущение спонтанного тождества человека со всем его окружением». В такой интерпретации мифологическое самопонимание мало чем отличается от мифотворческого мышления, однако в дальнейшем П. Шуберт отступает от концепции Х. и Х. А. Франкфуртов. Во-первых, он ограничивает сферу господства мифологического самопонимания на древнем Ближнем Востоке Египтом и Двуречьем, где не было «идеи истории»²¹, и исключает из нее ветхозаветное истори-

¹⁹ Ср. определение, данное К. Леви-Строссом (Структура мифов, ВФ, 1970, 7, с. 153): «в мифе все может случиться... возможна и мыслима любая связь».

²⁰ P. Schubert, The Twentieth-Century West and the Ancient Near East, IHANE, с. 311—355.

²¹ Ср. Collingwood, The Idea, с. 311—355.

ческое мышление. Во вторых, П. Шуберт утверждает, что «миф не был заменен наукой... Любое современное научное видение мира является лишь количественным, временным усовершенствованием древнего космогонического мифа» (с. 337—341), т. е. отрицает качественное различие между мифологическим и современным научным мировоззрением.

3. Концепция мифологического мышления имеет своих приверженцев среди историков-марксистов²², в исследованиях которых, например А. Н. Чанышева²³, мы встречаемся с интерпретацией этого явления, близкой к ранее рассмотренной, также по вопросу о хронологических рамках доминирования мифологического мышления. Многие западные исследователи²⁴ и ряд советских²⁵ считают, что «эмансипация мысли от мифа» происходила в середине 1 тыс. до н. э., но при этом нельзя не согласиться с мнением Ю. А. Левады²⁶ об устойчивости элементов мифологического сознания, дополним²⁷ — даже их способности и регенерации в соответствующих тому условиях. Кроме того, заслуживает самого пристального внимания вывод Г. Комороци²⁸ о том, что у хеттов некоторая секуляризация мифов началась уже в 13 в. до н. э.²⁹

²² Мелетинский, Мифы, ТВЛДМ, стр. 68—133; G. Komoróczy, Zu den Anfängen der Mythographie im Alten Orient, AAASH, 19, 1971, 3—4, с. 179—199; Кроль, Литературная теория, стр. 201; А. Н. Чанышев, Эгейская предфилософия, М., 1970, с. 33—67 и другие.

²³ Чанышев, ук. соч., с. 51.

²⁴ O. E. Burton, A Study in Creative History. The Interaction of the Eastern and Western Peoples to 500 B. C. London, 1932, с. 299; H. and H. A. Frankfurt, The Emancipation of Thought from Myth, IAAM, с. 363—373.

²⁵ Чанышев, ук. соч., с. 139 и сл.; В. Н. Ярхо, [Выступление] XIII Международный конгресс исторических наук. Секция древней истории, ВДИ, 1971, N I, с. 158.

²⁶ Левада, ук. соч., с. 199—200.

²⁷ И. Вейнберг, Колумбы до Колумба, Рига, с. 180—185 (на латышском языке).

²⁸ Komoróczy, Zu den Anfängen, с. 197—199.

²⁹ Аналогичные взгляды высказывает: H. Sancik, Mythische und historische Wahrheit, Stuttgart, 1970, с. 133 (по рецензии в ZAW, 85, 1973, 2, с. 262).

Относительная согласованность в понимании сущности мифологического мышления сменяется пестрой разноголосицей мнений и точек зрения при рассмотрении его различных аспектов, в том числе и столь существенно важного как осознание времени.

III. Во всех исследованиях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке большое внимание уделяется вопросу о восприятии времени людьми III—I тыс. до н. э., ибо «Представления о времени — существенный компонент общественного сознания, структура которого отражает ритмы и темпы развития общества и культуры. В способе восприятия и осознания времени выявляются многие жизненные установки общества или отдельных классов и социальных групп»³⁰.

1. По мнению Х. и Х. А. Франкфорт³¹, мифотворческое мышление не представляет себе время как абстракцию, как унифицированную продолжительность или как чередование качественно индифферентных моментов. Время воспринимается соответственно периодичности и ритму жизни человека и природы. Поэтому любая фаза в жизни человека — детство, отрочество, зрелость и старость — представляет собой время со специфическими качествами, а переход из одной фазы в другую рассматривается как кризис, преодолеваемый индивидом при помощи ритуалов, общих для данного коллектива людей. Такое восприятие времени, которое авторы называют «биологическим временем», преобладает в Ветхом завете.

Ближневосточное мифотворческое мышление знает также иное восприятие времени, т. н. «драматическую концепцию природы», рассматривающую чередование дней и ночей, смену времен года и т. д., как напряженный драматический конфликт. Поскольку благополучие человека зависит от обладания благоприятных для него сил природы, он содействует системой ритуалов их торжеству в этих конфликтах. Более того, человек организует течение своей жизни и жизни

³⁰ А. Я. Гуревич, *Время как проблема истории культуры*, ВФ, 1969, 3, с. 105—116.

³¹ Frankfort, *Introduction*, IAAM, с. 1—27.

своего общества так, чтобы оно гармонировало с благоприятными для него моментами в космических процессах, что способствует успеху его деяний и начинаний.

На древнем Ближнем Востоке, заключают Х. и Х. А. Франкфорты, время воспринимается как «преемственность повторяющихся фаз, каждая из которых наделена особой ценностью и значимостью» (с. 23—26).

2. Г. Кэрнс³² полностью принимает концепцию мифотворческого мышления, разработанную Х. и Х. А. Франкфортами, их интерпретацию восприятия времени в рамках этого мышления (с. 1—8). Однако ее интересует специальный аспект этой проблемы — понимание людьми Древнего мира времени в движении истории.

Подчеркнув, что историческому мышлению известны лишь три понимания движения истории — скептическое отношение идея прогресса и «циклическое моделирование исторической мысли (cyclical patterning of historical thought)», автор исследует последнее, в котором выделяет три разновидности «циклической модели»: модель постоянно повторяющихся космических циклов, модель одного большого цикла космической или сугубо человеческой истории и модель повторяющихся культурных циклов. Поскольку последняя появилась сравнительно поздно (Ибн-Халдун), то наше внимание привлекают, главным образом, две первые (с. XIII—XV).

По мнению Г. Кэрнс, модель постоянно повторяющихся космических циклов наиболее отчетливо выражена в историческом мышлении древнего Двуречья, где в основе ее лежит переживание регулярно повторяющихся годовых циклов и признание цикла из трех тысяч лет, т. н. «периода бога луны» (с. 25—31). Зародившаяся в Двуречье концепция «цикла божьего года (Divine-Year cycle)» была воспринята другими древними культурами, в том числе античной, где ее

³² G. E. Cairns, *Philosophies of History. Meeting of East and West in Cycle — Pattern Theories of History*, New York, 1962.

адёптами были Гесиод, Овидий и Вергилий³³, Гераклид, Эпифагор, Платон, Аристотель³⁴ и другие.

Вторая разновидность — модель одного большого цикла, по мнению Г. Кэрнс, наиболее полно выражена в зороастризме, рассматривающем человеческую-космическую историю, как «один единственный Великий год с абсолютным началом (благословенным Золотым веком) и абсолютным концом... Золотым веком, на этот раз вечным» (с. 237—243). По мнению автора, эта концепция времени в зороастризме повлияла на иудейско-христианскую эсхатологию, а через нее на историческое мышление средневековья и современности.

3. Если Х. и Х. А. Франкфорты и Г. Кэрнс считают циркулярное восприятие времени присущим всему Древнему миру, то С. Брэндон³⁵ выделяет в древности пять различных концепций времени: телеологическое, «линейное» восприятие в христианстве, понимание времени как силы разрушительной в Бхагавадгите, понимание времени как единства прошлого, настоящего и будущего древними египтянами; циклическая концепция времени в ветхозаветной литературе мудрости и буддистская мысль, которая истинное бытие считает не- или вневременным (с. 1—12). Взгляды С. Брэндона значительно отличаются от ранее рассмотренных, и любая из имеющихся монографий или статей по данному вопросу еще больше разнообразит спектр точек зрения в современной научной литературе. Но каково отношение советской историографии к данной проблеме?

4. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к уже упомянутой статье А. Я. Гуревича³⁶. Признав принципиальное

³³ С. А. Ошеров, например, считает, что «время у Вергилия приобрело «линейный характер» (Четвертая конференция по классической филологии, ВДИ, 1970, №4, с. 209).

³⁴ Совершенно иную интерпретацию понимания времени в античной философии предлагает J. F. Callahan, *Four Views of Time in Ancient Philosophy*, Cambridge, 1948, с. 220.

³⁵ S. G. F. Brandon, *History, Time and Deity. A Historical and Comparative Study of the Conception of Time in Religious Thought and Practice*, Manchester, 1965.

³⁶ Гуревич, *Время как проблема истории культуры*, с. 105—116.

различие в восприятии времени людьми разных исторических эпох, автор подчеркивает, что примитивное или мифологическое сознание «охватывает мир одновременно в его синхронной и диахронной целостности и поэтому оно «вневременно» (с. 106), т. е. события прошлого и настоящего воспринимаются как явления одного плана, протекающие в одной временной длительности. Время поэтому «не течет линейно из прошлого в будущее, оно либо не движется, либо вращается по кругу» (с. 107). Однако сказанное не означает, что линейное восприятие времени начисто отсутствовало в сознании древнего человека: «Сочетание линейного восприятия времени с циркулярным в разных формах можно наблюдать на протяжении всей истории; вопрос заключается в соотношении этих двух различных форм переживания и сознания течения времени» (с. 108). Но в основе систем ценностей древневосточных культур, по мнению автора, «лежит идея неподвижности, вечно длящегося настоящего, неразрывно связанного с прошлым» (с. 108).

Мысль А. Я. Гуревича о сочетании в сознании древнего человека циркулярного и линейного восприятий времени плодотворна³⁷, но только конкретные исследования позволят установить действительное их соотношение в каждой древневосточной культуре на различных стадиях ее развития, подтвердят или отвергнут спорное положение об «идеи неподвижности», лежавшей, по мнению автора, в основе системы ценностей всех древневосточных культур.

IV. Разность и противоречивость взглядов, наблюдаемые в трактовке вышерассмотренных вопросов, еще отчетливее проявляются в исследованиях исторического мышления древнего Египта, древнего Двуречья и Ветхого завета.

³⁷ Во всяком случае она предпочтительнее утверждения С. Лауфера (Вступление] XIII международный конгресс исторических наук. Секция древней истории, ВДИ, 1971, I, с. 158), что идея круговорота пришла с Востока а идея прямолинейного развития свойственна античности.

1. Дж. Вильсон³⁸ начинает свой очерк о мифотворческом мышлении древних египтян рассмотрением особенностей их внешней среды, для которой, по его мнению, характерно «сочетание изолированности и полугородского населения» (с. 31—32). Это породило «изоляционизм или национализм» древних египтян, коренившийся в их отграниченности от других народностей и в сознании ими, полугорожанами с изощренным интеллектом, своего превосходства над по-деревенски примитивными соседями (с. 32—34).

Полная зависимость жизни в Нильской долине от тепла солнца и регулярных разливов реки обусловила то, что доминирующими мотивами древнеегипетского мироощущения стали «триумфальное ежедневное возрождение солнца и триумфальное ежегодное возрождение реки». Это, в свою очередь, привело к сознанию непременного торжества жизни над смертью, что, однако, не признавалось автоматически действующей привилегией, а должно было быть завоевано ценою больших усилий (с. 35—37).

Еще одна особенность географической среды отражалась в мышлении древних египтян: одно- и единообразие ландшафта породило, с одной стороны, радостное восприятие и принятие всего, что нарушало монотонную регулярность в природе и жизни, а с другой — глубоко укоренившееся чувство симметрии, постоянное стремление к равновесию во всем (с. 39—42).

Все эти черты древнеегипетского мышления сказывались в понимании ими вселенной. Признавая субстанциальное единство всех явлений, древний египтянин воспринимал все в понятиях человеческого поведения, которое служило ему моделью для внечеловеческих феноменов. Именно в рамках этих представлений следует рассматривать древнеегипетскую концепцию о государстве, воплощенном в личности фараона-пастыря, долженствующего владеть и руководить, направлять и обучать, защищать и приумножать своих подданных,

³⁸ J. A. Wilson, Egypt, IAAM, с. 29—121.

руководствуясь при этом *ma'at* — справедливостью, которая, однако, не фиксируется в законах, а выражается «в правильном деянии [фараона] по отношению к людям» (с. 62—86).

Древнеегипетское мышление занимал также вопрос о жизненных ценностях: если в Древнем и Среднем царствах господствовало принятие и признание жизни, действия и радостей материального бытия, то в Новом царстве возобладало признание и принятие покоя и смерти (с. 93—119). Хотя в очерке Дж. Вильсона проблема древнеегипетского исторического мышления специально не рассматривается, сказанное им представляется более конструктивным, чем изложенное в ниже рассматриваемом очерке.

2. «Нет древнеегипетского слова... соответствующего английскому *history*... и нет ни одного древнеегипетского текста, о котором может быть сказано, что он содержит «идею истории», — таким категорическим, негативным утверждением начинает свой очерк Л. Булл³⁹ (с. 3). В дальнейшем, однако, он признает, что древние египтяне интересовались происхождением вселенной и своих богов, писали анналы о своем собственном прошлом, где и следует искать отражение «египетского взгляда на историю», который на протяжении двух с половиной тысяч лет оставался неизменным (с. 20—22).

Пытаясь определить сущность «египетского взгляда на историю», исследователь пользуется, главным образом, негативными определениями: древние египтяне не создали своей «идеи истории», не мыслили категориями каузальности и т. д. (с. 32—33). Единственный утверждающий вывод Л. Булла гласит: «... имела место определенная статичность в египетском взгляде на жизнь и свое прошлое,... важнейшим элементом их мировоззрения была вера в то, что условия их существования как нации всегда были и всегда будут неизменными, управляемыми богами, воля и намерения которых совершенно непостижимы» (с. 32—33). Не слишком ли отвлеченный и малоразъясняющий итог исследования?

³⁹ L. Bull, *Ancient Egypt*, IHANE, с. 1—34.

3. Совершенно иную картину сущности древнеегипетского исторического мышления предлагает Э. Хорнунг⁴⁰. Отталиваясь от важного в системе мифологического мышления представления о роли религиозных праздников в обеспечении единства сил природы и человека, содействия первых человеку, автор утверждает, что древние египтяне (и не только они) воспринимали «историю как праздник» (Geschichte als Fest, с. 19, 51 и др.), средоточием которого является фараон, как единственно действующий и всегда победоносный хранитель и защитник неизменного мирового порядка⁴¹. Поэтому «история для египтян есть культовое действие, которое по строго определенному ритуалу разворачивается в обособленности дворца и храма или перед глазами всех людей», есть культовая драма, в которой соучаствует все человечество, но только в качестве зрителя (с. 19). Критика⁴² уже отметила произвольность авторских реконструкций, субъективные толкования источников, исходя из априорной модели. Такие упреки вполне справедливы и по отношению к ряду других исследователей, но не могут быть адресованы авторам двух очерков об историческом мышлении в древнем Двуречье.

Историческое мышление древних шумеров-вавилонян

1. Сохранность древнеегипетских пирамид и гибель памятников древнего Двуречья, по мнению Т. Якобсена⁴³, символизирует принципиальную разность основополагающего строя этих двух цивилизаций, ибо древний египтянин всегда придавал человеку, его осязаемым достижениям большое значение, а в древнем Двуречье сущность и смысл бытия всегда находились вне человека, вне мира осязаемых вещей, в мире неосязаемых сил, правящих вселенной. Такая разность мироощущения в двух синхронных цивилизациях частично обусловлена различием географической среды: регу-

⁴⁰ E. Hornung, *Geschichte als Fest*, Darmstadt, 1966, с. 69.

⁴¹ Cp. E. Otto, *Wesen und Wandel der ägyptischen Kultur*, Berlin—Heidelberg — New-York, 1969, с. 169.

⁴² W. Kaiser, *OLZ*, 66, 1971, 9/10, с. 454—458.

⁴³ T. Jacobsen, *Mesopotamia*, IAAM, с. 123—219.

лярности и упорядоченности действий природных сил в Нильской долине противостоит господство необузданных и необузданных сил в Двуречье, и здесь «человек чувствует, насколько он слаб, ... собственное бессилие заставляет человека почувствовать всю трагичность своего бытия» (с. 125—128).

Такое мироощущение доминировало в середине IV тыс. до н. э., когда в Двуречье оформилась «политическая модель зародившейся новой цивилизации — Примитивная Демократия (Primitive Democracy)»⁴⁴, послужившая шумерам матрицей для восприятия и интерпретации вселенной, рассматриваемой как государство, как Примитивная Демократия (с. 128—129).

Вселенная, понимаемая как государство Примитивной Демократии, охватывает все существующее — людей и животных, явления природы, народности и т. д. Хотя все феномены мыслятся как члены космического государства, они не обладают одинаковыми правами, не находятся на одинаковом политическом уровне. Критерием политической дифференциации является сила, и поэтому в космическом государстве господствуют могущественные боги, заседающие в собрании богов, являющемся «высшим авторитетом во вселенной». В земном государстве имеются категории людей, отстраненные от участия в его управлении; в космическом государстве многие его члены также лишены политического влияния, и к их числу принадлежит человек, положение которого «точная параллель положению раба в земном городе-государстве» (с. 136—148).

Поскольку космическое государство является единственным действительно суверенным, то только ему и правящему в нем совету богов принадлежит Двуречье; поскольку человек сотворен ради благополучия богов, постольку его назначение в служении им. Поэтому ни один человеческий институт, в том числе и земное государство, «не может иметь своей первичной задачей заботу о благополучии своих членов — лю-

⁴⁴ Ср. И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер, М., 1959, с. 120 слл.

дей; оно в первую очередь должно заботиться о благополучии богов» (с. 185—191).

Такое понимание вселенной как государства и такое восприятие места человека и его институтов в этом государстве в значительной степени определило интерпретацию исторических событий в древнем Двуречье: оно укрепляло тенденцию к политическому объединению страны, оправдывало и санкционировало все средства, направленные на достижение этой цели, и именно с этой точки зрения оценивались все события и деяния в прошлом (с. 191—197).

2. Особенности исторического мышления в древнем Двуречье более детально рассмотрены в интересном очерке Э. Спейзера⁴⁵, который начинает свое исследование с принципиально важного предупреждения: «Специфические черты [какой либо цивилизации] не могут быть вырваны из их контекста и сохранены при этом свою целостность. В равной степени их оригинальные термины не могут быть переданы словами, заимствованными из чужого источника, коренившимися в чужом опыте» (с. 270). Сказанное в полной мере относится к изучению исторического мышления в древнем Двуречье. Нет никакого сомнения в том, что люди древнего Двуречья были глубоко заинтересованы в своем прошлом, намеревались извлекать из этого прошлого практические, полезные для себя уроки. Однако для них история явилась чем-то включенным в более существенные проблемы жизни. Поэтому выяснение сущности «идей истории» в древнем Двуречье требует предварительного ознакомления с тремя явлениями — цивилизацией, религией и государством, которые были фоном исторического мышления (с. 270—274).

Наиболее отличительной чертой цивилизации древнего Двуречья — ее «субстанциальное единообразие на протяжении трех тысячелетий», которое тем более поразительно, что в развитии этой цивилизации участвовали различные этносы

⁴⁵ E. A. Speiser, *The Idea of History in Ancient Mesopotamia*, IJANE, с. 35—76, или в: E. A. Speiser, *Oriental and Biblical Studies* (далее OBS), Philadelphia, 1967, с. 270—312 (работа Э. Спейзера цитируется по последнему изданию).

и в иных условиях это неизбежно породило бы многообразие и прерывистость. Причиной такого единообразия Э. Спейзер считает жизненность тех начал, которые были заложены шумерами (с. 274—277). Ими были также разработаны наиболее фундаментальные положения религии — антропоморфизм богов и их отождествление с силами природы; восприятие «общества богов» как прототипа для общества людей и понимание первого как государства, в котором никто из богов не обладает высшей, абсолютной властью; чувство неуверенности, из-за которого человек вынужден постоянно улаживать богов, чтобы заручиться их благоволением (с. 277—278). Если космос воспринимается как государство, то государство на земле должно быть его копией; если в космическом государстве никто из богов не наделен абсолютной властью, то ее лишен также правитель земной (с. 278—280).

Соответственно этим основополагающим представлениям, историческая мысль выделила в прошлом Двуречья пять эпох: 1. начало цивилизации, дарованной богами людям в готовом виде; 2. потоп, наступивший после очень длительного периода, в течение которого боги успели пожалеть о своем даре человеку; 3. новое начало непрерывающейся цепи, в которой настоящее лишь ее последнее звено; 4. новая вежа, связанная с победой Урука, т. е. шумеров, над Кишем и 5. саргониды и их успехи в объединении страны. В основе этой схемы лежит представление о том, что земными событиями управляют боги, что победоносный правитель есть получатель божественного благоволения, а гибель династии — показатель божественного гнева. Именно поэтому прошлое воспринимается как совокупность повторяющихся циклов (с. 285—297).

Если в интерпретации исторического мышления древних египтян в современной зарубежной литературе царит разнорядный взгляд, то существенно иным является состояние изучения исторического мышления древнего Двуречья. Доказательство тому — близость взглядов Т. Якобсена и Э. Спейзера, их четкость и определенность. Чем же объяснить такое различие — сущностью исторического мышления в обоих синхронных обществах или состоянием источниковедческой

Исторический институт
26.01.2019
21.08.2019

базы, степенью изученности обеих разновидностей исторического мышления или компетентностью и масштабностью их исследователей? Целесообразно ответить на этот вопрос после рассмотрения ветхозаветного исторического мышления, где невзирая на обширность источниковедческой базы и наличие большого количества исследований⁴⁶, царит такая же разногласия мнений и точек зрения, как в изучении древнеегипетского исторического мышления.

Ветхозаветное историческое мышление

1. В. Ирвин⁴⁷ начинает свой очерк с констатации бесспорного факта, что ветхозаветный мир появился на поздней стадии древнеближневосточной истории, когда ее основные цивилизации — древнего Египта и Двуречья — уже склонились к закату. Являясь преемником всего ими созданного, ветхозаветный мир достиг такого уровня интеллектуальной зрелости, что качественно превзошел своих предшественников и именно поэтому явился мостом, соединившим древний Ближний Восток с античностью (с. 223—224).

Важнейшим достижением ветхозаветной мысли является этический монотеизм пророков⁴⁸, провозгласивших Иахве богом справедливости и любви. Однако восприятие бога как воплощение неизмеримой святости и величия не привело к превращению его в нечто отдаленное, отвлеченное и безличное, и ветхозаветная мысль рассматривала бога творца и создателя как личность (с. 224—234).

С этим неразрывно связано то, что, по мнению В. Ирвина, составляет специфическую особенность ветхозаветного мышления — его «ищущий критицизм» или «творческий скептицизм», проявляющийся не только по отношению к чужим культам и богам, но и по отношению к собственным представлениям и учениям (с. 234—242).

⁴⁶ Далеко не полная, но весьма обширная библиография дана в статье М. Вейпперта (VT, XXIII, Oct. 1973, 4, с. 416—417).

⁴⁷ W. A. Irwin, *The Hebrews*, IAAM, с. 221—360.

⁴⁸ Критика концепции этического монотеизма в: И. П. Вейнберг, *Ветхий завет: мифы, факты, догмы*. Рига, 1969, с. 166—180 (на латышском языке).

Этот «ищущий критицизм» или «творческий скептицизм» особенно отчетливо проявляется в ветхозаветных представлениях о человеке. Признавая необъятность и мощь сотворенного богом физического мира, в котором человек кажется незначительным и слабым, ветхозаветное мышление тем не менее отводит человеку в мироздании место исключительной значимости. Причина тому — натура самого человека, в котором сочетается божественное и животное начало, при непреходящем преобладании первого. Человек, невзирая на темные стороны в его натуре, существо доброе и благородное (с. 256—263). С этим взаимосвязана ветхозаветная концепция «хорошей жизни», включающей материальный достаток и отвергающей чрезмерное богатство, предполагающей наличие семьи и долголетие, предусматривающей принадлежность к «хорошему» обществу и культуру мысли, т. е. способность и умение мыслить. Однако эти сугубо светские аспекты «хорошей жизни» подчинены главному — признанию основополагающей роли веры в силу и могущество, справедливость и мудрость Яхве (с. 263—271).

Уже в трактовке «хорошей жизни» проявляется присущая ветхозаветному мышлению противоречивость, наиболее отчетливо выраженная в антиномии «свобода человеческой воли — предначертанность его деяний и решений богом». Ветхозаветная мысль не сумела разрешить это противоречие⁴⁹, и его неразрешенность в значительной степени повлияла на историческое мышление (с. 274—275).

Для понимания особенностей ветхозаветного исторического мышления, по мнению В. Ирвина, следует также учесть, что мудрецы никогда не сомневались в способности человеческого разума постигать истину, но только до определенных пределов, ибо имеются сферы, недоступные человеческому разуму и открывающиеся только божественным откровением через посредство избранных жрецов и пророков (с. 281—283). Не менее важна концепция «естественного закона» (natural law), понимаемого как «незримый, неписанный закон, уни-

⁴⁹ О неразрешенности этого противоречия в идеологии кумранитов см.: И. Д. А м у с и н, Рукописи Мертвого моря, М., 1960, с. 175—176.

версальное право». Отсюда представление о том, что ветхозаветное социальное и религиозное законодательство имеет всеобщую значимость и должно быть воспринято всеми людьми. Универсальность «естественного закона» совместно с универсалистическим пониманием бога и человека явились базисом для построения концепций всемирной истории (с. 294—295).

«История — та тема, которая пронизывает весь Ветхий завет». В центре этой истории — прошлое и судьба своего народа, но рассматриваемые в рамках всего мира. Поэтому ветхозаветное историческое мышление создало нечто принципиально новое — всемирную историю (с. 318—319). В лучших его творениях ветхозаветному историческому мышлению присущи отказ от элементов чудесного, мифического и ограничение себя достоверно известным, острое чувство драматического и неповторимо индивидуального, что, однако, подчинялось восприятию жизни *sub specie aeternitatis*, т. е. пониманию того, что жизнь человечества есть величественный поток, в котором настоящее лишь миг на долгом пути от далекого прошлого в вечное будущее (с. 320—321). Ветхозаветное историческое мышление признает поэтому, что «история — это реальность, притом реальность познаваемая», имеющая значение урока для человека, ибо опыт прошлого может и должен быть использован для настоящего, для создания будущего. Именно поэтому ветхозаветный мудрец заинтересован не столько в перерасказе событий минувшего, сколько в их интерпретации, и ветхозаветная история «есть главным образом философия истории», стремящаяся распознать те силы, принципы, которые управляют ходом событий, дабы служить руководством действия в настоящем. Таких принципов два — воля и цели бога и человек с его субъективными устремлениями и намерениями, и именно эта антиномия божественной воли и человеческой свободы определяет «историю как сказание о прогрессе», ведущем, невзирая на все препоны и отклонения, к конечной цели — торжеству на всей земле царства справедливости и святости (с. 322—325).

Читатель, бесспорно, обнаружит в очерке В. Ирвина очевидные модернизаторские тенденции («естественный закон»,

«ищущий критицизм» и др.), влияние либеральной теологии («этический монотеизм» и др.), нередкое забвение того факта, что в Ветхом завете зачастую соседствуют противоположные идеи и представления (универсалистический взгляд и партикуляризм⁵⁰ и т. д.), отказ от концепции мифологического мышления и другое. Но нас интересует иное — очерк американского историка является классическим образцом синхронно-структурного подхода, и автор преднамеренно отвлекается от разновременности и гетерогенности состава Ветхого завета, воспринимает ветхозаветное мышление как нечто цельное и статическое в течение всей тысячелетней истории становления этого сборника.

2. Односторонность синхронно-структурного подхода пытается преодолеть известный кумрановед М. Бэрроуз⁵¹, который справедливо предупреждает против привнесения в Ветхий завет современных идей и представлений и призывает исследователей прислушиваться к голосу самих ветхозаветных текстов. Поскольку Ветхий завет содержит разновременные и разножанровые произведения, то в нем «множественность идей истории» (с. 101—103). Так, например, в сказаниях о патриархах доминирует тенденция объяснить настоящее через прошлое, рассказывается с полемической, дидактической или апологетической заданностью, причем идеи и обычаи настоящего экстраполируются на прошлое (с. 105—110). В сочинениях йахвиста и элохиста преобладает признание того, что история народа зиждется на божественной избранности и обещаниях, данных патриархам (с. 111—113). Послепленное время выдвигает новые идеи, и главная среди них — представление об истории как о чередовании заветов, заключенных между богом с постоянно суживающимся количеством контрагентов (с. 121—125). Однако при всей множественности идей истории через весь Ветхий завет проходит мысль о том, что в человеческой истории реализуется суверенная воля бога и поэтому история в конечном счете не цик-

⁵⁰ Ср. И. П. Вейнберг, *Предэллинизм на Востоке* (в печати).

⁵¹ М. Burrows, *Ancient Israel, IHANE*, с. 99—131.

лична, а линейна и через множество вверх и вниз ведет к новому миру праведников (с. 128—130).

В очерке М. Бэрроуза привлекает предупреждение против модернизации ветхозаветного исторического мышления и попытка историко-генетического подхода к нему, однако окончательный вывод получился *deus ex machina*, он не вытекает из ранее изложенного. Нет необходимого синтеза историко-генетического и синхронноструктурного подходов в интересном очерке Э. Спейзера⁵², основное достоинство которого в со- и противопоставлении ветхозаветного исторического мышления с историческим мышлением древних египтян и шумеров — вавилонян и в признании Ветхого завета «интегральной частицей более объемной модели» древнеближневосточной культуры (с. 188).

В современной западной научной литературе немало интересных положений и наблюдений о природе мифологического мышления и т. д. Однако царящую в освещении важнейших аспектов этой проблемы пеструю разноголосицу мнений, противоречивость взглядов и точек зрения нельзя объяснить общим состоянием методологии западной исторической науки. Основной причиной, на наш взгляд, является разобщенность историко-генетического и синхронно-структурного подходов, очевидное преобладание второго, что и приводит к конструированию моделей без достаточного учета исторических реалий.

Изучение исторического мышления древнего Ближнего Востока станет плодотворнее, когда эти два подхода будут синтезированы, чему, на наш взгляд, может способствовать выдвигаемая на суд читателей программа исследований.

1. Отбор в каждой из древнеближневосточных культур такого творения исторической мысли, которое, во-первых, явилось бы звеном в целой цепи аналогичных сочинений и, во-вторых, было бы достаточно емким по содержащейся в нем информации.

⁵² E. A. Speiser, *The Biblical Idea of History in its Common Near Eastern Setting*, OBS, с. 187—209.

2. Отобранное произведение изучается на следующих уровнях: а) выявление использованных «автором»⁵³ источников, определение его отношения к ним, равно как к предшествующим или синхронным аналогичным произведениям; б) изучение структуры, композиции данного произведения; в) исследование его понятийного аппарата и г) определение исторической концепции данного «автора».

3. Проведение аналогичного исследования остальных звеньев этой цепи.

4. Обобщение полученных результатов и реконструкция исторического мышления данного общества в его синхронном-диахронном аспекте и последующее сопоставление с выводами об особенностях исторического мышления в других древнеближневосточных обществах для создания модели исторического мышления на Ближнем Востоке III—I тыс. до н. э.

Осуществление такой программы потребует кооперации усилий многих исследователей, координации их деятельности, но в данном случае «цель оправдывает средства», ибо понимание сущности исторического мышления явится ключом для раскрытия глубин мировоззрения обществ Ближнего Востока III—I тыс. до н. э. и будет способствовать лучшему пониманию самих этих обществ, поскольку откроет «тайны» созидания и содержания обширной и важной группы источников — столь богатого информацией комплекса нарративных памятников.

⁵³ О проблеме «автор» в древнеближневосточной словесности см. Аверинцев, Греческая литература, ТВДМ, с. 211—216.

ნანა ხაზარაძე

ძველი ფრიგიული ანბანის გენეზისის საკითხისათვის

ძველი ფრიგიული ანბანის გენეზისის საკითხი დიდი ხანია იმსახურებს მკვლევართა ყურადღებას. ჯერ კიდევ გასულ საუკუნეში ამ საკითხზე მსჯელობდნენ როგორც ფრიგიის ძველი ისტორიის სპეციალისტები, ასევე ისინიც, ვინც ანბანის ისტორიას საგანგებოდ იკვლევდა¹. ძველი ფრიგიული და ძველი ბერძნული ანბანების სიახლოვეში ეჭვი არავის ეპარებოდა. XIX ს. სამეცნიერო ლიტერატურაში გავრცელებული აზრის თანახმად, ძველი ფრიგიული ანბანი ძველი ბერძნულიდან მომდინარეობს. ვ. რამსეის ვარაუდით, ძველი ბერძნული ანბანი ფრიგიაში უნდა გავრცელებულიყო სინოპედან, რომელიც მილეტის სავაჭრო კოლონიას წარმოადგენდა და მჭიდრო კულტურულ-ეკონომიური კონტაქტები ჰქონდა დიდ კაპადოკიასთან².

XX ს. სამეცნიერო ლიტერატურაში ძველი ფრიგიული ანბანის გენეზისის საკითხის შესახებ რამდენიმე მოსაზრება გამოითქვა. ავტორთა ნაწილი ფრიგიულ წარწერებს ძვ. წ. VII ს-ით ათარიღებს და ძველ ფრიგიულ დამწერლობას ძველი ბერძნულის ადგილობრივ ვარიანტად მიიჩნევს. ამ თეორიის მომხრეთა აზრით, ფრიგიაში ძველი ბერძნული დამწერლობა ბერძნებით დასახლებული დასავლეთ მცირე აზიიდან გავრცელდა³.

ი. ფრიდრიხი ძველი ბერძნული და ძველი ფრიგიული ანბანების ურთიერთმედარების გზით იმ დასკვნამდე მივიდა, რომ ძველი

¹ W. M. Ramsay, JRAS, XX, 1883, გვ. 120 და შპდ.; E. S. Roberts, An Introduction to Greek Epigraphy, Cambridge, I, 1887, გვ. 312—315; J. Taylor, The History of Alphabet, II, London 1899, გვ. 109.

² W. M. Ramsay, დასახ. ნაშრ., გვ. 119 და შპდ.

³ D. Diring, The Alphabet, London, 1949, გვ. 464; D. C. Swanson, A Select Bibliography of the Anatolian Languages, N. Y., 1948, გვ. 17; В. Георгиев, Тракийский язык, София, 1957, გვ. 74.

ფრიგიული დამწერლობა დასავლური ბერძნულიდან მომდინარეობს⁴.

განსხვავებულ თვალსაზრისზე დგას რ. ბარნეტი, რომლის აზრით, სწორედ ძველი ფრიგიული დამწერლობა უნდა დასდებოდა საფუძვლად ძველ ბერძნულს და არა პირიქით. ამ თვალსაზრისით ავტორი დიდ მნიშვნელობას ანიჭებს ფრიგიის ტერიტორიულ სიახლოვეს კილიკიასთან, სადაც ძვ. წ. VIII ს-ში ფინიკიურმა დამწერლობამ ფართო გავრცელება ჰპოვა⁵.

რ. ბარნეტის თვალსაზრისს არ დაეთანხმა J. Naveh, რომელსაც ძველი ფრიგიული დამწერლობა არქაული ბერძნულის ადგილობრივ სახესხვაობად მიაჩნია⁶.

ძველ ფრიგიულ დამწერლობას სპეციალური გამოკვლევა მიუძღვნა რ. იანგმა. გამორიცხავს რა ფრიგიელების მიერ ძვ. წ. VIII ს. ანბანის სესხების შესაძლებლობას როგორც იონიიდან და ეოლიიდან, ასევე კუნძულ როდოსიდან, რ. იანგი თვლის, რომ ძველი ბერძნული და ძველი ფრიგიული ანბანები მომდინარეობენ ერთი საერთო პროტოტიპური ანბანიდან, რომელიც თავისი მხრივ ფინიკიურ დამწერლობაში იღებს სათავეს. ამგვარი პროტოტიპური ანბანის შექმნა, რ. იანგის ვარაუდით, შესაძლებელი იყო ბერძნულ-სემიტურ კილიკიაში, ან ჩრდლოეთ სირიაში. ამ თვალსაზრისით რ. იანგის ყურადღებას ის გარემოება იმსახურებს, რომ მდ. ორონტის შესართავთან, ალ-მინაში, ჯერ კიდევ 1936—1937 წლებში ლ. ვულის მიერ აღმოჩენილ იქნა ბერძნული სამოსახლოები, რომლებიც არქეოლოგიური მასალების საფუძველზე სწორედ ძვ. წ. VIII ს-ით თარიღდებიან⁷.

⁴ ი. ფრიდრიხმა პირველმა გამოაქვეყნა 23 ძველი ფრიგიული წარწერა. იხ. J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932, გვ. 123—128; იხ. მისივე, Pauly, RE, Hal. 39, გვ. 868—882.

⁵ R. D. Barnett, *Phrygia and the People of Anatolian in the Iron Age*, CAH II, fasc. 56, 1967, გვ. 19—20.

⁶ J. Naveh, *Some Semitic Epigraphical Considerations on the Antiquity of the Greek Alphabet*, AJA, No. 1, 1973, გვ. 1—2, შენ. 8.

⁷ R. Young, *Old Phrygian Inscriptions from Gordion; Toward a History of the Phrygian Alphabet*, «Hesperia», XXXVIII, № 2, 1969, გვ. 252 და შმდ. რ. იანგის გამოკვლევას თან ერთვის 44 ძველი ფრიგიული წარწერის პუბლიკაცია. აღნიშნული წარწერები ძვ. წ. VIII—VI საუკუნეებით თარიღდება. წარწერების დიდი ნაწილი პირველადაა გამოქვეყნებული. აღრეული პუბლიკაციების შესახებ იხ. AJA, 62, 1958, გვ. 153, ტაბ. 25, სურ. 21; იქვე, 70, 1966, გვ. 276, ტაბ., 73, სურ. 22, და სხ.

ი. დიაკონოვი ჩვენთვის საინტერესო საკითხთან დაკავშირებით წერს: «...Хотя с греческим западом у Фригийской державы особ-
бо тесных связей, видимо, не было, однако в VIII в. до н. э. во Фригии было в ходу алфавитное письмо греческого происхождения аналогичное алфавиту Лидии, Кarii и Ликии, и возможно, занесенное во Фригию из греческих колоний Киликии, восприявших его от финикийян»⁸.

1963 წელს, ჯერ ძველი აღმოსავლეთისადმი მიძღვნილ საკავშირო II სესიაზე წაკითხულ მოხსენებაში⁹, ხოლო შემდეგ სტატი-
აში¹⁰, რომელიც ფრიგიის საგარეო სავაჭრო-კულტურული ურთი-
ერთობის ისტორიისადმი იყო მიძღვნილი, ჩვენც შევეცადეთ გა-
მოგვეთქვა თვალსაზრსი ფრიგიული ანბანის გენეზისის შესახებ.
მთელი რიგი წინამძღვრებიდან გამომდინარე (რომელთა შესახებ
ქვემოთ გვექნება საუბარი), ჩვენ უკვე მაშინ მივედით დასკვნამ-
დე, რომ ანბანურ დამწერლობას ფრიგიაში აღმოსავლეთიდან, კერ-
ძოდ კი კილიკიიდან უნდა შეედგინა, რომელსაც მჭიდრო კონტაქ-
ტები ჰქონდა ეგეოსის კუნძულებთან, სადაც ფინიკური დამწერ-
ლობა გაცილებით ადრე გადაიღეს, ვიდრე მატერიკულმა საბერძ-
ნეთმა ან დასავლეთ მცირე აზიამ (იონიამ, ეოლიამ).

როგორც ვხედავთ, ძველი ფრიგიული და ძველი ბერძნული ან-
ბანების ურთიერთმიმართების საკითხის შესწავლა კვლავ გრძელდე-
ბა, თუმცა ზოგიერთი მხარე ამ საკითხისა ახლა ნაკლებად საკამათო
ჩანს.

ნათელია, რომ ყველაზე რეალური აღმოჩნდა თვალსაზრისი,
რომლის თანახმადაც ანბანური დამწერლობა ფრიგიაში სამხრეთ-
აღმოსავლეთიდან, კილიკიიდან ან ჩრდილოეთ სირიიდანაა შეღ-
წეული ძვ. წ. VIII ს-ში.

აღნიშნული თვალსაზრისი შემდეგს ემყარება: ახალი ეპიგრა-
ფიკული აღმოჩენების მიხედვით, ფრიგიელები უკვე ძვ. წ. VIII ს.

⁸ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968.
33. 133, 134.

⁹ ВДИ, № 2, 1963, გვ. 171.

¹⁰ ნ. ხ ა ზ ა რ ა ძ ე, ფრიგიის სავაჭრო-კულტურულ ურთიერთობათა ისტორი-
იდან (ძვ. წ. VIII ს-ის დასასრული), „საქ. სსრ მეცნიერებათა აკადემიის საზოგადო-
ებრივ მეცნიერებათა განყოფილების მოამბე“, 1963, № 3, გვ. 141—152; იხ. აგრეთვე,
მ ი ს ი ვ ე, ვორდონის ყორღანული სამარხები, „კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური
კრებული“, II, 1962, გვ. 263—264.

შუა ხანებში ფართოდ იყენებდნენ ძველ ბერძნულ ანბანურ დამწერლობას თავის საკუთარ ენაზე წარწერების შესადგენად. ამავე დროს ფრიგიული წარწერების სინქრონული ეპიგრაფიკული ძეგლები ჯერჯერობით აღმოჩენილი არ არის არც მცირე აზიის დასავლეთ და სამხრეთ-დასავლეთ სანაპიროზე, არც ფრიგიის მეზობელ ლიდიის, კარიასა და ლიკიისში. ყველაზე ადრეული ბერძნული იონური წარწერა, სამოსზე რომ არის აღმოჩენილი ძვ. წ. VII ს. შუა ხანებით თარიღდება, ეოლიური გრაფიტი — ძვ. წ. VII ს¹¹. ამავე საუკუნეს მიაკუთვნებენ ლიდიურ წარწერას ელექტრუმის მონეტაზე, ლეგენდით WALWESH¹². კარიასა და ლიკიის ყველაზე ადრეული წარწერები კი ძვ. წ. VI საუკუნეზე ძველი არ არის.

ზემომოტანილი ფაქტები თავისთავად ლაპარაკობენ იმაზე, რომ ფრიგიელებს ბერძნული დამწერლობა არ შეეძლოთ გადაეღოთ არც მცირე აზიელი ბერძნებისაგან და არც მეზობელი ლიდიელებისაგან, ანდა კარიელებისა და ლიკიელებისაგან.

ზემოთ აღნიშნულთან ერთად, ყურადღებას იმსახურებს ის არამცირე მნიშვნელობის გარემოებაც, რომ ძვ. წ. VIII ს. ბოლოსა და ძვ. წ. VII ს. დასაწყისის არქეოლოგიურ მასალებში (იგულისხმება ფრიგიის დედაქალაქის, გორდიონის, სამოსახლო ბორცვისა და ყორღანული სამარხების მასალები) სრულად არ გვხვდება ბერძნული ან დასავლეთ მცირეაზიული წარმომავლობის ნივთები. ფრიგიისა და ბერძნული სამყაროს ურთიერთობის დამადასტურებელი ყველაზე ადრეული ნივთიერი საბუთი ჩიტის ფორმის ჭურჭელია, რომელსაც არქეოლოგები თანხლები მასალის საშუალებით ძვ. წ. VII ს. შუა ხანებით ათარიღებენ¹³.

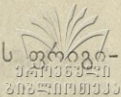
გასათვალისწინებელია ისიც, რომ დასავლეთ და სამხრეთ-დასავლეთ მცირე აზიაში ჩატარებულმა არქეოლოგიურმა გათხრებმა

¹¹ R. Young, დასახ. ნაშრ., გვ. 253—254. აქვე იხ. მითითება სათანადო ლიტერატურაზე.

¹² W. Buckler, A Lydian Text on an Elect. Coin, JHS, XLVI, 1926, გვ. 36 და შმდ. შრდ. J. Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, გვ. 123, ლიდიური ტექსტი, № 52.

¹³ Б. Шахараძე, ფრიგიის სავაჭრო-კულტურულ ურთიერთობათა ისტორიიდან, გვ. 148 და შენ. 48; მისივე, Из истории торгово-экономических связей прекиммерийской Фригии в свете новых археологических раскопок Гордиона, тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Города и торговля древнего Востока III—I тыс. до н. э.», Ереван, 1969.

დღემდე ვერ გამოავლინა ძვ. წ. VIII ს. ბოლო მეოთხედის ფრიგი-
ული მატერიალური კულტურის ძეგლები.

შემთხვევითი არ უნდა იყოს ისიც, რომ ყველაზე ადრეული ფრიგიული წარწერები, გორდიონის გარდა, აღმოჩენილია ფრიგიის აღმოსავლეთ პერიფერიაზე, კილიკიასთან ახლომდებარე ტიანისში, ულუქიშლასა და პალისის აუზში (დღევ. ალაჯა-ჰუიუკში)¹⁴.

ზემოაღნიშნულის გარდა, გასათვალისწინებელია შემდეგიც. ძველადმოსავლური წყაროების მოწმობით, ძვ. წ. VIII ს. მეორე ნახევარში ფრიგია („მუშქების ქვეყანა“) მეტოქეობას უწევდა ასურეთს კილიკიაში. სახელწოდება „მუშქების ქვეყანა“ სარგონ II-ის (ძვ. წ. 722—705 წწ.) წარწერებში პირველად სწორედ კილიკიასა (ქუე) და ჩრდილოეთ სირიაში (ქარხემიში) მომხდარ ამბებთან დაკავშირებით ჩნდება. სარგონ II-ის „ანალების“ თანახმად, ქარხემიშის მეფე პისირიმ „უღალატა ასურეთის ღმერთებს“ და მეგობრული ურთიერთობა დაამყარა მუშქების მეფე მითასთან¹⁵. იმავე სარგონის წარწერებიდან ირკვევა, რომ ფრიგიის მეფის მფარველობას მხოლოდ ქარხემიშის მეფე როდი ეძებდა. მითასთან მჭიდრო კონტაქტში ჩანან ქუეს მეზობლები, თაბალის მეფე ამბარისი, ათუნა-ათუნას მეფე მათი (ARAB, II, 24) და სხვ. „ანალების“ სხვა მითითებებიდან ვგებულობთ, რომ ძვ. წ. 715 წლამდე ქუეს (კილიკიის) ორი ქალაქი — ხაარუა და უშნანისი — ფრიგიელების მორჩილებაში ყოფილა (ARAB, II, 27). ფრიგიელებისაგან ასურეთის დასავლეთი პროვინციების დაცვის მიზნით სარგონ II-ს ფრიგიის სამეფოს საზღვარზე ციხე-სიმაგრეები აუშენებია¹⁶. ამ ზომების მიუხედავად ძვ. წ. 709 წ. ქუეს მმართველს ფრიგიელთა მიწა-წყალი დაულაშქრავს¹⁷.

¹⁴ J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, გვ. 125—126; J. Garstang, *Notes on a journey through Asia Minor*, AAAn, I, 1908, გვ. 10—11; J. J. Myres, *Midas beyond the Halys, A further notes on the Black Stone from Tyana*, AAAn, I, 1908, გვ. 13—16; *AJA*, 74, № 1, 1970, გვ. 162—163.

¹⁵ H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, 1889, *Die Annalen*, სტრ. 46—50; D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, Chicago, 1926, II, 8.

¹⁶ H. Winckler, *Die Annalen*, სტრ., 371—383; ARAB, II, 42, 43; *შტრ.* 71; *Pr.*, 150—153; *Cyl.* 24; *იხ.* აგრეთვე, E. Forrer, *Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches*, Leipzig 1920, გვ. 76 და შმდ.

¹⁷ H. Winckler, *Die Annalen*, სტრ. 371—383; ARAB, II, 43.

კილიკიასთან (ქუესთან) ფრიგიის სამეფოს მჭიდრო კონტაქტებზე ლაპარაკობს პ. საგსის მიერ 1958 წელს გამოქვეყნებული ერთ-ერთი ასურული დოკუმენტიც, სადაც ნათქვამია, რომ ფრიგიის მეფე მითამ დააკავა და ასურეთის წარმომადგენელს ქუეში გადასცა ურიკის მიერ ურარტუში წარგზავნილი დელეგაცია¹⁸ (ამ დიპლომატიურ მისიას, როგორც ჩანს, ანტიასურული ხასიათი ჰქონდა).

კილიკიისა და ჩრდილოეთ სირიის რეგიონებში ფრიგიელთა აქტივობაზე დღევანდელ კონიას სამხრეთ-აღმოსავლეთით მდებარე ყიზილ-დაღისა და ქარხემიშის მეფე არარის იეროგლიფურ—ხეთურ (ლუვიურ) წარწერებში ფრიგიის („მუშქების ქვეყნის“) მოხსენიებაც უნდა მიუთითებდეს¹⁹. საგულისხმოა ისიც, რომ ყიზილ-დაღის წარწერის პალეოგრაფიული ანალიზის საფუძველზე პ. მერიჯი მას ძვ. წ. II ათასწლ. დასასრულით ათარიღებს. არარასის წარწერა კი ძვ. წ. 730 წლამდე მომხდარ ამბებს უნდა ასახავდეს.

ჩვენთვის საინტერესო საკითხის კვლევისას გასათვალისწინებელია შემდეგიც: ე. წ. „წინაკიმერიული ხანის“ ფრიგიული ყორღანული სამარხების ინვენტარში (ძვ. წ. VIII ს. ბოლო მეოთხედი და ძვ. წ. VII ს. დასაწყისი) ფრიგიულის გვერდით, როგორც წესი, მხოლოდ და მხოლოდ აღმოსავლეთ მცირე აზიისა და ეგეოსის ზღვის აუზის (სახელდობრ, კუნძულ კვიპროსის) ნაწარმს ვხვდებით. მხედველობაში გვაქვს დიდი ზომის ბრინჯაოს ქვაბ-ქოთნები, ხარისთავიანი და ლომისთავიანი სახელურებით, რომელთაც ასურეთისა და ურარტუს მატერიალურ კულტურაში ეძებნებათ პარალელები. ამავე წარმომავლობისაა ბრინჯაოს სიტულები, ომფალოსიანი თასები, ფაიანსის ჭურჭელი, დიდი ზომის კერამიკული ლეკითოსები, ბრინჯაოს ფიალები სახელურებით კუნძულ კვიპროსიდან²⁰.

¹⁸ H. W. S a g g s, The Nimrud Letter, The Urartian Frontier, 1952, IV, «Iraq», XX, 2, 1958, გვ. 205.

¹⁹ P. M e r i g g i, Una Prima Attestazione Epicorica Dei Moschi in Frigia. «Estrato da Athenaeum Studii Periodici di Literatura e storie dell Antichita Nuova Serie», XLII, I—V, 1964; მისივე, Manuale Di Eteo Geroglifico, ნაწ. II, ტექსტები—2 და 3 სერია, Roma, 1975, № 17, ტაბ. II; R. D. B a r n e t t, Karatepe. The key to the Hittite Hieroglyphs, AnSt, III, 1953, გვ. 91.

²⁰ «Archeology», 10, № 3, 1957, გვ. 217, 219; იქვე, № 4, 1958, გვ. 217—231; სურ. 1; AnSt, VI, 1956, გვ. 205; AJA, 62, №. 2, 1958, გვ. 151, ტაბ. 25, სურ. 15—17; M a x w e l l - H y s l o p, Urartian Bronzes in Etruscan Tombs, «Iraq», 18, № 2, 1956, გვ. 150—167; Axel v o n S a l d e r n, Glass finds at Gordion, «Journal of Glass Studies», I, 1959, გვ. 25 და შმდ.; ნ. ხ ა ზ ა რ ა ძ ე, ვორდონის ყორღანული სამარხები, გვ. 255—264.

სირია-პალესტინასთან ფრიგიის სავაჭრო ურთიერთობების
ბლიის“ საკმაოდ ცნობილი ადგილიც ლაპარაკობს, სადაც ნათქვა-
მია „იონია, თოხელი (თაბალი, ნ. ხ.) და მეშეხი (ფრიგია, ნ. ხ.)
ვაჭრობდნენ შენ შორის სულებსა კაცთასა და ჭურჭელნი რვალი-
სანი მისცნეს სავაჭროდ შენდაო“ (ეზეკელი, 38₁₃).

ინტერესმოკლებული არ არის, აგრეთვე, მცირეაზიული ონო-
მასტიკონის ზოგიერთი ჩვენებაც. კერძოდ, ძვ. წ. VII ს-ში კილი-
კიის (ქუეს) ჩრდილოეთით მდებარე ტერიტორიაზე ფრიგიული
წარმომავლობის საკუთარი სახელის — „გორდის“ გამოჩენა (სი-
ნაქერების წარწერის მოწმობით, „გურდი“ — „გორდი“ რქმევია
თილ-გარიმუს მეფეს. ARAB, II, 290)²¹.

ამგვარად, ექვს გარეშეა, რომ ძვ. წ. VIII ს-ში ფრიგიის სამე-
ფოს მჭიდრო კონტაქტები ჰქონდა სამხრეთ-აღმოსავლეთში მდებარე
ქვეყნებთან და პირველ რიგში, კილიკიასთან. ამასთან, თუ გა-
ვითვალისწინებთ იმ არამცირე მნიშვნელობის გარემოებასაც, რომ
უკვე ძვ. წ. IX ს-ის დასასრულსა და VIII ს-ის დასაწყისში კი-
ლიკიას ინტენსიური ურთიერთობა ჰქონდა ეგეოსის კუნძულებთან
და ამავე ხანებში თვით კილიკია ბერძენი კოლონისტების მოზღვა-
ვებას განიცდის²², დავინახავთ, რომ ჩვენს მოსაზრებას, რომლის
თანახმად, სწორედ კილიკია უნდა ყოფილიყო ის მხარე, საიდანაც
ფრიგიაში შეედგლო შეედგლო ბერძნულ დამწერლობას, საკმაოდ რე-
ალური და მყარი საფუძველი გააჩნია²³.

ძველი ფრიგიული და ძველი ბერძნული ანბანების ურთიერთ-
მიმართების დადგენისას ვითვალისწინებდით შემდეგს: XX ს. 40-
იან წლებში კარბენტერის, ბლეჯენის, სტილველის, ულმანისა და
სხვათა ნაშრომების გამოქვეყნებით ბერძნული ანბანის შესწავლის

²¹ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, გვ. 55; ცნობი-
ლია, რომ „გორდისი“ ფრიგიის მეფეთა დინასტიური სახელწოდება იყო. „გორდ“
ძირიანი ტოპონიმები („გორდიონი“, „გორდიუტეისოსი“, „გორდორუნისოსი“, „გორ-
დუკომე“, „მანე-გორდუსი“ და სხვ.) საკმაოდ გავრცელებული იყო დიდი ფრიგიის
ტერიტორიაზე. იხ. St. Byz., ss. *Γορδίην Γορδοῦσιζος, γλαπῆ*. W. M. Ramsay
Historical Geography of Asia Minor, London, 1890, გვ. 210, 244, 246, 421—422

²² J. Garstang, Notes on a journey... გვ. 11; H. Olmstead, History of Assyria, N. Y., 1924, გვ. 221 და შმდ.; F. Bilabel, Geschichte Vorderasiens und Agyptus, Bd., I.

²³ როგორც დავინახეთ (იხ. გვ. 2—4), ჩვენგან დამოუკიდებლად ასეთივე დასკვნამდე მივიდნენ რ. ბარნეუტი, რ. იანვი და სხვ.

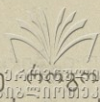
ახალი პერიოდი დაიწყო²⁴. ამ დროიდან მოყოლებული სულ უფრო და უფრო მკვიდრდება მოსაზრება, რომ ბერძნული ანბანის ფორმირება ფინიკიურიდან (ჩრდილოეთ სემიტურიდან) ძვ. წ. IX ს-ში დაიწყო, ხოლო არქაული ბერძნული ანბანის ჩამოყალიბება ძვ. წ. VIII ს. განეკუთვნება. J. Naveh-ის აზრით, არქაული ბერძნული ანბანი ჯერ კიდევ მცირედ განსხვავდება ფინიკიურისაგან. არქაული ბერძნული ჩრდილოეთ სემიტურ 22 ანბანურ ნიშანს შეიცავს. წერის მიმართულება დადგენილი არ არის. ანბანი არ არის უნიფიცირებული. არსებობს ანბანის რამდენიმე ლოკალური ვარიანტი²⁵. ძველი ბერძნული ანბანის განვითარების შემდეგ საფეხურზე იგი ახალ ნიშნებს იძენს. კერძოდ, ასოები, რომლებიც ფინიკურში ნახევარხმოვნებს გადმოსცემენ, ძველ ბერძნულში ხმოვნებისათვის არიან გამოყენებული, ამ გზით ფინიკიური „ალეფი“ გადაიქცა ბერძნულ „ალფა“-დ, „ხე“ — „ეფსილონ“-ად, „ვავ“ — „იფსილონ“-ად, „ხეთ“ — „ეტა“-დ, „იოდ“ — „იოტ“-ად, „აინ“ — „ომიკრონ“-ად. გარდა ამისა, ბერძნების მიერ დამატებით იქნა შემოღებული „ომეგა“, „ფი“, „ხი“, „ფსი“, რომელთაც ფინიკურში არ მოეპოვებათ ანალოგიები. ბერძნული ანბანის შემდგომი განვითარების შედეგად იქმნება მისი ვარიანტები — აღმოსავლურ ბერძნული ანბანი, რომელიც ვრცელდება აღმოსავლეთ საბერძნეთში და მცირეაზიულ სანაპიროზე და დასავლურ-ბერძნული, რომელიც იხმარებოდა პელოპონესში, სიცილიასა და იტალიაში. ძვ. წ. V ს-ში აღმოსავლურ ბერძნულის საფუძველზე იქმნება კლასიკური ბერძნული ანბანი, რომელიც ფართო გავრცელებას ჰპოვებს საბერძნეთსა და ამ უკანასკნელის კოლონიებში²⁶.

ძველი ფრიგიული ანბანის შესწავლა ცხადყოფს, რომ თავისი სტრუქტურით იგი არ შეიძლება განიხილებოდეს როგორც იდენტური არქაული ბერძნულისა. ამ თვალსაზრისით კი ყურადღებას

²⁴ R hys Carpenter, The Antiquity of the Greek Alphabet, AJA, 38, № 1, 1933, გვ. 8—29; მისივე, The Greek Alphabet Again. AJA, 42No. 1, 1938, გვ. 58—69; R. L. Ullman, How Old is the Greek Alphabet? AJA, 38, № 23, 1934, გვ. 359—381; A. N. Stillwell, Eight century B. C. Inscriptions from Corinth, AJA, 38, № 4, 1933, გვ. 605—610; C. W. Blegen, Inscriptions on Geometric Pottery from Hymettos, AJA, 38, № 1, 1934, გვ. 10—28.

²⁵ J. Naveh, დასახ. ნაშრ., გვ. 1 და შშდ.

²⁶ В. А. Истрин, Развитие письма, М., 1961, გვ. 235 და შშდ.; Д. Дингер, Алфавит, М., 1963, გვ. 522.

იმსახურებს შემდეგი: ძველ ფრიგიულ ანბანში, ისევე როგორც ძველ ბერძნულში, ფინიკურ „ვაგ“-ს „იპსილონ“-ი შეესატყვისება. ანბანური ნიშნები, რომლებიც ფინიკურში ნახევრადხმოვნებს გადმოსცემენ, სახელდობრ, „ალეფ“, „ხე“, „იოდ“ „აინ“, ძველ ფრიგიულში, ისევე როგორც ძველ ბერძნულში, ხმოვნებს აღნიშნავენ („ალფა“, „ეპსილონ“, „იოტა“, „ომიკრონ“). როგორც ძველ ბერძნულში ძველ ფრიგიულშიც დადასტურებულია დამატებითი თანხმოვნის „ფი“-ს არსებობა (თუმცა იგი ჯერ-ჯერობით ერთადერთ ძველ ფრიგიულ წარწერაში გვხვდება). ნიშანი, რომელიც ძველ ბერძნულში „ფსი“-ს აღნიშნავდა, ძველ ფრიგიულში მხოლოდ ძვ. წ. VI ს-ის წარწერებში ჩნდება²⁷.

ამგვარად, როგორც ვხედავთ, რიგი არსებითი ხასიათის ნიშნით ძველი ფრიგიული მეტ მსგავსებას ავლენს უკვე ჩამოყალიბებულ ძველ ბერძნულ ანბანთან, ვიდრე არქაულ ბერძნულთან. ამასთანავე, ირკვევა, რომ ძველი ფრიგიული ანბანი ზუსტად არც ძველ ბერძნულს იმეორებს. ძველი ბერძნულიდან განსხვავებით ძველ ფრიგიულში არ არის დამოწმებული „ხეთ“ („ეტა“), „თეტ“ („თეტა“), „კოფ“ („კოპა“), „ხი“ და „ომეგა“. ისევე როგორც არქაულ ბერძნულში და დასავლურ ბერძნულში, ძველ ფრიგიულშიც არ მოწმდება „სამეხ“ („ქსი“). სიბილანტების აღსანიშნავად ძველ ფრიგიულში გამოყენებულია არა ფინიკური „შინ“ („სიგმა“), არამედ ჩრდილო-სემიტური ასო „ცადე“ („სამპი“). ძველ ფრიგიულ წარწერებში (ძვ. წ. VIII ს.) იგი ხან ხუთქიმიანია, ხან კი შვიდქიმიანი. გრაფიკული თვალსაზრისით ეს ნიშანი მოაბიტურ წარწერებში პოულობს ანალოგიებს. აქვე პოულობს პარალელებს ძველი ფრიგიული „ძეტა“-ც²⁸.

ძველი ფრიგიული ანბანისათვის დამახასიათებელია ასო, რომელიც უცხოა ძველი ფრიგიულისთვისაც და ფინიკურისთვისაც. ეს ანბანური ნიშანი სამჯერ გვხვდება ძველ ფრიგიულ წარწერაში ტიანადან (ძვ. წ. VIII ს.), 5-ჯერ რ. იანგის მიერ 1969 წ. გამოქვეყნებულ წარწერაში (ძვ. წ. VIII ს.) და ერთხელ წარწერაში მიდასის ქალაქიდან (ძვ. წ. VI ს.). ამ ნიშნის მნიშვნელობის დასადგენად მასალები ჯერ-ჯერობით არასაკმარისია. საქმეს ვერ შევ-

²⁷ R. Young, დასახ. ნაშრ., გვ. 294—296; იქვე, იხ. შესაბამისი წარწერებიც.

²⁸ R. Young, დასახ. ნაშრ., გვ. 252—257, 294—296.

ლის ისიც, რომ ეს ნიშანი თავს იჩენს მცირეაზიულ სხვა დამწერლობებში (კერძოდ, ლიკიურში, ლიდურსა და კარიულში)²⁹.

ამგვარად, ზემოაღნიშნულის უშუალო დავეთანხმით იმ მოსაზრებას, რომ ძველი ფრიგიული ანბანი უშუალოდ არქაული ბერძნულიდან მომდინარეობს. ასევე ვერ გავიზიარებთ რ. ბარნეტის თვალსაზრისსაც, რომ თითქოს ძველი ფრიგიული ანბანი ძველ ბერძნულს დასდებოდეს საფუძვლად. როგორც დავინახეთ, რიგი ანბანური ნიშნებისა, რომლებიც სრულებით უცხოა ძველი ფრიგიულისათვის, დადასტურებულია როგორც ფინიკურში, ასევე ძველ ბერძნულშიც. ესენია: ფინიკური „ხეთ“, „თეტ“ და „კოფ“ და მათი შესატყვისი ძველი ბერძნული „ეტა“, „თეტა“ და „კოპა“.

რაც შეეხება რ. იანგის კონცეფციას, რომლის თანახმადაც ძველი ბერძნული და ძველი ფრიგიული ანბანები ერთი პროტოტიპური ანბანიდან მომდინარედ უნდა წარმოვიდგინოთ, რომელიც კილიკიაში ან ჩრდილოეთ სირიაში არსებობდა, შემდეგ უნდა ითქვას. ძველი ბერძნული ანბანის არსებობა ძვ. წ. VIII ს. კილიკიასა და ჩრდილოეთ სირიაში სრულიად დასაშვებია როგორც a priori. ასეთ შესაძლებლობას არც ჩვენ გამოვრიცხავთ. მაგრამ ჩვენ ვერ დავეთანხმებით რ. იანგს იმაში, რომ ეს ანბანი პროტოტიპური შეიძლება ყოფილიყო ერთდროულად ძველი ფრიგიულისთვისაც და ძველი ბერძნულისთვისაც. ზემოთ ჩვენ დავინახეთ, რომ ძველი ფრიგიული ანბანი სიახლოვეს სწორედ უკვე ჩამოყალიბებულ ძველ ბერძნულ ანბანთან ავლენს, რაც თავისთავად დააბრკობს იმაზე, რომ ეს ანბანი თვით ბერძნულისათვის არ შეიძლება პროტოტიპური ყოფილიყო.

ძველი ფრიგიული დამწერლობის გენეზისის რთული პრობლემის შესწავლის დღევანდელ ეტაპზე ყველაზე მართებული გვეჩვენება ვარაუდი, რომლის თანახმადაც, ძველი ფრიგიული დაუკავშირდება ისეთ ადრებერძნულ ანბანს, რომელიც მომდინარეობს არქაული ბერძნული ანბანიდან, მაგრამ უკვე არსებითადაა განსხვავებული ამ უკანასკნელისაგან.

გამორიცხული არ უნდა იყოს ისიც, რომ სწორედ ეს შუალედური ანბანი, რომელიც გავრცელებული იყო ეგეოსის კუნძულებზე და ამ უკანასკნელთან მჭიდროდ დაკავშირებულ მხარეებთან

²⁹ J. Friedrich, დასახ. ნაშრ., ტაბ. 1—3, გვ. 156—157; D. Diringer, დასახ. ნაშრ., სურ. 241.

კილიკია, ჩრდილოეთ სირია), დასდებოდა საფუძვლად არა მხოლოდ ძველ ფრიგიულს, არამედ დასავლურ და აღმოსავლურ ბერძნულ ანბანებსაც. ძველი ფრიგიულის წინამორბედი ბერძნული ანბანი რომ, მართლაც, ადრეული უნდა ყოფილიყო, ამაზე საკმაოდ კარგად ლაპარაკობს ძველ ფრიგიულ ასოთა დიდი მსგავსება მოაბიტურ და არქაულ ბერძნულ შესაბამის ასოებთან და ძველი ფრიგიული წარწერების საკმაოდ ადრეული თარიღები (ძვ. წ. VIII ს. შუა ხანები).

Н. В. ХАЗАРАДЗЕ

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СТАРОФРИГИЙСКОГО АЛФАВИТА

Резюме

Статья посвящена проблеме генезиса старофригийской письменности.

Еще в 1963 году на основе изучения и анализа данных древневосточных письменных источников, нового в то время археологического и эпиграфического материалов, а также ряда косвенных показаний, автор пришел к выводу, что алфавитное письмо во Фригию могло проникнуть только лишь с Востока, в частности из Киликии, имевшей тесные культурно-экономические контакты с эгейскими островами, перенявшими финикийский алфавит раньше материковой Греции и малоазийского побережья. Изучая проблему генезиса старофригийского письма, к такому же выводу пришли Р. Барнетт (1967 г.), И. М. Дьяконов (1968 г.), Р. Янг (1969 г.) и др.

По мнению автора, старофригийский алфавит не может быть рассмотрен как идентичный архаическому греческому. Автор данной работы не разделяет точку зрения Р. Барнетта, согласно которой само старофригийское письмо является прототипом для греческого. Автор не соглашается и с Р. Янгом, который старофригийскую и древнегреческую письменности выводит из общего прототипного алфавита, существовавшего в Киликии и Северной Сирии.

На основе сравнительного анализа старофригийского и древнегреческого алфавита автор пришел к выводу, что на

данном этапе изучения проблемы генезиса старофригийской письменности наиболее правильным должно быть предположение, согласно которому старофригийский алфавит восходит к уже сформировавшемуся раннегреческому алфавиту, берущему (в свою очередь) начало в архаическом греческом и распространенному в VIII в. до н. э. на Эгейских островах и в районах, тесно связанных с Эгейским миром (Киликия, Северная Сирия). По мнению автора, не исключено, что именно этот «промежуточный» греческий алфавит лег в основу не только старофригийского, но и других древнегреческих алфавитов (в частности, восточногреческого и западногреческого).

М. Ш. ХИДАШЕЛИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

В истории человечества переход от присваивающего хозяйства к производящей экономике явился фактом огромной важности. Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства открыло значительные возможности социального и культурного прогресса общества. «Неолитической революцией» назвал этот переход Г. Чайльд и тем самым полностью выразил качественный скачок в развитии производства. Экономическая сторона неолитической революции достаточно хорошо изучена. Но тут возникает второй, не менее важный вопрос — как отражались эти перемены в таких надстроечных явлениях, как идеология и искусство. В настоящее время имеется обширный материал, осмысление которого в этом плане будет способствовать изучению данной проблемы. В 1973 г. вышла в свет монография В. И. Массона и В. И. Сарияниди «Среднеазиатская терракота эпохи бронзы», в которой дается анализ многочисленных женских статуэток, обнаруженных при раскопках в Южном Туркменистане. В книге рассмотрен параллельный материал из Месопотамии, Ирана, Афганистана, Анатолии. Приводятся многочисленные мифологические параллели. На базе изучения этого большого материала, в работе убедительно обосновывается положение о том, что идеология и религия раннеземледельческих племен была тем реальным пластом, на основе которого формировалась идеология и религия раннеклассовых обществ древнего

Востока, имеющих при всех локальных и этнических различиях общие черты и закономерности¹.

Надо отметить, что в Грузии выявлен огромный, представляющий собой исключительный интерес материал, дающий широкие возможности для постановки и исследования вышеозначенных вопросов. Однако до сегодняшнего дня они не стали предметом специального исследования.

Целью нашей работы является выяснение того, каково соотношение духовного мира человека, изображенного на памятниках эпохи раннего железа, с довольно сложными и развитыми идеологическими воззрениями, сформировавшимися в раннеземледельческих культурах.

Мы сознательно избрали для сравнения период раннего железа, представляющий значительную эпоху в истории племен, обитавших на территории Кавказа. Для нее характерны огромные сдвиги как в общественной жизни, так и в хозяйстве. В этот период на территории нашей страны возникают крупные племенные объединения, на основе которых в скором будущем формируются большие государственные образования.

В первых веках первого тысячелетия до н. э. по всему Закавказью широко распространяется единый большой круг изобразительного искусства. Характерные для него памятники украшены многофигурными композициями, исполненными графически в т. н. «зверином стиле». Они характеризуются общими стилистическими чертами и единым содержанием изображений. Можно предположить, что в эту эпоху существовала вполне устоявшаяся система культовой символики, нашедшая свое выражение в декоре колхидских топоров, пряжек и т. д. Со всей полнотой отражается это художественное течение на бронзовых гравированных поясах. Здесь в художественных образах даны сложные изображения, целые мифологические комплексы, раскрытие содержания которых представляет большой интерес, обусловленный прежде всего тем, что в эпоху, не знающую письменности, эти памятники

¹ В. В. Массон, В. Н. Сарияниди, Среднеазиатская терракота эпохи бронзы, М., 1973, 6. 102.

являются единственным источником изучения идеологических воззрений создавшего их человеческого общества. Безусловно и то, что звериный стиль явился результатом определенных идеологических представлений и постольку он является одним из значительных источников их изучения.

Содержание изображений, данных на этих памятниках, отражает одни и те же религиозные и мифологические воззрения. Нам кажется весьма значительным тот факт, что содержание этих изображений, безусловно определявшееся идеологическими воззрениями создавшей их эпохи, выявляет тесную близость с религиозными и мифологическими представлениями, до последнего времени сохранившимися в быту грузинского и некоторых кавказских народов. Они дошли до нас, с одной стороны, в обычаях и циклах весенних празднеств, а с другой — отражены в легендах и мифологической поэзии народов. Все это придает исключительную ценность данным мифологии, этнографии и фольклора грузинского и других народов Кавказа. Символика художественного декора колхидских топоров и других памятников того же типа хорошо изучена². Поэтому мы не станем специально останавливаться на этих вопросах. Отметим лишь кратко, что содержание декора этих памятников, в основном, связывается с представлениями о божестве, покровителе животных и плодородия.

Что касается бронзовых поясов, тут сами размеры памятника дают возможность более широкого раскрытия темы. Поэтому переданные на поясах сцены отличаются большей полнотой и сложностью сюжета. Исследование этих памятников привело нас к выводу, что на поясах отражены идеологические воззрения, представленные в стройной и сложной системе, подчеркивающие в основном идею единства природы, ее оплодотворения и размножения. Выражение этой идеи в символических образах, отображение этими символическими образами различных естественных процессов, по представлению

² Л. Н. Панцхава, К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Тб., 1975.

их создателей, способствовало усилению этих процессов постольку, должно было содействовать благоденствию человеческого коллектива.

В системе сложных религиозных представлений, отраженных на поясах, можно выделить несколько пластов, создание которых относится к различным эпохам. Древнейший пласт этих представлений должен был быть связан с покровительницей зверей и подчиненным ей животным миром.

На всех, без исключения, поясах одним из наиболее распространенных образов художественного декора является олень или тур, изображение священной охоты на этих животных. Частота данных изображений указывает на особую активность этого сюжета. Существование мощного культа оленя в Грузии подтверждается богатейшими данными грузинского фольклора и этнографии. Видимо, культ оленя на всем Кавказе был связан с божеством — покровительницей зверей и плодородия. Согласно представлениям, фиксированным в Грузии, зооморфным воплощением божества — покровителя зверей является олень, тур или лань³. В результате антропоморфизации мира покровитель животных представляется в человеческом образе. Наиболее распространен образ женского божества⁴. Оно представляется в виде красивой, златоволосой женщины, могущей принимать иногда образ оленя или тура и так показываться охотнику. Женское божество может вступить в любовную связь с охотником. С этим связан ряд строжайших запретов — табу. Охотник, выдавший тайну этой связи, обязательно гибнет. Этот мотив отражен во многих памятниках грузинского народного творчества. В настоящее время мы остановимся на сохранившемся в Сванетии «Плаче о Беткиле», связанном с именем женского божества Дали и охотником Беткилом. Плач этот исполнялся в хороводе во время праздника весны и плодородия, объединенного в цикл весенних празднеств. Сюжет плача вкратце таков: известный

³ Е. Б. Вирсаладзе, Грузинский охотничий миф и поэзия, М., 1976, с. 33.

⁴ А. Робакидзе, Древнейшие формы организации труда, Тб., 1941, с. 192 (на груз. яз.).

охотник Беткил, находившийся в любовной связи с божеством охоты и зверей Дали, изменяет ей со смертной женщиной, нарушая тем табу. Разгневанное божество появляется перед ним в образе оленя или тура, заманивает охотника в скалы. Тут вновь, приняв женский образ, она мстит охотнику, обрекая его на гибель.

В научной литературе высказано предположение, что Дали и Беткил представляют собой божественную пару, связанную с празднеством обновления природы, весны, подобно Иштари и Таммузу, Кибеле и Аттису, Афродите и Адонису, Артемиде и Актеону. Об этом свидетельствует любовь божества к смертному, ее священный дар охотнику и, наконец, его трагическая смерть, ежегодно повторявшаяся в священном ритуальном хороводе весеннего цикла. Сюжет этот является содержанием многочисленных преданий и ряда песен⁵.

Сцены священной охоты на оленя и его многочисленные изображения на поясах, по-нашему мнению, передают именно этот древнейший мифологический комплекс.

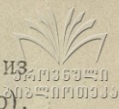
Рядом с изображениями оленей, на поясах мы очень часто видим маленькие фигуры собак, птиц, рыб, змей. Примечательно, что именно эти животные связаны с божественным миром хозяйки зверей. В мифологическом мышлении грузинского и некоторых других народов Кавказа эти животные принадлежат к одной категории существ одного и того же божества. В результате его антропоморфизации, зооморфные инкарнации божества осмысливаются уже как ее постоянные атрибуты, выражая его основную сущность⁶.

Согласно верованиям и представлениям, сохранившимся на Кавказе, одним из символов женского божества плодородия, является древо жизни. Этот момент прекрасно отражен в грузинском народном орнаменте⁷. Что касается памятников материальной культуры, с первого взгляда может показаться,

⁵ Е. Б. Вирсаладзе, Грузинский охотничий миф, с. 113.

⁶ М. Ш. Хидашели, К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии, Тб., 1972, с. 71—79 (на груз. яз.).

⁷ Г. С. Читаия, Мотив древа жизни в лазском орнаменте, Вестник инст. языка, истории и мат. культуры, 1941, X, Тб.

что оно на них не встречается (если не считать чаши из Триалети и одного более позднего пояса из Самтавро). Л. Панцхава обратила внимание на тот факт, что у оленей, представленных на колхидских топорах, рога всегда непропорционально велики и их форма сходна с растительным мотивом. В результате анализа декора топоров, автор приходит к выводу, что олень должен быть признан одним из символов древа жизни⁸. (То же видим мы и на поясах — М. Х.). Как видно, древо жизни наряду с оленем являлось одним из атрибутов женского божества.

Многочисленные материалы подтверждают, что в мышлении человека той эпохи обязательно наличествует представление относительно существования трех миров. Три космические плоскости в представлении человека создают верхний мир т. н. зескнели, средний, т. н. шуаскнели и нижний мир — квескнели. В мифологических воззрениях соединителями этих миров являются ветвистый олень и древо жизни.

Таким образом, на поясах со всей полнотой отображены представления о покровительнице зверей и подвластных ей животных. Но этот древнейший пласт религиозных представлений очень часто слит с земледельческими культурами. Так, например, в ряде случаев тело оленей покрыто сетчатым орнаментом, а хвост изображен в виде колоса, что должно указывать на связь оленя с земледелием. О подобной эволюции свидетельствуют на поясах некоторые изображения собак. На поясе, найденном в Самтавро, собаки расположены вокруг ромба, покрытого шахматным орнаментом. Ромб является одним из символов плодородия, а шахматный орнамент считается знаком обработанного поля. Хвосты у собак изогнуты в виде серпов, что опять-таки, должно быть отзвуком земледельческих культов⁹.

Факт подобного слияния древних представлений с земледельческими культурами подтверждается как в грузинском эт-

⁸ Л. Н. Панцхава, К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур, с. 16.

⁹ Н. Е. Урушадзе, Примечательный памятник древнегрузинского прикладного искусства, «Сабчота хеловнеба», 1968, № 8 (на груз. яз.).

нографическим быту, так и в мифологии. Превращение хозяина животных оленя в «земледелец» подтверждается существованием пшавского святилища «оленье гумно», «хрустальное гумно»¹⁰ и т. д.

Таковую же эволюцию претерпевает древнейшая охотничья божественная собака, один из атрибутов покровительницы зверей, Курша, образ которой приобретает в песнях новые эпитеты и сравнения «лапы с гумно величиной», «прыжок с поле величиной» и др.¹¹

Об астрализации этих культов свидетельствуют встречающиеся на поясах в большом количестве изображения солнца, луны и других светил.

В композициях, изображенных на поясах, большое место уделено также верованиям и представлениям, связанным со скотоводством. Здесь мы должны особенно подчеркнуть одно своеобразие: в композициях доминирующая и решающая роль принадлежит изображениям диких зверей, не игравших роли в производящем хозяйстве (в скотоводстве). Их практическое использование возможно было лишь на охоте. Исключение представляет лишь отражение в композициях изображения быков и коней, роль которых в хозяйстве была безусловно велика. Большую роль играли эти животные также в верованиях людей того времени. Означенный факт характерен не только для поясов, но и для всего художественного декора памятника той эпохи. С первого взгляда, это явление производит довольно странное впечатление, и оно не было никем убедительно объяснено.

Совсем недавно этнограф Мзия Макалатия в своей диссертационной работе, посвященной изучению крупного скотоводства у горцев Восточной Грузии, заострила внимание на этом моменте, дав ему, с нашей точки зрения, вполне убедительное толкование. Исследовательница пишет: «Одной из основных функций племенных, общинных, сельских и родо-

¹⁰ М. Н. Макалатия, Скотоводство в горной части восточной Грузии, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук, Тб., 1975.

¹¹ Е. Б. Вирсаладзе., Грузинский охотничий миф, с. 82.

вых антропоморфных языческих божеств, было покровительство домашним животным и их размножению. Основными животными, приносимыми им в жертву, считались домашние животные (бык, бычок, баран, ягненок, теленок и т. д.). Поэтому мы пытались выявить зооморфную природу божеств, покровителей скота в образах домашних животных, но исследование привело нас к обратным результатам — зооморфный образ или зооморфный атрибут этих божеств в большинстве случаев проявляется в образах распространенных на Кавказе диких зверей, пресмыкающихся или птиц (олень, тур, козуля, змея, медведь, волк, заяц, коршун)»¹². Из домашних животных древнейшими зооморфными образами антропоморфных божеств являются лишь лошадь и бык¹³.

В работе названо не одно святилище горцев Восточной Грузии, где в жертву приносились домашние животные. Несмотря на это, в святилище не подтверждается ни один из образов домашних животных, как атрибутов божества. Наоборот, святилища обильно украшены оленьими и турьими рогами несмотря на то, что эти животные ни в какой форме не принимают участия в ритуалах, посвященных божеству. Надо отметить, что на поясах мы встречаем изображения именно этих диких животных.

Примечательно и то, что анализ древнейших инкарнаций мужских божеств, изображенных на поясах, приводит нас вновь к древнейшему пласту — миру божества покровителя зверей и плодородия.

В действительности народов Кавказа и Грузии до последнего времени была сохранена вера как в женское божество покровительницы зверей, так и в существование аналогичного мужского божества¹⁴.

Главной функцией этого божества являлось оплодотворение и усиление плодородия. Его древнейшими зооморфными инкарнациями являются бык, баран, иногда олень и тур.

¹² М. Н. Макалатия, Скотоводство в горной части восточной Грузии, с. 31.

¹³ Там же.

¹⁴ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа. Книга I, Тб., 1960, с. 82 и сл.

В определенной связи с ними находятся медведь, кабан и др. звери.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что в широко распространенных в Грузии весенних и новогодних празднествах, отображавших идею оплодотворения и размножения природы, урожая и скота, огромная роль принадлежит именно зооморфным образам мужских божеств. Кроме того, для этих празднеств характерен подчеркнутый эротизм, подчас с имитацией совокупления полов. Эти ритуалы в своем первичном виде подразумевали открытые половые сношения и являлись главным выражением служения божеству оплодотворения и размножения¹⁵.

Примечательно, что на одном из поясов, найденном в Самтавро, дано изображение акта совокупления человеческой пары. Эта сцена должна выражать идею всеобщего размножения всей природы. На том же поясе, а также на поясах, найденных в селении Тли и Чабарухи, мы видим и сцены божественной охоты и ритуального пиршества хозяев зверей.

Таким образом, можно думать, что частота изображенных на поясах животных, с первого взгляда связанных с охотой, указывает не на активность роли охоты в эту пору, а на желание человека изобразить древнейшие атрибуты и зооморфные образы земледельческих и скотоводческих божеств. Этот факт свидетельствует о силе и особой устойчивости древних религиозных воззрений, истоки которых нужно искать в идеологии родового общества.

На территории Грузии найден исключительно интересный материал, отображающий идеологические воззрения родового строя. Осмысление в определенном аспекте этого материала, дает широкую возможность для определения генезиса идеологических воззрений, отраженных в декоре бронзовых поясов эпохи раннего железа.

На территории Грузии родовое общество представлено раннеземледельческими — энеолитической и раннебронзовой, т. н. куро-араксской, культурами.

Нужно отметить, что в социальном отношении на энео-

¹⁵ В. В. Бардавелидзе, Образы грузинского (сванского) обрядового графического искусства, Тб., 1953, с. 94 (на груз. яз.).

литической ступени развития предполагается существование матриархального родового общества¹⁶. Каждый род представлял собой одно поселение, имевшее общее хозяйство, удовлетворявшее все потребности целого рода¹⁷.

Культы и верования энеолитических племен в памятниках материальной культуры отражены сравнительно бледно. Но представляется бесспорным, что вся их идеология была пронизана идеей плодородия. Подтверждает это, в первую очередь, наличие женских глиняных статуэток, которым, видимо, приписывалась функция плодородия.

Статуэтки такого типа обнаружены в Квемо-Картли, в энеолитическом слое поселения Храмис Дидигора. Статуэтки выполнены в традиционной манере с гипертрофированными половыми органами. Некоторые фигурки являются изображением сидящих женщин (Шулавери, Имирисгора, Баба Дервиш), встречаются и весьма условные образы (Шому-Тепе, Сагварджиле).

Среди упомянутых фигурок Южного Кавказа особый интерес вызывает женская статуэтка из поселения Шулавери. Фигура представлена сидящей и отличается некоторой схематичностью. Скульптурка богата украшена графически исполненными символическими знаками — на ногах фигурки процарапаны параллельные линии. На груди же ее изображено древо жизни, проросшее из женского лона.

Магической символикой наделены и украшения керамики. Привлекают внимание различные налепы в виде круглых и продолговатых выпуклостей, которые считаются изображениями женской груди. Часто встречаются также символы зерен злаков, солнечного диска, молодой луны, волнистые линии, изображения змей и т. д.

Примечательно и то, что именно в конце энеолитической эпохи появляются на керамике изображения животных. Мы имеем в виду обнаруженную в Арухло трехгранную «буллу»

¹⁶ Т. Н. Чубинишвили, Энеолитическая культура. Очерки истории Грузии, т. I, Тб., 1970 (на груз. яз.).

¹⁷ О. М. Джапаридзе, Ал. И. Джавахишвили, Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии, Тб., 1971, с. 94 (на груз. яз.).

с изображением ветвистого оленя. Подобная «булла» была найдена и в Северо-Западном Иране в Геой-тепе¹⁸.

Изображения животных являются также тематикой терракотовых скульптур. В Арухло и Цопи были обнаружены глиняные скульптурки быков. Предполагают, что слабообожженные глиняные скульптурки животных либо лепились специально для культовых церемоний, при исполнении которых они бросались в огонь (Арухло), либо изготовлялись для погребений, куда клались взамен самого животного, как это было засвидетельствовано на поселении в Цопи¹⁹.

Таким образом, в основе верований древних земледельцев Южного Кавказа лежала идея плодородия. Они поклонялись Матери — Земле, олицетворенной женским божеством²⁰. Но для нас особенно примечательным является то обстоятельство, что именно в энеолитическую эпоху в недрах матриархального рода формируется интересующий нас религиозно-мифологический комплекс. Мы встречаем почти все компоненты этого комплекса — женское божество почти со всеми своими атрибутами — дровом жизни, оленем, быком и змеей.

На протяжении III тысячелетия на Южном Кавказе распространена весьма своеобразная и оригинальная культура, хорошо известная под названием куро-араксской культуры. Она широко освещена в археологической литературе. Поэтому мы считаем лишним останавливаться подробно на этих вопросах. Отметим лишь вкратце, что куро-араксская культура воссоздает картину типичного патриархального родового общества. В недрах этого общества широко развивается плужное земледелие, сезонное скотоводство, происходит корчевание леса, имеет место бурный подъем металлургического производства, усиливается межплеменной обмен²¹, появ-

¹⁸ Т. Н. Чубинишвили, Энеолитическая культура, с. 141—142.

¹⁹ К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, с. 163.

²⁰ Там же.

²¹ Т. Н. Чубинишвили, Культура раннебронзового века в Грузии, Очерки истории Грузии, т. I, Тб., 1970, с. 160—161.

ляются пиктографические знаки, представляющие собой первые зачаточные элементы письменности²².

В конечном итоге, все это не могло не способствовать дальнейшему развитию и усложнению идеологических представлений коллектива.

Для изучения идеологических представлений раннебронзового века собран богатейший материал. Изучение этих воззрений основывается, с одной стороны, на осмыслении материала, полученного в результате раскопок целых поселений и могильников; с другой стороны, весьма ценный результат дает изучение самих святилищ этого времени.

Крупные поселения куро-араксской культуры характеризовались наличием святилищ, расположенных как на территории поселений (Гудабертка, Артик), так и за их пределами (Амиранис Гора, Артик). Кроме того, установлено, что религиозные обряды исполнялись также в каждом доме. Основное значение придавалось очагу, т. н. «деда-бодзи» (священный столб) и глиняному возвышению, находившемуся у задней стены помещения. На этом глинобитном возвышении помещались зольные кучки, окрашенные тонким слоем коричневой глины; на них лежали переносные очажки, ритуальные сосуды, серпы, скульптурки людей и животных, специально распиленные бычьи и турьи черепа с рогами, печати с изображениями оленя и астральных знаков (Ахалцихское Амиранис Гора, Квацхелеби, Гудабертка, Хизанаантгора и т. д.).

Для определения верований и представлений, связанных с очагом, весьма интересный материал представляют надочажные глиняные подставки, имевшие как это выяснено, исключительно ритуальный характер²³. Установлено несколько типов этих подставок. Наиболее распространенными являются т. н. рогообразные подставки. Их определение впервые дано в работах Б. А. Куфтина. В подставках этого типа Б. А.

²² К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, с. 162.

²³ Я. А. Киквидзе, Раннебронзовое поселение Хизанаантгора, Тб., 1972, с. 53 (на груз. яз.)

Куфтин усматривал схематичное изображение бычьих рогов и высказал предположение о их связи с культом Великой Матери. В вертикальное отверстие, имевшееся в каждой из этих подставок, вставляли, по мнению автора, изображение священного дерева²⁴.

Рогообразные подставки с культом быка связывает также О. М. Джапаридзе²⁵.

По мнению Я. А. Киквидзе, подставки являлись эмблемами мужского божества луны, бык же представлял собой основной атрибут этого божества²⁶.

Весьма интересный тип представляют собой т. н. подковообразные подставки. Б. А. Куфтин их связывал с эгейскими алтарями. Автор в подковообразной подставке усматривал согнутые в локте и поднятые ладонями вверх руки идола женской богини и связывал их с культом Великой Матери²⁷.

В научной литературе встречается и иная интерпретация этих подставок. Их основой являются обнаруженные в Грузии, на Амиранис гора подковообразные, антропоморфные итифальные подставки, изображающие сидящего над очагом мужчину с короткими рогами или углублением в виде чаши на голове. Подставки эти, по мнению Т. Н. Чубинишвили, отображают акт оплодотворения мужским божеством домашнего очага²⁸.

Думать, что с культом очага в первую очередь должно было быть связано именно женское божество, дает нам основание следующее: существование культа очага предположимо еще в эпоху энеолита. Как выяснено, в то время поклонялись

²⁴ Б. А. Куфтин, К проблеме энеолита Внутренней Картли, Вестник Гос. Музея Грузии XIV—V, 1947, с. 71—72.

²⁵ О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тб., 1961, с. 78 (на груз. яз.).

²⁶ Я. А. Киквидзе, Раннебронзовое поселение Хизанаантгора, с. 87. Его же, Назначение и семантика очага и очажных подставок в раннеземледельческих культурах Закавказья, Труды Тбилисского университета, 1975, № 162, с. 29 (на груз. яз.).

²⁷ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-аракский энеолит, Вестник Гос. музея Грузии, XIII—V, 1944.

²⁸ Т. Н. Чубинишвили, Амиранис Гора, Тб., 1963, с. 66.

божеству плодородия, представляемому в женском образе. Эти воззрения должны были определенным образом отразиться и в религиозных представлениях куро-араксских племен.

Наличие культа женского божества подтверждается там интересным материалом. В ряде поселений найдены женские скульптуры, указывающие на активность этого культа. Интересно и то, что в этой культуре распространен еще один тип надочажных подставок, т. н. вертикальные подставки, напоминающие своими очертаниями женское тело. Сам очаг, как мы увидим ниже, явился олицетворением женской природы божества. Нам кажется, что и вышерассмотренные надочажные подставки вначале должны были быть связаны с женским божеством. На более поздней ступени развития подставки начинают отражать мужскую природу божеств.

Таким образом, в довольно стройной системе идеологических воззрений раннебронзового века одно из центральных мест занимало женское божество. Однако интересно, какова была природа этого божества и носителем каких функций оно являлось?

Обычно, женские фигуры, широко распространенные в раннеземледельческих культурах, расценивались как воплощение богини-матери, носительницы идеи всеобщего плодородия. Но в новой литературе выявляется более сложная картина идеологических воззрений, связанных с женским божеством²⁹. Выясняется, что уже на сравнительно ранних ступенях человеческой культуры было много различных божеств женского пола³⁰.

По мнению Р. Бриффолта, можно выделить четыре основ-

²⁹ В. Массон, В. Сариниди, Среднеазиатская терракота эпохи бронзы, с. 97 и сл.

³⁰ Высказано мнение, что женские статуэтки эпохи палеолита олицетворяют покровительницу очага (С. А. Токарев, К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита СА 1961, № 2), указывают и на другую функцию этих статуэток — хозяйки леса и зверей (А. П. Окладников, Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет, СА 1975, № 4).

³¹ R. B r i f f a u l t, The Mothers. A Study of the Origins of Sentiments and Institution, London, 1927, vol. III.

ных архетипа женского божества. 1. Мать богов и всеобщая прародительница. 2. Мать животных. 3. Мать-зерно. 4. Мать-Земля³¹. Причем, на раннем этапе развития религиозных представлений это были не сложившиеся образы богинь с системой сложных ритуалов, а сверхъестественные существа, воплощающие «душу» того или другого явления³².

Действительно, в мифологическом словаре Н. Рошера мы читаем: Артемида это собирательное имя, которое объединяет в себе множество различных божеств — покровительниц скал, рек и животных³³. Она впитала в себя также культы вегетативного божества растений³⁴.

В греческом пантеоне выделены три главных типа богинь, чьи культы восходят к древним традициям: 1. Божество растительности, в Олимпийском пантеоне представленное Деметрой, Матерью-Землей³⁵. 2. Владычица животных, поздняя Артемида, чей культ включают в себя древние традиции покровительства плодородия, людей и животных³⁶. 3. Богиня домашнего очага, предшественница греческой Афины³⁷.

Как выясняется, определенная дифференциация женских божеств наблюдается и в куро-араксской культуре.

По мнению Я. А. Киквидзе, в раннебронзовом веке, астральный мир осмыслен в человеческих воззрениях как определенная система³⁸. Главное божество, которому поклонялся человек, было солнце и главный его символ — очаг³⁹. И солнце и очаг являлись олицетворением женской природы

³² В. М. Массон, В. И. Сараниди, Среднеазиатская терракота эпохи бронзы, с. 98.

³³ N. H. Roscher, Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie, Leipzig, 1884—1890, 56.

³⁴ Там же, с. 581—582.

³⁵ F. O. James, The Cult of the Mothers Goddess, London, 1959, 153.

³⁶ Там же, с. 150—151.

³⁷ W. K. Guthrie, The Religion and Mythology of the Greeks, Cambridge, 1961, 27—28.

³⁸ Я. А. Киквидзе, Раннебронзовое поселение Хизанаантгора, Тб., 1972, с. 85 (на груз. яз.).

³⁹ Там же.

божества. Очаг одновременно представлял и божество земли⁴⁰.

В пантеоне божества мужского пола представлены очажными подставками, они отождествлены со вторым большим светилом — луной⁴¹. Так должна была начаться борьба между двумя астральными божествами, солнцем и луной, отражавшая соперничество между мужчиной и женщиной. Эта борьба между богом и богиней плодородия закончилась появлением нового бога-сына, который явился как бы примирителем этих двух противоположных сил. Представлялся он в виде звезды Венеры. Символом его стал огонь⁴².

Весьма интересное суждение автора, по нашему мнению, вполне приемлемо для более поздней эпохи. Существование развитого, сформировавшегося астрального пантеона на этой ступени родового общества нам кажется преждевременным. Возможно, что процесс астрализации божеств уже начинался, но сами эти божества представляются нам на этой ступени развития покровителями или хранителями самых различных явлений.

Когда в обществе складываются все реальные предпосылки для обожествления мужчины, происходит процесс раздваивания женских божеств, рядом с ними появляется мужской коррелят, который в ряде случаев впитывает в себя все функции женского божества.

Еще задолго до полной победы астральной религии появившееся рядом с женским божеством мужское поднимается в небеса и вместе с женским божеством является прародителем людей, животных и всей природы⁴³. После астрализации пантеона именно оно уступает место в астральной религии верховному владыке неба⁴⁴.

Выдвижение на передний план двух главных светил и определенная иерархия между ними должны рассматривать-

⁴⁰ Я. А. К и к в и д з е, Назначение и семантика очага и очажных подставок в раннеземледельческих культурах Закавказья, с. 29.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Е. О. J a m e s, Prehistoric Religion, London, 1957, 256.

⁴⁴ Там же.

ся как результат более позднего этапа развития религиозных представлений⁴⁵.

В религиозном пантеоне племен куро-араксской культуры нами выделены три основных типа божеств: женское божество, покровительница очага, олицетворявшая также Мать-Землю и мать-зерно. Это предположение подтверждается традицией включения зерен в обмазку очага и установкой там ручных зернотерок. Впоследствии, в результате астрализации пантеона, именно это божество связывается с солнцем. Основными символами этого божества являются древо жизни (роль которого в помещении исполняло «деда бодзи») и затем птица.

В религиозных верованиях куро-араксских племен одно из главных мест занимало мужское божество оплодотворителя очага. Основными эмблемами этого божества являлись, как уже отмечалось, очажные подставки, связанные также с изображениями быков и луны. Видимо, это божество связывается в астральном пантеоне с культом луны. Нужно отметить, что позже, в языческом пантеоне грузинских племен, центральное место занимал бог Луны⁴⁶. Создается и определенная иконография этого образа — всадник-воитель, изображения которого весьма популярны на памятниках раннеантичной эпохи.

Довольно мощно представлен в воззрениях куро-араксских племен и культ третьего божества — покровительницы животных и плодородия. Основными символами ее являются олень, тур, змея, рыба, птица, собака. Большое значение этого божества подтверждают сложные ритуалы, засвидетельствованные при раскопках поселения Квацхелеби. Ритуал исполнялся у очага. Слева от очага лежал принесенный в жертву олень, а справа стояли зернотерки, серпы и ритуальная посуда⁴⁷.

⁴⁵ И. К. Сургуладзе, Астральная символика в грузинском народном орнаменте, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук, Тб., 1967, с. 16.

⁴⁶ Ал. И. Джавахишвили, Л. Н. Глонти, Урбниси I, Тб., 1962, с. 52.

⁴⁷ Там же.

Видимо, это божество впоследствии связывается со звездой Венерой. Но нужно подчеркнуть, что и после астрализации основной функцией этого божества является покровительство животным и охотничьим ритуалам, что подтверждается данными этнографии и фольклора грузинских племен.

Эмблемы и символы вышеуказанных божеств широко распространены на памятниках материальной культуры этого периода. Особенно часты они на керамике. Встречаются изображения астральных знаков (спираль, меандр, серп луны). Особенно характерен мотив двойной спирали, являющейся символом древа жизни. На ранней керамике двойная спираль обычно изображалась способом налепа и имела горизонтальную перекладину, что делает ее отдаленно, напоминающей верхнюю часть головы рогатого животного. В других случаях расходящиеся в стороны спирали основанием упираются либо в серп луны, либо в ладьевидную фигуру⁴⁸.

Весьма популярен на керамике образ оленя. Встречаются как графические, так и лепные изображения этого животного. Иногда на керамике мы встречаем единичные изображения вышеуказанных эмблем, иногда они объединены в большие композиции, на которых представлены все интересующие нас символы — спираль, серп луны, жертвенник, хлебный колос, олень, рыба, змея, птица и т. д. Аналогичная сюжетная композиция изображена на медной диадеме из погребения Квацхелеби, где змея, птица и олень соединены с астральными знаками. Отмечают связь этих композиций с глиняными оттисками каменных печатей, широко распространенных с эпохи энеолита на всем Древнем Востоке⁴⁹.

Нужно отметить, что именно те же символы, в основном, связанные с женскими божествами, пользуются широкой популярностью и в декоре бронзовых памятников раннежелезного века. Но примечательным является тот факт, что изображения женских божеств на этих памятниках совершенно

⁴⁸ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, с. 166—167.

⁴⁹ Там же.

не встречаются. Чем это можно объяснить? Нужно предполагать, что факт появления мужского божества и частичный переход женских божеств на второй план должен был произойти именно в лоне куро-араксской культуры, что, безусловно, сопровождалось определенными идеологическими противоречиями (как предполагают, отзвук этого нашел свое отражение и в эпосе об Амирани). В результате этой борьбы количество женских изображений все уменьшалось, постепенно сойдя на нет. Однако в процессе этой борьбы старые идеологические воззрения не исчезали, а с поразительной устойчивостью сохранялись в памяти поколений. Ряд древних представлений продолжал свое существование рядом с новым: частота изображения символов, связанных с миром женского божества, свидетельствует об исключительной устойчивости этого религиозного комплекса. Однако в эпоху раннего железа символы женских божеств на памятниках материальной культуры смешаны между собой, и наличие различных типов женского божества на этих памятниках пока не подтверждается. В то же время данные этнографии и фольклора подтверждают наличие вполне определенно выраженных различных образов женского божества в виде хозяйки зверей и леса — Дали, божества хлебных злаков Ламарии, кюльта Великой Матери Наны и др.

Здесь же мы хотим коснуться еще одного вопроса. Т. Н. Чубинишвили высказано предположение о том, что племена куро-араксской культуры должны являться создателями сказания об Амирани. По его мнению, знаки, встречающиеся на куро-араксской керамике: спираль — «солнце» и кругообразный знак «луна», мы должны рассматривать как древнейшее религиозно-символическое изображение сказания об «Амирани»⁵⁰.

Это предположение автора мы хотели бы подтвердить еще одним нашим соображением. Грузинский народный эпос об Амирани имеет многовековую историю развития. В нем четко отразились социальные и идеологические представле-

⁵⁰ Т. Н. Чубинишвили, *Амиранис Гора*, с. 93.

ния различных эпох. Древнейший пласт этих воззрений ведет нас опять и опять к образу божества, покровителя зверей и плодородия.

Согласно всем вариантам сванской версии сказания об Амირани, как известно, матерью Амირани является божество Дали — покровительница животных, а впоследствии и божество охоты. Дали зачала Амیرана от смертного охотника. Жена охотника, узнав об этом, срезает ей волосы, в результате чего Дали гибнет. (Интересно, что согласно осетинскому варианту Дали впервые является к охотнику в виде оленя).

В грузинском охотничьем эпосе известен более архаичный вариант этого сюжета — цикл Дали и охотника Беткила, о котором у нас уже была речь. Согласно этой хороводной песне умирает не Дали, а охотник, которого губит божество как весеннюю жертву своей любви⁵¹.

Если согласиться с наличием этого религиозно-мифологического комплекса в куро-араксской культуре, можно предположить, что древнейшее ядро эпоса об Амīрани создано именно в эту эпоху.

Окончательное оформление эпоса об Амīрани предполагается в эпоху раннего железа. Примечательно, что на одном бронзовом поясе этой эпохи видят композицию, отражающую этот сюжет⁵². Образ Амīрани, борющегося с драконом, дан, как предполагают, на одном из колхидских топоров⁵³.

Таким образом, если наше суждение верно, мы можем высказать предположение, что идеология раннеземледельческих племен являлась тем основным пластом, той реальной основой, на которой могла сформироваться и развиваться стройная система идеологических воззрений эпохи раннего железа.

Кроме того, созданный на территории Кавказа, в лоне раннеземледельческих культур, вышеозначенный мифологический сюжет имеет значение и постольку, поскольку он выходит за

⁵¹ Е. Б. Вирсаладзе, Грузинский охотничий миф, с. 97.

⁵² М. Я. Чиковани, Прикованный Амīрани, Тб., 1947 (на груз. яз.).

⁵³ Л. Н. Панцхава, Бронзовый топор с изображением антропоморфного существа, «Сабчота хеловнеба», 1971, № 7.

рамки Кавказа и дает возможности для широких типологических параллелей.

Идеологические воззрения, связанные с женским божеством, широко распространены в древних религиях. Возникновение их связывают именно с кругом раннеземледельческих культур. По мнению известного историка религии Джеймса, наличие комплекса, связанного с женским божеством — матерью природы, впервые подтверждается в раннеземледельческих культурах в Тель Арпачии, где оно представлено со всеми своими атрибутами — двойным козлом, птицей, головой быка и змеей⁵⁴. Тот же комплекс распространен в культурах Халафа и Убейда, на Северном Иране, в Анатолии, Крите, Иране, Белуджистане, Индии⁵⁵. Сюжет этот, видимо, нужно считать явлением стадильным, предпосылки для создания которого формируются именно в недрах раннеземледельческих культур.

Но преимуществом кавказского материала, в данном случае, является то, что на Кавказе этот сюжет наличествует не только в памятниках материальной культуры, но сохранен в живом быту, в фольклорных и этнографических комплексах, что придает кавказскому и грузинскому материалу особое значение.

⁵⁴ F. O. James, *The Cult of the Mother Goddess*, p. 23.

⁵⁵ Там же, с. 24—25.

Д. А. ХАХУТАЙШВИЛИ

К ХРОНОЛОГИИ КОЛХИДСКО-ХАЛИБСКОГО ЦЕНТРА ДРЕВНЕЖЕЛЕЗНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

На территории Западной Грузии, составлявшей в древности северную часть исторической Колха, за последние годы был выявлен один из древнейших и крупнейших центров производства железа, пока что не имеющий себе равных на всем древнем Ближнем Востоке.

Указанный железопроизводящий центр, представленный отдельными очагами, территориально распространяется от р. Чорохи вплоть до Большого Кавказа¹. Имеются неоспоримые данные, указывающие на то, что данный регион производства древнего железа вместе с Халибией составляли единое целое, снабжающее своей продукцией обширные районы соседних стран.

Каждый из железопроизводящих очагов указанного региона имеет свой центр и периферию и насчитывает до 100 или более железоплавильных мастерских, которые, судя по раскопанным объектам, относятся к разным векам раннежелезной эпохи (XI—VI вв. до н. э.).

Та часть колхидско-халибского железопроизводящего центра, которая расположена на территории Советской Грузии, представлена четырьмя основными производственными очагами.

¹ Д. А. Х а х у т а й ш в и л и, К истории древнеколхидской металлургии железа. «Вопросы древней истории» (Кавказско-ближневосточный сборник. IV) Тб., 1973, с. 170—179. Е го же, К вопросу о первичных центрах зарождения и развития металлургии железа. Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. А. Дджавахишвили. Тб., 1976, с. 97—103 (на груз. яз).

Самый южный очаг данного региона расположен близ Апсарской крепости, в ущельях притоков р. Чорохи. Имеется основание предположить, что ареал Чорохского производственного очага распространяется на территории и Турецкого Лазистана. Дальше на юг и юго-запад предполагается существование других очагов колхидско-халибского горно-металлургического центра.

В настоящее время изучены лишь две железоплавильные мастерские Чорохского очага — «Чарнали I/1» и «Чарнали I/2»².

К северу от Чорохского очага, на расстоянии 40—50 км от Батуми, выявлен один из крупных древнеколхидских железопроизводящих очагов, насчитывающий до 100 объектов. Некоторые из объектов насчитывали две или более разновременных железоплавильных мастерских («Легва I», «Джиханджури I» и т. д.)³. Центр данного очага расположен в зоне среднего течения рек Чолоки и Очхамури, на территории Джиханджурского, Цецхлаурского, Лайтурского, Анасеульского совхозов и с. Легва, а периферийные мастерские разбросаны на более обширной территории (с. Какути, Квирике Кобулетского р-на, Гурианта, Кончкати Махарадзевского р-на и т. д.). На территории указанного очага раскопано 11 железоплавильных мастерских (Джиханджури I/1, I/2, I/3; Легва I/1, I/2; Джиханджури II, Джиханджури III, Джиханджури IV; Цецхлаури I, Цецхлаури II, Цецхлаури III)⁴. Тех-

² Ср. И. А. Гзелишвили, Железоплавильное дело в древней Грузии, Тб., 1964, с. 47—49, рис. 15.

³ В первых публикациях эти объекты приняты как мастерские с одной, двумя и тремя печами (см. И. А. Гзелишвили, Указ. раб., с. 38—47), но впоследствии выяснилось, что здесь фактически налицо разновременные мастерские, каждой из которых принадлежала лишь одна ж/печь.

⁴ И. А. Гзелишвили, Указ. раб., с. 38—47. Д. А. Хахутайшвили, У истоков древнеколхидской металлургии железа. Памятники Юго-Западной Грузии, I, Тб., 1964, с. 45—58 (на груз. яз.); Его же, Археологические раскопки древнеколхидского центра производства железа в ущелье р. Чолоки в 1970 году. «Памятники Юго-западной Грузии», V, Тб., 1975, с. 79—92 (на груз. яз.). Его же, Археологические раскопки древнеколхидского центра производства железа в ущелье р. Чолоки в 1971 году. «Матне» АН ГССР, Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, № 4, 1974, с. 199—202 (на груз. яз.).

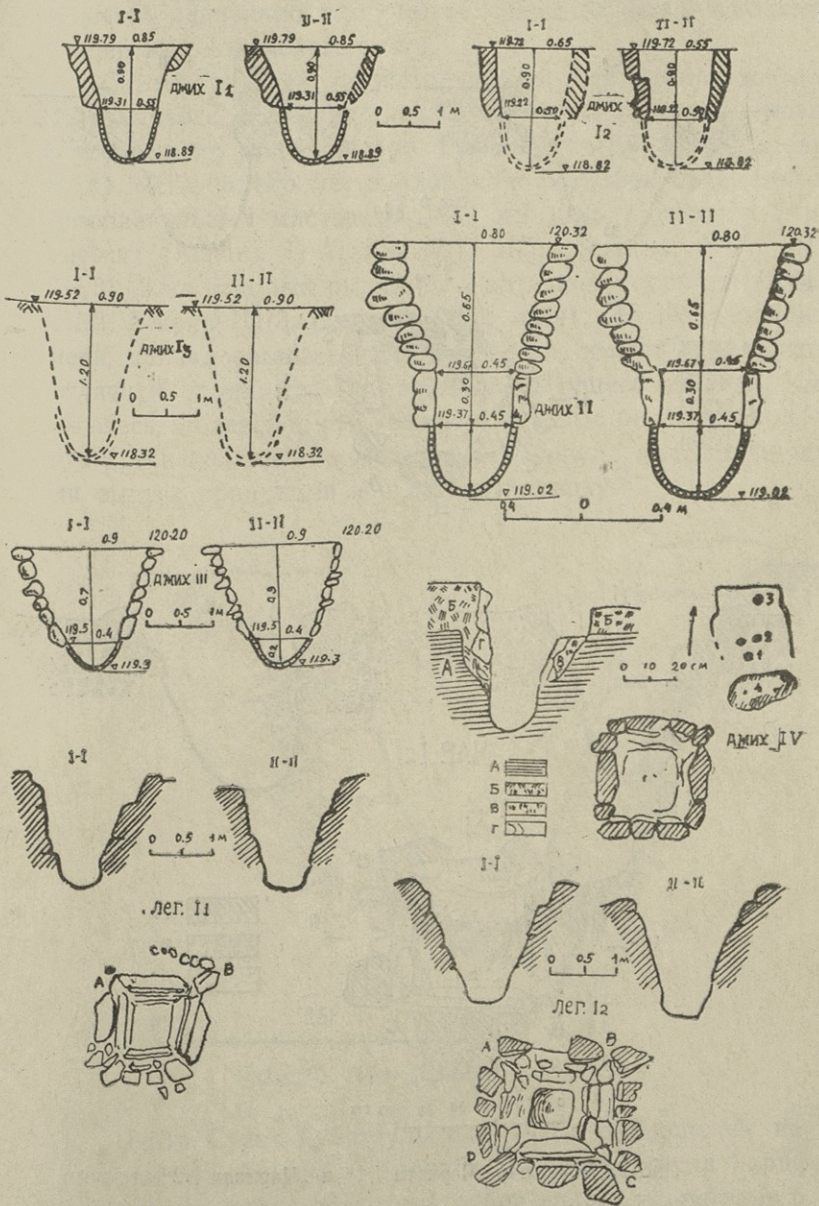
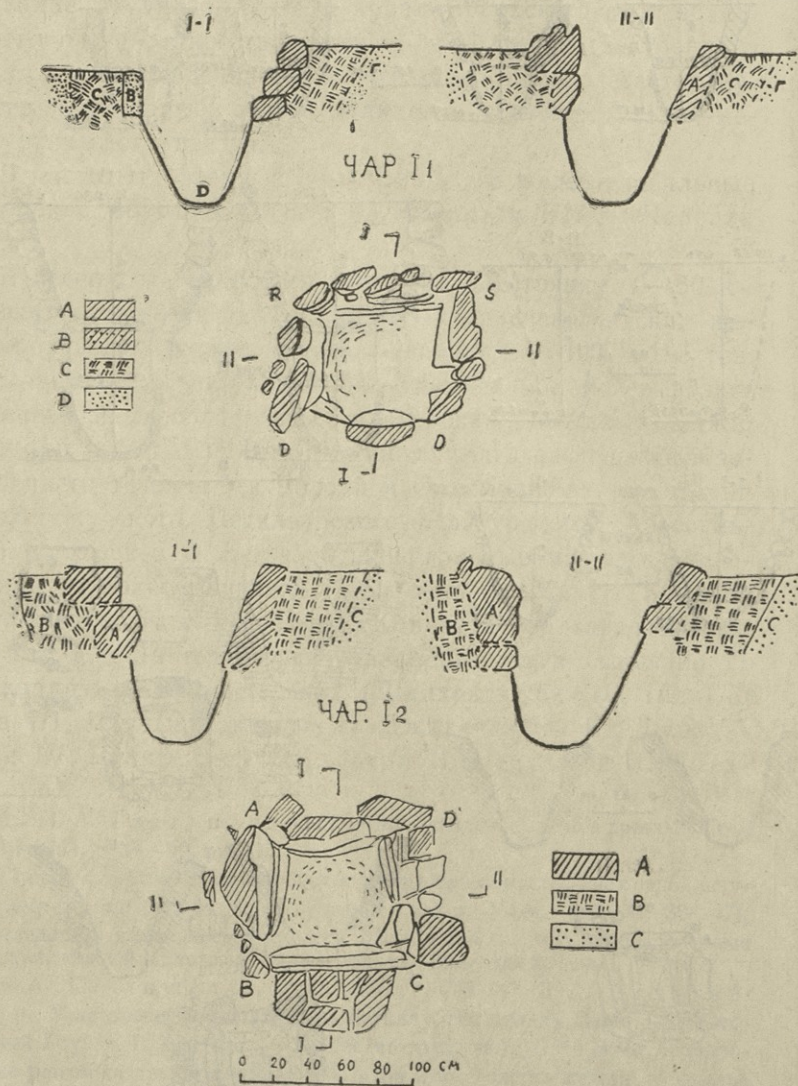

Рис. 1. Ж/п печи группы „Джиханджури“ и „Легва“

Րիս 2. Ջ/ք պեճի «Չարնալի I/1» և «Չարնալի I/2»

ническое оснащение железоплавильных мастерских Чолокско-го очага идентично технической оснащённости раскопанных мастерских Чорохского очага.

Самый крупный древнеколхидский очаг производства железа выявлен в бассейне рек Супса и Губазеули, в основном в ущельях их притоков (рр. Гулепа, Курепа, Цкал-цитела и т. д.). Установлено местонахождение остатков более 100 железоплавильных мастерских. По сей день раскопано 7 мастерских (Аскана I, Аскана II/1, II/2, Аскана III/1, III/2, III/3), 2 из которых относятся к античному времени (Аскана III/2, Аскана III/3, раскопки 1975 года). Железоплавильные печи, принадлежащие этим последним, имеют конструкцию, отличную от конструкции печей предыдущего периода. Именно здесь, в бассейне р. Губазеули, впервые было установлено, что древнеколхидские железопроизводящие очаги продолжали выпуск продукции и в античную эпоху.

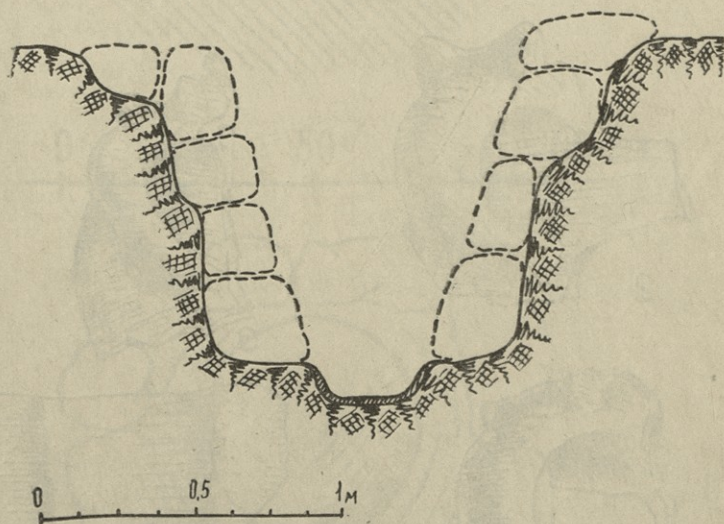

Рис. 3. Печь „Цецлаури 1“. Разрез

Центр Супса-Губазеульского очага расположен на территории сёл Аскана, Мзиани и Мшвидобаури, а периферии охватывают более обширный район вплоть до истоков р. Натанеби (местность Корисбуде).

Четвертый основной очаг древнежелезной металлургии выявлен в ущелье р. Очхомури, левого притока р. Хоби на территории сёл: Чога, Хабуме, Накиани, Напичхоу и др. (Чхороцкуйский р-н). Гидросистема Хоби-Очхомури представляет собой одну из основных водных артерий Центральной и Северной Колхиды. Указанный производственный очаг

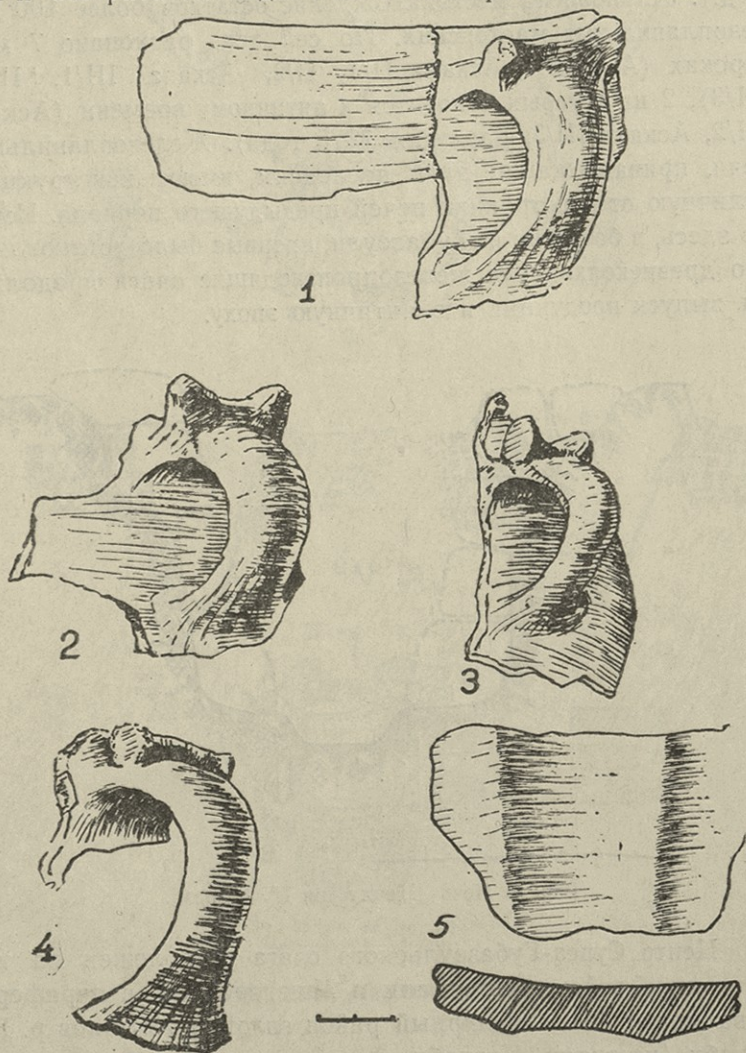

Рис. 4. Ж/п мастерская „Цецхлаури I“. Образцы керамики

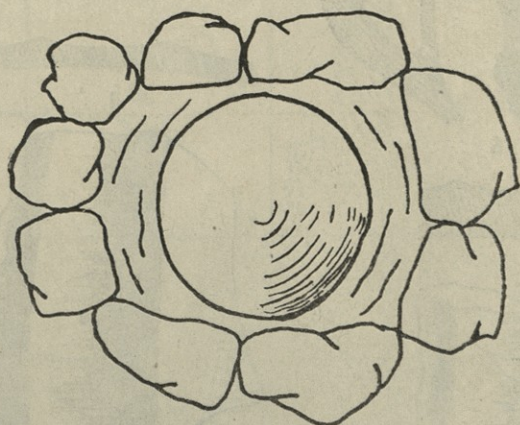
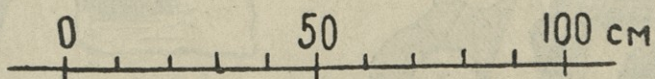
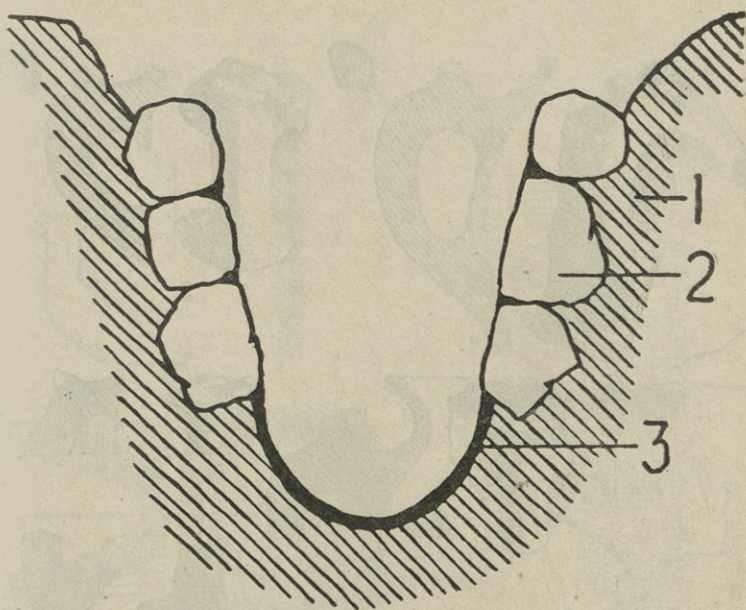

Рис. 5. Ж/п печь „Цецхлаури II“

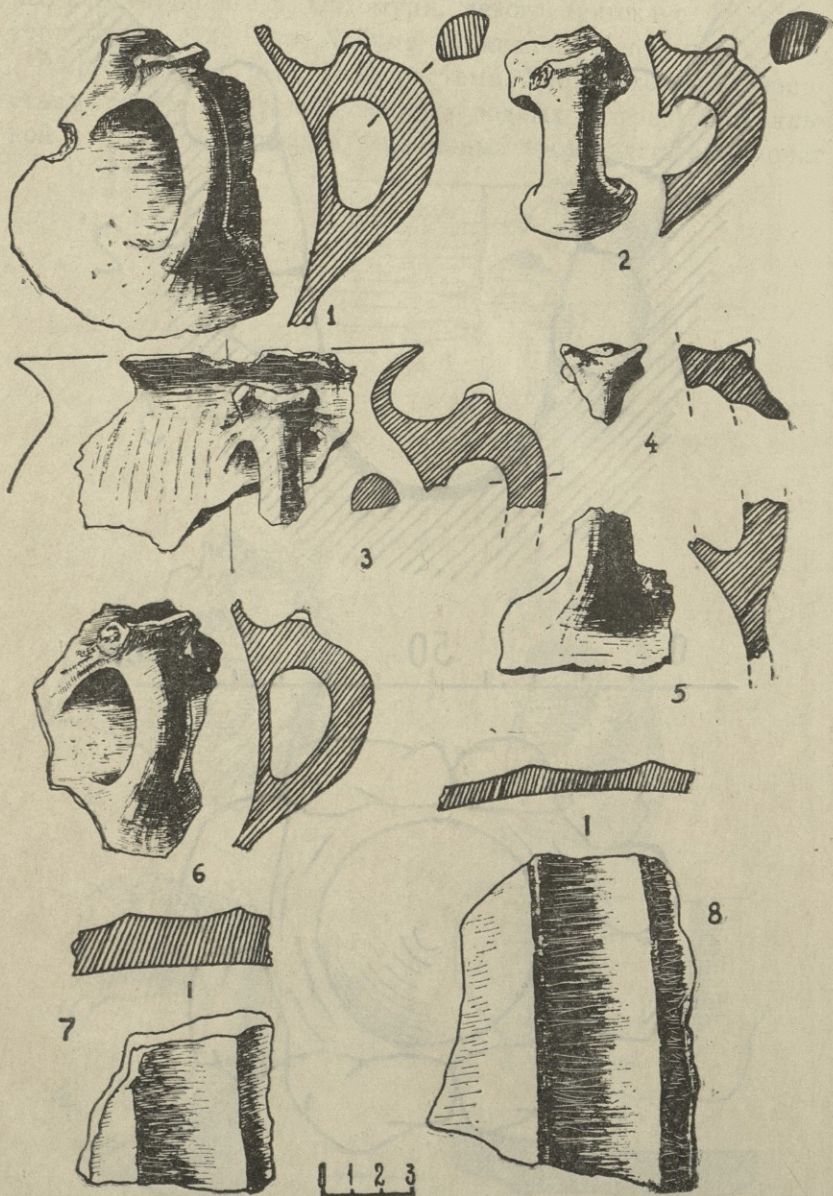

Рис. 6. Фрагменты сосудов из ж/п „Цецхлаури II“

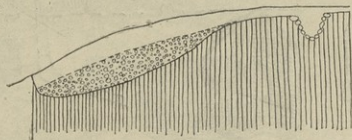
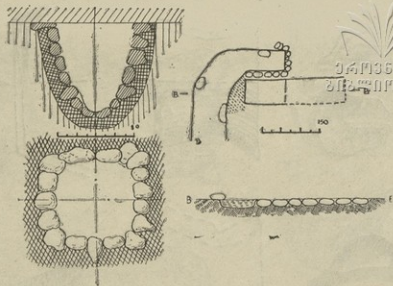
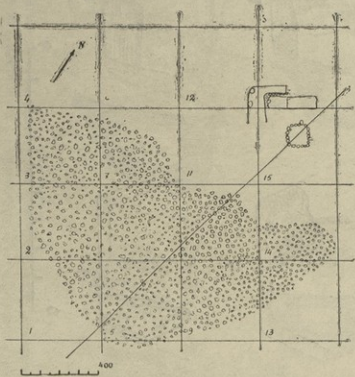

Рис. 7. Ж/п мастерская „Чога II“

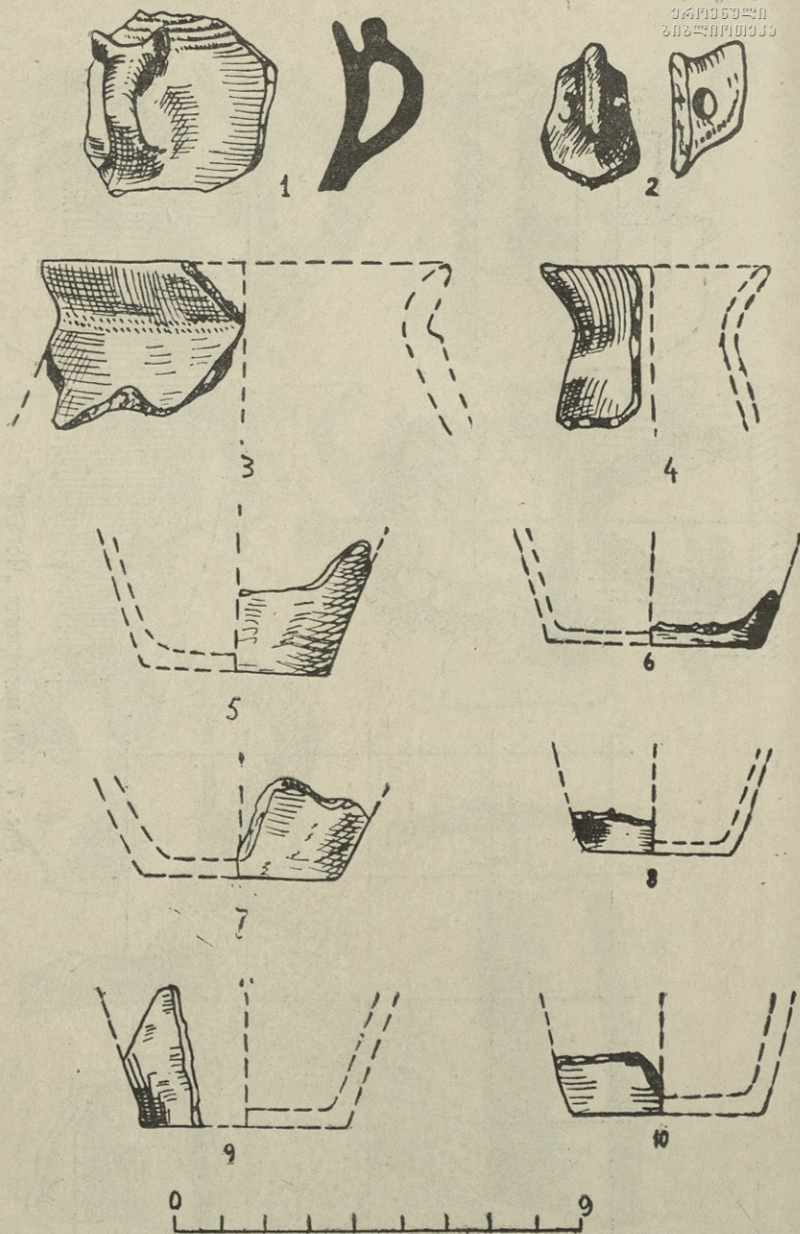

Рис. 8. Фрагменты керамической посуды из ж/п мастерской „Чога II“

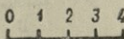
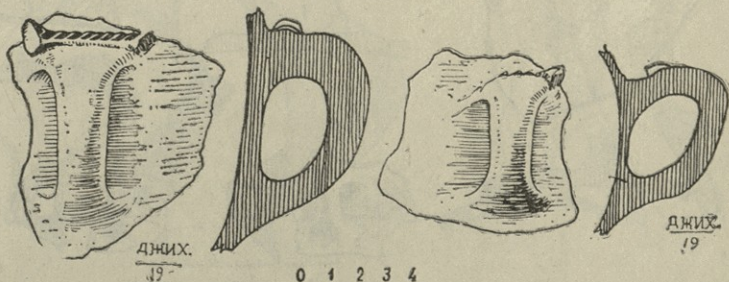
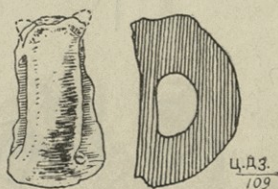
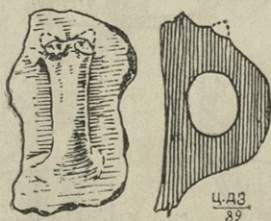
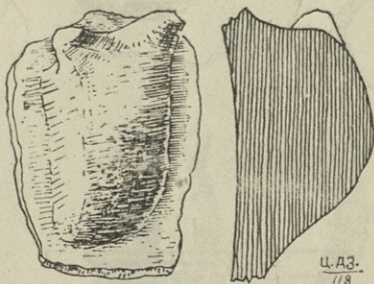
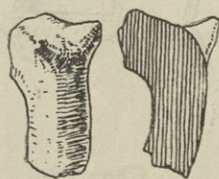
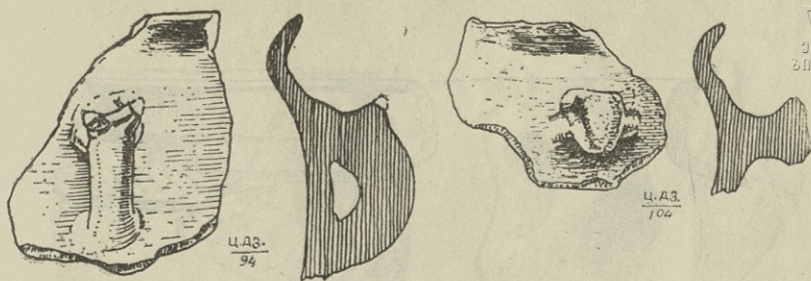

Рис. 9. Фрагменты зооморфных ушек из нижнего слоя Цихидзирского поселения и ж/п мастерских „Джиханджури II“ и „Джиханджури III“ (нижний ряд)

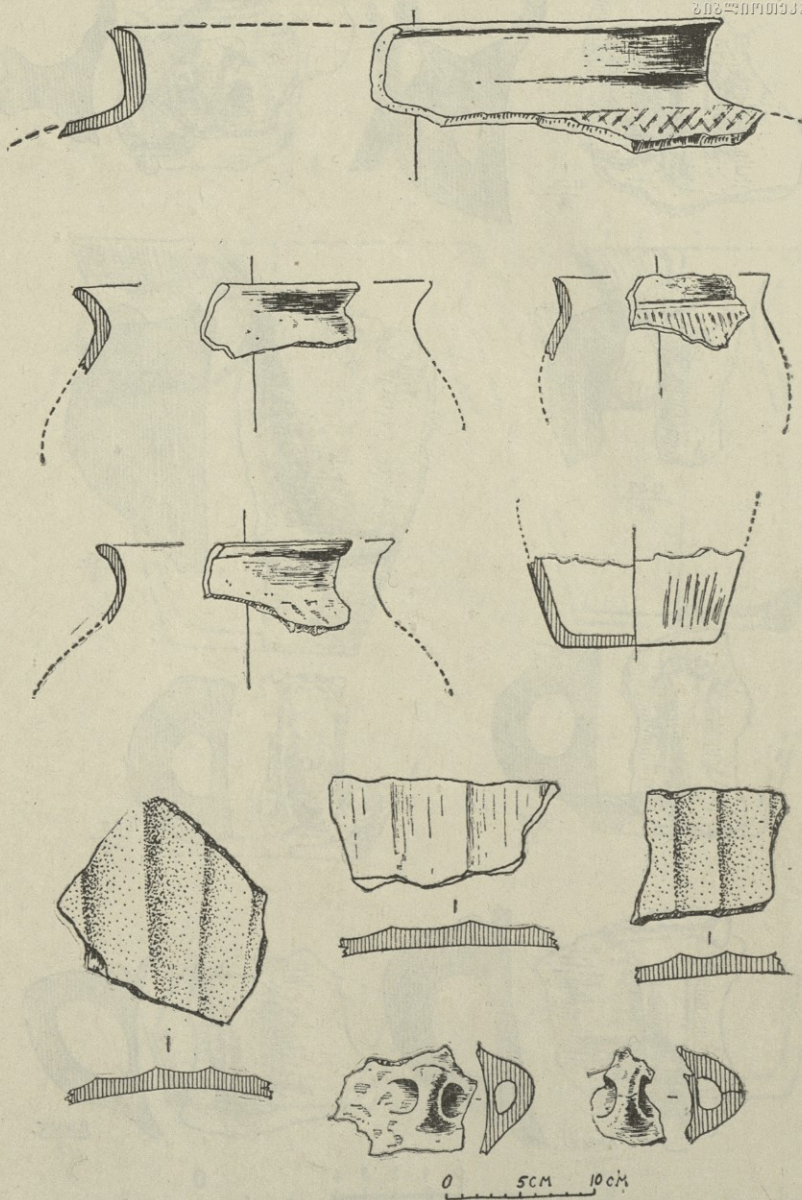

Рис. 10. Фрагменты сосудов из ж/п мастерской „Аскана 1“

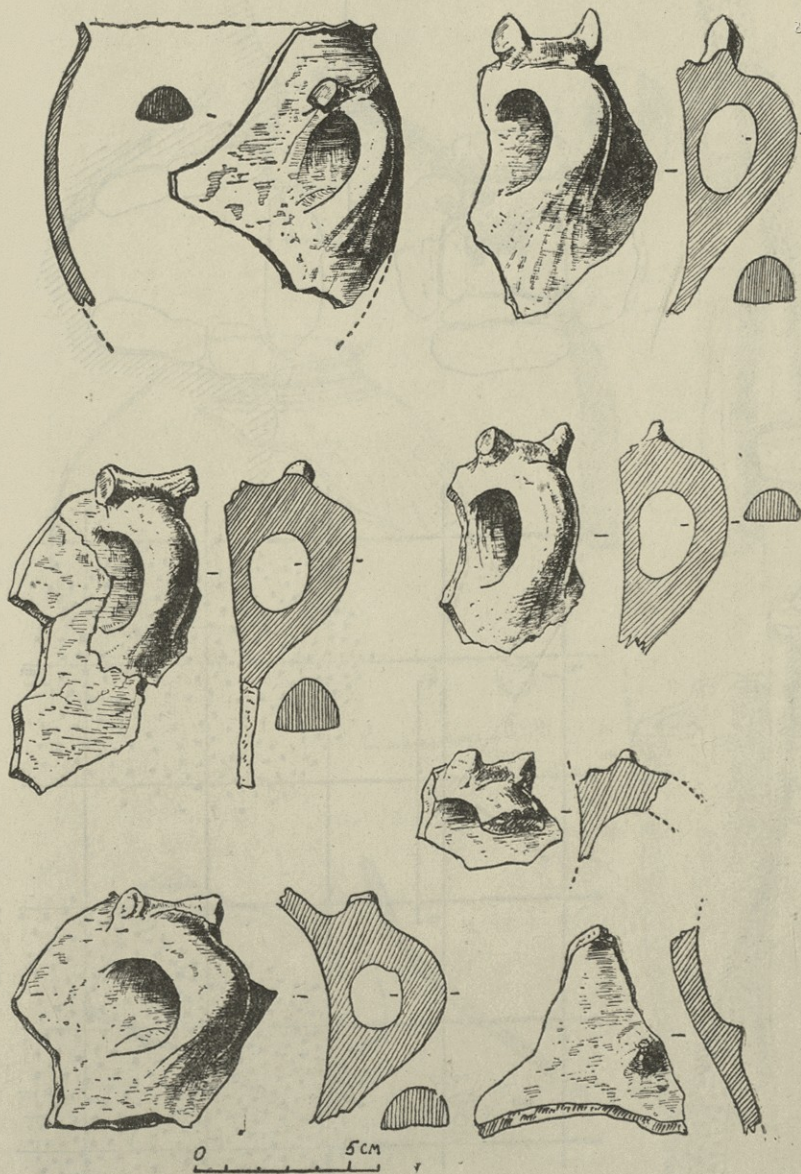

Рис. 11. Фрагменты сосудов из ж/ п мастерской „Аскана III/1“

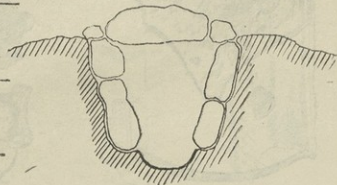
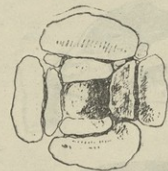
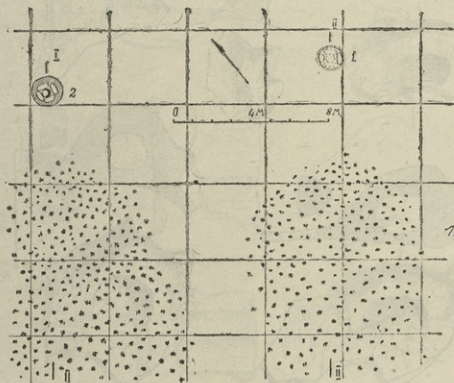
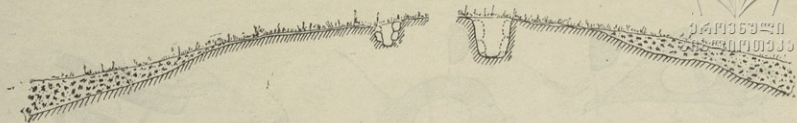

Рис. 12. ж/п мастерские „Аскана II/1“ и „Аскана II/2“. План и разрез

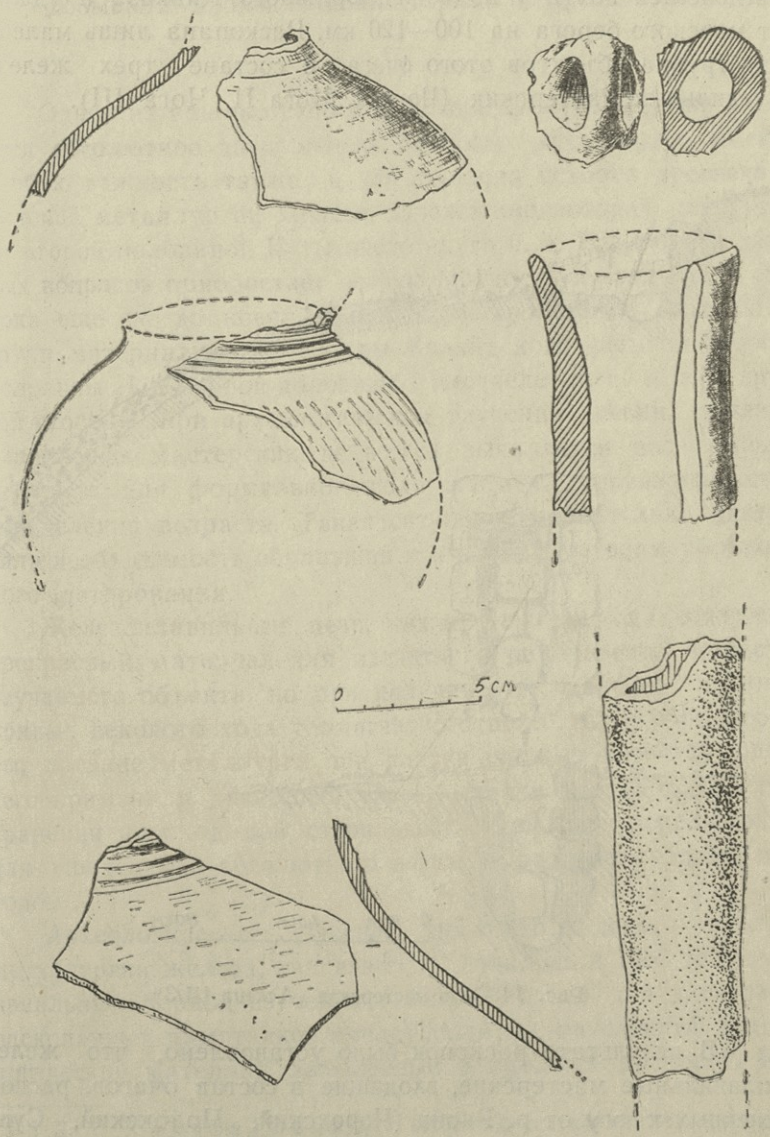

Рис 13. Фрагменты керамических изделий из ж/п мастерской „Аскана II/1“

расположен почти у подножья Большого Кавказа и удален от морского берега на 100—120 км. Раскопана лишь маленькая группа объектов этого очага в составе трех железоплавильных мастерских (Чога I, Чога II, Чога III).

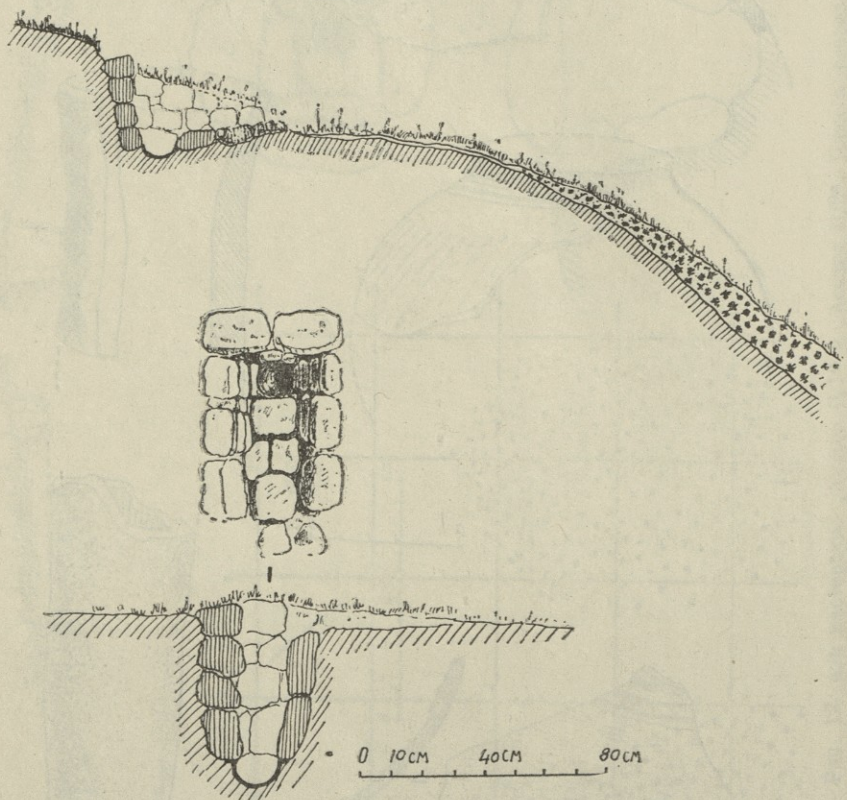

Рис. 14. Ж/п мастерская „Аскана III/3“

В результате раскопок было установлено, что железоплавильные мастерские, входящие в состав очагов, расположенных к югу от р. Риони (Чорохский, Чолокский, Супса-Губазеульский), в качестве сырья применяли магнетитовые пески, богатые залежи которых находились поблизости — на прибрежном пляже, в районах устьев рек (Чорохи, Супса, Натанеби, Чолоки и др.), а мастерские Очхомурского (Хоб-

ского) очага — железную руду, которую, по всей вероятности, добывали в близлежащих горных недрах⁵.

*
* *

Одной из важных сторон изучения древней истории является абсолютное датирование. Вопросы хронологии имеют особую важность также и для изучения истории древнеколхидской металлургии железа, зарождение которой датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Разработка данных вопросов приобретает особую важность и ввиду того, что пока еще не до конца разработана хронология отдельных групп материальной культуры Колхидского региона второй половины II и первой половины I тысячелетий до н. э. С другой стороны, при археологическом изучении древних железоплавильных мастерских не всегда выявляется достаточный материал для формально-типологического (сравнительного) определения возраста. Такая ситуация настоятельно диктовала необходимость обращения и к другим методам абсолютного датирования.

Железоплавильные печи, как правило, всегда содержат прекрасный материал для магнитного определения возраста изучаемого объекта, но при наличии для данного региона кривых векового хода геомагнитного поля⁶. С другой стороны, древние металлурги при плавке руды в качестве горючего применяли древесный уголь, остатки которого, при сохранении необходимой стерильности, можно использовать для определения абсолютного возраста радиоуглеродным методом⁷.

Археологическое изучение древнеколхидского центра металлургии железа, как известно, началось в 1960 году⁸. В начальный период изучения (1960—1961 гг.) для датировки раскопанных памятников имелся лишь малочисленный археологический материал, выявленный в процессе раскопок. Ре-

⁵ Д. А. Х а х у т а й ш в и л и, К истории древнеколхидской металлургии железа, с. 172—175.

⁶ Проблемы абсолютного датирования в археологии, М., 1972, с. 5—8.

⁷ Там же, с. 9—10, 122—129.

⁸ И. А. Г з е л и ш в и л и, Указ. раб., с. 6, 46, 47.

зультаты изыскания были опубликованы И. А. Гзелишвили. Публикация отдельной книгой, в частности датировка древнеколхидских мастерских, носила самый предварительный характер. Там же указывалось на необходимость дальнейшей детальной обработки имеющихся материалов и расширения работ для получения новых данных⁹.

Самый сравнительно богатый археологический материал в виде фрагментов гончарных сосудов был выявлен в 1970—71 гг. при раскопках железоплавильных мастерских «Цецхлаури I» и «Цецхлаури II» (Чолокский производственный очаг)¹⁰. В указанной группе гончарных изделий были представлены фрагменты лощенных колхидских горшков зооморфными ушками и более крупных сосудов, покрытых широкими каннелюрами, выполненными способом «гранения». Такие же материалы были выявлены в нижнем слое поселения Цихисдзири, близ цитадели города-крепости Петра (Кобулетский р-н) и III—IV слоях древнеколхидского поселения «Намчедури», расположенного в пойме рек Чолоки и Очхамури, у правого берега р. Очхамури, недалеко от слияния этих двух рек. Все эти памятники (ж/п мастерские, поселения) расположены в одном микрорегионе и, по всей вероятности, снабжались продукцией одних и тех же гончарных мастерских. Свидетельство этому, как отмечалось выше, полная идентичность гончарных изделий, представленных в материалах памятников вышеуказанной группы.

Следует отметить, что нижний слой цихисдзирского поселения и III слой поселения «Намчедури» сверху перекрыты стерильной прослойкой, на которой лежит раннеантичный слой. Таким образом, по стратиграфическим данным, все эти памятники относятся к доантичному времени. Можно отметить, что на Колхидской равнине те слои древних поселений, которые содержат в себе подобную керамику (IV слой древнего поселения Кулеви, близ устья р. Хоби¹¹, верхний уровень

⁹ Там же, с. 38—52, 108—110.

¹⁰ Д. А. Хахутайшвили, Археологические раскопки древнеколхидского центра в ущелье р. Чолоки в 1970 году, с. 90—91. Его же, Археологические раскопки древнеколхидского центра в ущелье р. Чолоки в 1971 году, с. 192—202, рис. 5, 6, 8 (на груз. яз.).

¹¹ Т. Микеладзе, М. Барамидзе, Г. Пхакадзе, Г.

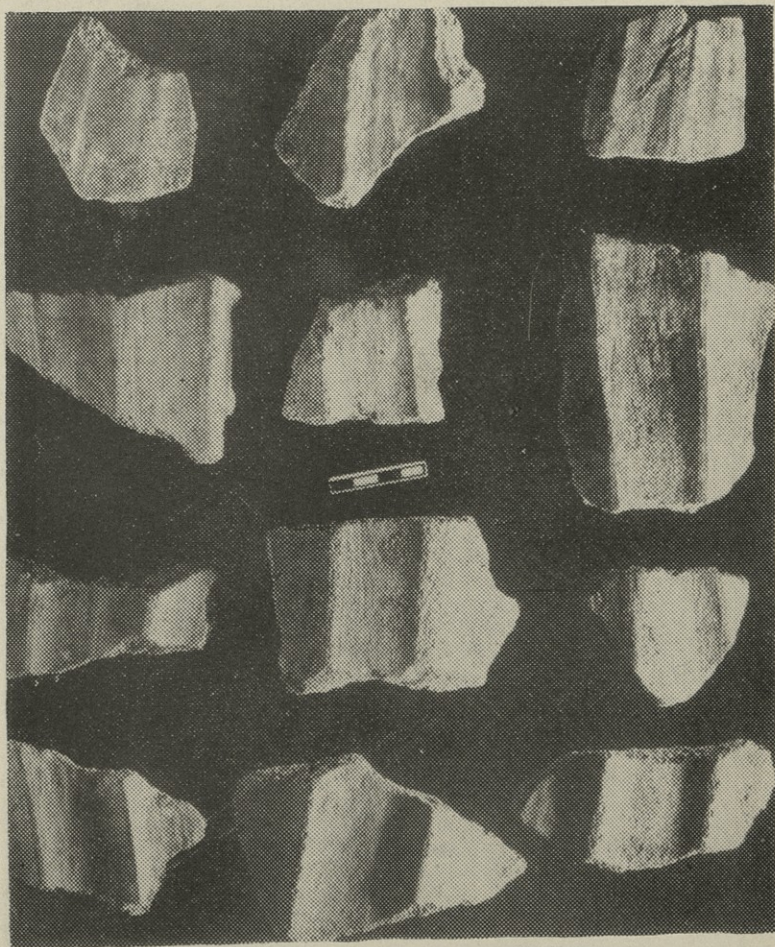

Рис. 15. Фрагменты сосудов с широкими каннелюрами
1 ряд—сверху ж/п мастерская „Цецхлаури 1“
2 ряд — ж/п мастерская „Цецхлаури II“
3 ряд — ж/п мастерская „Легва 1/1“
4 ряд — нижний слой древнего поселения Цихисдзири

Рис. 16. ж/п печь „Аскана п/2“ (XI—X вв. до н. э.)

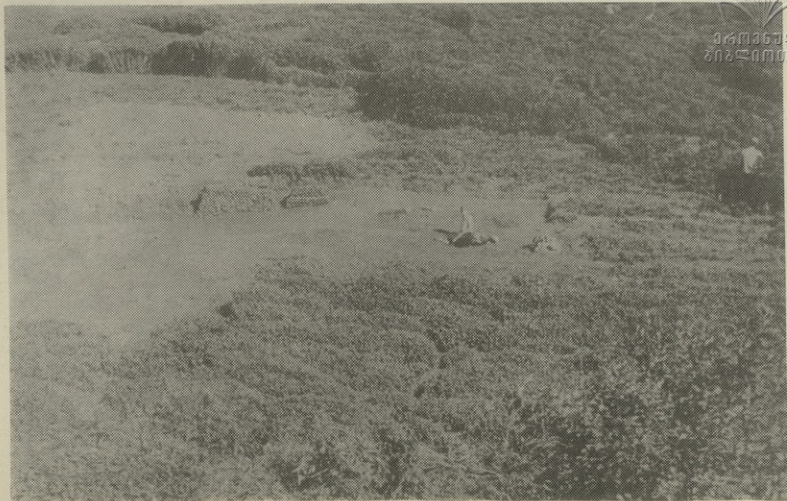

Рис. 17. ж/п. мастерская „Чога II“ (IX в. до н. э.)

Рис. 18. ж/п печь Аскана III/3^а (античный период)

III слоя Носирского поселения¹², нижний слой Сухумской горы¹³, IV участок городища Вани¹⁴ и т. д.) перекрыты раннеантичным слоем. Для уточнения абсолютного возраста памятников, содержащих гончарные сосуды, покрытые широкими каннелюрами, определенное значение имеют материалы Батумского древнего поселения на холме «Тамара» и группы дюнных стоянок в Чакви, Кобулету—Пичвнари и Уреки.

В материалах древних слоев Батумского поселения, которые относятся к VIII—VII вв. до н. э. (нижний слой) и первой половине VI в. до н. э. (II слой снизу, в котором широко представлен ранний ионийский импорт¹⁵), не встречаются сосуды с широкими каннелюрами. Что касается указанной группы дюнных поселений, особенно стоянок Пичвнари (Кобулету), датируемых VIII—VII вв. до н. э., и здесь такие сосуды встречаются редко¹⁶.

Таким образом, керамические сосуды с широкими каннелюрами почти не встречаются в слоях VII в. до н. э., и вероятно самым поздним периодом их бытования и «перерождения» является именно VIII в. до н. э. Но судя по некоторым

Лордкипанидзе, Д. Мухелишвили, Д. Хахутайшвили, Итоги археологических исследований Колхидской экспедиции. Полевые археологические исследования в 1973 г. (Краткие отчеты). Тб., 1974, с. 28—29.

¹² Д. Коридзе, Э. Гогодзе, Основные итоги работы Носирской археологической экспедиции в 1969 г. „Археологические экспедиции Государственного музея Грузии“, II, Тб., 1971, с. 31—48, табл. VIII, Ср. Д. Л. Коридзе, Э. М. Гогодзе, Г. И. Джавахишвили, Результаты работ Носирской археологической экспедиции в 1970—1971 годах. „Археологические экспедиции Государственного музея Грузии“, III, 1974, с. 67—70; Д. Л. Коридзе, Э. М. Гогодзе. Результаты работ Носирской экспедиции. „Археологические открытия 1969 года“, М., 1970, с. 360—361.

¹³ А. И. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954, с. 49 и сл., табл. V, XVI 4, 5; XVII 3—9.

¹⁴ «Вани I», Тб., 1972, с. 104—107.

¹⁵ А. Ю. Кахидзе, К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху (Кобулету—Пичвнари). Автореферат канд. дисс., Тб., 1965, с. 5—6, 13.

¹⁶ Ср. А. Рамишвили, К датировке Пичвнарских приморских стоянок. «Мацне» АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1974, № 2, стр. 106—107 (на груз. яз.).

данном, нижний слой цихисдзирского поселения, III слой поселения Намчедури и ж/п мастерские «Цецхлаури I» и «Цецхлаури II» относятся к более раннему периоду, когда гончарные сосуды с широкими каннелюрами пользовались повышенным спросом и производились в большом количестве.

Такой вывод подтверждается и другими данными. Определение абсолютного возраста радиоуглеродным методом показало, что нижний слой Цихисдзирского поселения, в котором широко представлены зооморфные ушки и фрагменты сосудов с широкими каннелюрами, относятся к началу IX в. до н. э. ($2830 \pm 60 = 880$ г. до н. э.)¹⁷.

С другой стороны хотя IV слой поселения Намчедури, по радиоуглеродному определению, относится к середине IX в. до н. э. (2795 ± 45 лет)¹⁸, но параметры элементов его древнего геомагнитного поля (53° накл. и -5° скл.) оказались почти одинаковыми с параметрами элементов древнего геомагнитного поля V слоя поселения Ховлегора (56° накл. и -16° скл.)¹⁹. Последний археологически датируется довольно убедительно XII—X вв. до н. э.²⁰. Следовательно, абсолютная дата IV слоя поселения Намчедури, предложенная радиоуглеродной лабораторией ТГУ, несколько занижена, по всей вероятности, из-за недостаточной стерильности образца (угля). Если учесть, что разница в параметрах элементов древнего геомагнитного поля поселений Намчедури IV, Ховлегора V, с одной стороны, и железоплавильной мастерской Цецхлаури I, с другой, составляет приблизительно 200 лет, то можно заключить, что

¹⁷ А. А. Семенов, П. М. Долуханов, Е. Н. Романова, Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968—1969 гг.), «Советская археология», 1972, № 3, с. 214 (ЛЕ—881).

¹⁸ А. А. Бурчуладзе, Л. Д. Гедеванишвили, С. В. Пагава, Г. И. Тогонидзе, И. В. Эристави, Д. В. Чалаташвили, Радиоуглеродное датирование образцов органического происхождения. «Сообщения» Академии наук ГССР, 80, № 1, 1975, с. 90.

¹⁹ Археологические эксперименты и вычисления были проведены геофизиками З. Челидзе и М. Квирикадзе.

²⁰ Д. Л. Мухелишвили, Раскопный археологический материал Ховлегора. II научная сессия Отдела источниковедения и исторической географии, Аннотация докладов, Тб., 1964, с. 5—8 (на груз. яз.).

IV слой поселения Намчедури относится к периоду не позднее конца XII и начала XI вв. до н. э. Следует отметить, что если в III слое поселения Намчедури сосуды с широкими каннелюрами представлены в большом количестве, то в материалах IV слоя Намчедури они встречаются сравнительно редко, а более древнем, V слое, отсутствуют полностью. На основе вышеизложенного можно заключить, что сосуды с широкими каннелюрами в южной части Колхидской долины появляются в XI в. до н. э. и окончательно «перерождаются»²¹ в VII в. до н. э.

Таким образом все данные указывают на то, что ж/п мастерские «Цецхлаури I», «Цецхлаури II», нижний слой поселения Цихисдзир и III слой поселения Намчедури относятся к IX в. до н. э.

По археомагнитным исследованиям, проведенным геофизиком З. А. Челидзе в 1971—1975 гг., все известные доантичные ж/п мастерские Колхиды относительно друг друга по возрасту расположились в следующем порядке: «Чарнали I/1», «Аскана II/2», «Аскана II/1», «Чарнали I/2», «Легва I/1», «Цецхлаури I», «Аскана IV», «Чога II», «Джиханджури I/1», «Джиханджури IV», «Цецхлаури II», «Джиханджури I/3», «Джиханджури I/2»²².

По значениям элементов древнего геомагнитного поля, группа некоторых ж/п мастерских «Чарнали» и «Легва» приблизительно на 100—150 лет старше, чем цецхлаурская группа мастерских. Следовательно, ж/п мастерские «Чарнали I/1», «Чарнали I/2» и «Легва I/1» можно датировать XI—X вв. до н. э. Следует отметить, что раскопки этих памятников выявили и фрагменты сосудов с широкими каннелюрами²³, которые, как было показано выше, бытовали с XI по VIII вв. до н. э.

²¹ Стилизованную передачу этого вида украшения поверхности сосудов мы видим на колхских пифосах последующего времени в виде вертикальных наклепных полосок.

²² З. А. Ч е л и д з е, Результаты археомагнитного исследования некоторых археологических объектов. См. настоящий сборник, с. 142—144.

²³ И. А. Г з е л и ш в и л и, Железоплавильное дело..., с. 45—51, табл. XI В 1, 3, 6.

По археомангнитным данным, к IX в. до н. э. относятся также ж/п мастерская «Джиханджури I/1», приблизительно этим же временем можно датировать «Джиханджури IV» и «Джиханджури I/3», а «Джиханджури I/2» — VIII в. до н. э.²⁴

Железоплавильные мастерские «Джиханджури II» и «Джиханджури III» не были изучены магнитным методом, но археологический материал, особенно стилизованные зооморфные ушки, выявленные в процессе раскопок этих мастерских²⁵, дает нам возможность датировать их VII—VI вв. до н. э.

Таким образом, самые ранние из раскопанных железоплавильных мастерских Чорохского и Чолокского очагов относятся к XI—X вв. до н. э., а самые поздние — VII—VI вв. до н. э. Не исключено, что одна часть нераскопанных мастерских окажется более ранней, а другая — более поздней.

Изучение Супса-Губазоульского железопроизводящего очага началось в 1974 г. Раскопанную в начале ж/п мастерскую «Аскана I» по археологическому материалу (фрагменты сосудов с широкими каннелюрами и т. д.) можно датировать X—IX вв. до н. э. К сожалению, ж/п печь данной мастерской сильно разрушена и образцы для магнитных исследований оказались нестабильными. То же самое можно сказать относительно ж/п мастерской «Аскана III/1», ж/п печь которой, как выяснилось, уничтожена в период посадки чайной плантации. К счастью и здесь археологический материал был представлен сравнительно широко (зооморфные ушки, фрагменты горшков и т. д.). Отсутствие сосудов с широкими каннелюрами и некоторое своеобразие отдельных зооморфных ушек дает нам основание ж/п мастерскую «Аскана III/1» датировать VII—VI вв. до н. э.

Учитывая археомангнитные данные (см. статью З. А. Челидзе), к XI—X вв. до н. э. относим ж/п мастерские «Аскана II/2» и «Аскана II/1», а к IX в. до н. э. «Аскана IV».

²⁴ См. З. А. Челидзе, Указ. раб., табл. I.

²⁵ И. А. Гзелишвили, Указ. раб., с. 41—44, табл. IX Б 1—5.

Ж/п мастерская «Аскана III/3», как указывалось выше, имеет другой конструкции печь и по облику гончарной продукции принадлежит к античному времени.

Как отмечалось выше, 3 железоплавильных мастерских были исследованы в бассейне Хоби—Очхомури, на территории с. Пирвели Чога (ж/п мастерская «Чога I», «Чога II» и «Чога III»). Все эти мастерские, раскопанные в 1972 г., принадлежат преантичному времени. Для более конкретной датировки данные были получены лишь с ж/п мастерской «Чога II», которая по археологическому материалу (зооморфный и коленообразный ушки глиняных горшков и т. д.) синхронна с IV слоем пос. Кулеви, расположенного близ устья р. Хоби. Указанный слой поселения Кулеви, как отмечалось выше, перекрыт слоем VII в. до н. э. и содержит фрагменты глиняных сосудов с широкими каннелюрами, горшков с зооморфным и коленообразным ушками и т. д. По этим данным и учитывая стратиграфическое положение слоя, Кулевское IV поселение, а заодно с ним и ж/п мастерскую «Чога II» можно датировать IX—VIII вв. до н. э. Некоторое уточнение предложенной даты возможно на основе археомагнитных данных, которые (наклонение 75,0°, склонение +3,5°) почти совпадают с археомагнитными данными ж/п мастерской «Цецхлаури I» (наклонение 75,0, склонение — 2,0)²⁶, датируемой началом IX в. до н. э.

Археологическое изучение производственных очагов колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии в настоящее время находится в начальной стадии. Из общего числа в несколько сот железоплавильных мастерских раскопано лишь 22 единицы, т. е. менее чем 10%. Нет сомнения, что дальнейшие изыскания в этом направлении восполнят наши знания об этом уникальном комплексе археологических памятников древнего Кавказа и Ближнего Востока.

²⁶ З. А. Челидзе, Результаты археомагнитного исследования некоторых археологических объектов, см. настоящий сборник, табл. I.

З. А. ЧЕЛИДЗЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОМАГНИТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

По методу двойных последовательных нагревов французского физика Е. Телье¹, с шагом 50°C, были исследованы 80 образцов кубической или цилиндрической формы *in situ*, ориентированных по магнитному меридиану. Образцы эти были взяты из тринадцати железоплавильных печей трех поселений и одной гончарной печи на территории Грузинской ССР.

Лабораторные измерения, проведенные М. В. Квирикадзе в магнитной лаборатории кафедры геофизики ТГУ, показывают, что указанные образцы удовлетворяют всем требованиям, предъявленным к археоманитным исследованиям.

Значения элементов магнитного поля Земли, полученные на основе обработки экспериментальных данных, даются в таблице 1.

Д. А. Хахутайшвили утверждает, что железоплавильные печи «Цецхлаури I», «Цецхлаури II», датируются IX в. до нашей эры, а возраст остальных объектов не выходит за хронологические рамки XII—VI вв. до н. э. (2). Эти соображения и построенная нами опорная кривая изменения наклона магнитного поля Земли за последние 2500 лет для территории Грузии (рис. 1) дают возможность уточнить даты последнего обжига остальных объектов. Погрешность датировки не более ± 50 лет.

¹ Е. Телье, О. Телье, Об интенсивности магнитного поля Земли в историческом и геологическом прошлом, «Известия» АН СССР, сер. геофизика, 9, 1959.

² Д. А. Хахутайшвили, К хронологии Колхидско-Халибского центра древнежелезной металлургии. См. настоящий сборник, с. 119—141.

Как видно из таблицы, наклонение магнитного поля Земли колеблется от $53^{\circ},0$ до $75^{\circ},0$; а склонение — от $-28^{\circ},0$

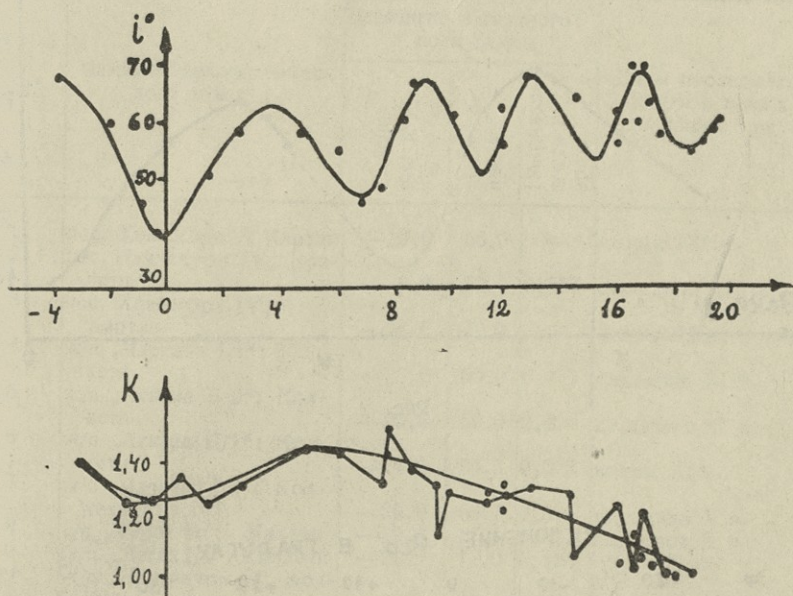

Рис. 1

до $+28^{\circ},0$. Из мировых археомагнитных данных для средних широт видно, что в среднем склонение меняется на один градус в течение пяти-шести лет, а наклонение в течение 10—15 лет. Все объекты, кроме Джиханджури 1/2, ложатся на одной ветви «синусоиды» наклонения (рис. 2). Вычисление даты последнего обжига производилось следующим образом: например, Цецхлаури 1 дает наклонение $i_{cp} = 75^{\circ},0$ и склонение $D = -2^{\circ},0$; Чарнали 1/1 — наклонение $i_{cp} = 60^{\circ},0$ и склонение $D = -28^{\circ},0$; т. е. разница в наклонении составляет $15^{\circ},0$, а в склонении $26^{\circ},0$ градусов. Это значит, что по наклонению разница в датах составляет $15 \times 12,5 \approx 187$ лет, а по склонению — $26 \times 6 = 156$ лет. В пределах погрешности эти вполне согласуемые результаты. Джиханджури 1/2 дает $i_{cp} = 63^{\circ},5$ и $D = +4^{\circ},0$; а Ховлегора IV — $i_{cp} = 62^{\circ},5$ и $D = -26^{\circ},0$. Поскольку разница в склонении составляет $30^{\circ},0$, а в наклонении всего $1^{\circ},0$, Джиханджури 1/2 нужно поместить на соседней ветви «синусоиды» наклонения (рис. 2) и датируется VIII в. до н.э.

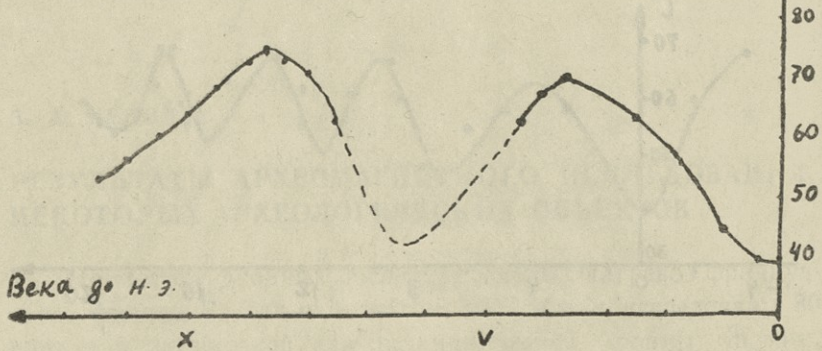

Рис. 2

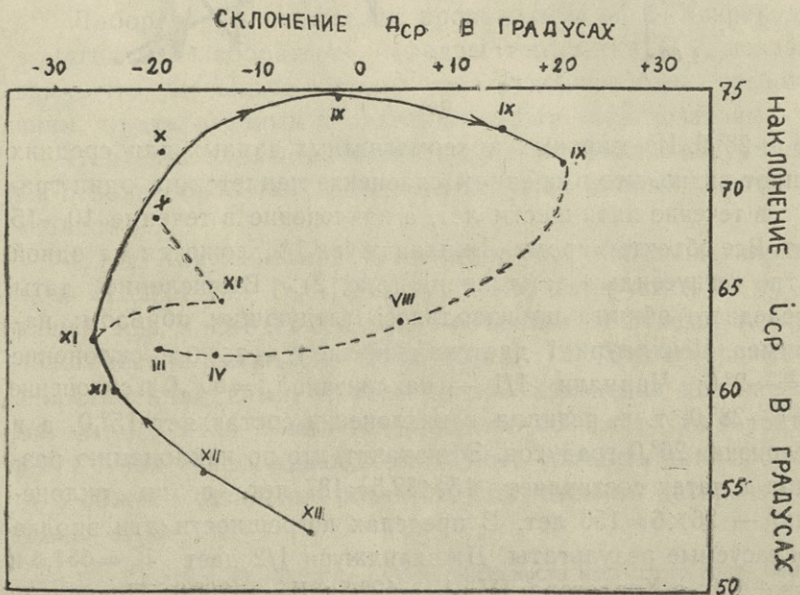

Рис. 3

№№	Название археологического объекта	Элементы магнитного поля Земли			Даты последнего обжига в веках до нашей эры
		Склонение δ^0	Наклонение ρ^0	Напряженность в эрст.	
1	пос. Ховлегора V; Картли	-16,0	56,0	—	конец XII в.
2	пос. Намчедури IV; Колхети	- 5,0	53,0	0,557	середина XII в.
3	пос. Ховлегора IV; Картли	-26,0	62,0	—	конец XI в.
4	ж/п „Чарнали I/1“; Колхети	-28,0	60,0	0,499	середина XI в.
5	ж/п „Аскана II/2“; Колхети	-20,0	60,0	0,494	середина XI в.
6	ж/п „Аскана II/1“; Колхети	-14,0	64,5	0,368	конец XI в.
7	ж/п „Чарнали I/2“; Колхети	-28,0	68,7	0,581	середина X в.
8	г/п „Хирса II“; Кахети	- 9,3	67,8	0,678	середина X в.
9	ж/п „Легва I/1“; Колхети	-20,0	72,0	0,426	конец X в.
10	ж/п „Цецхлаури I“; Колхети	-2,0	75,0	0,774	начало IX в.
11	ж/п „Чога II“; Колхети	+3,5	75,0	0,755	начало IX в.
12	ж/п „Аскана IV“; Колхети	-8,0	74,0	0,353	начало IX в.
13	ж/п „Джиханджури I/1“; Колхети	+8,0	72,8	0,750	середина IX в.
14	ж/п „Джиханджури IV“; Колхети	+20,0	72,8	0,668	середина IX в.
15	ж/п „Цецхлаури II“; Колхети	+10,0	71,5	0,484	конец IX в.
16	ж/п „Джиханджури 1/3“	+28,0	71,5	0,590	конец IX в.
17	ж/п „Джиханджури 1/2“	+4,0	63,5	0,474	середина VIII в.

пос. — поселение

ж/п — железоплавильная печь

г/п — гончарная печь

На рис. 3 дается приближенная кривая совместных изменений наклона и склонения, что представляет интерес как для геофизиков, так и для датирования ряда археологических объектов, относящихся к XII — VIII вв. до н. э. Следует отметить, что дальнейшие исследования уточнят вид этой кривой и дадут возможность сократить погрешность датировки до $\pm 10-25$ лет.

Н. В. ХАЗАРАДЗЕ

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ МОСХИЙСКИХ ГОР

(*Мосხიძე' სრე*)

«Горный хребет Тавр,... хребет огромный является зрителем бесчисленных народов... даже прерываясь и удаляясь от морей, он с обеих сторон получает от местных племен множество названий: с правой стороны он называется Гирканским, Каспийским, с левой — Париедром, Мосхийским, Амазонским, Коракским и Скифским» (Плиний младший, NH, 97).

Мосхийские горы, «зрители» истории племени мосхов, являются значительным ориентиром для этнической и политической географии мосхов. От локализации этих гор во многом зависит и интерпретация некоторых спорных вопросов древней истории Иберии, Колхиды и Армении, в частности вопросов политической истории этих стран на рубеже первых веков¹.

Все вышесказанное дало нам основание еще раз вернуться к вопросу о локализации Мосхийских гор, тем более, что в специальной научной литературе по этому вопросу высказано несколько отличающихся друг от друга точек зрения.

Вкратце история изучения вопроса такова: первый исследователь интересующей нас проблемы царевич Вахушти (XVIII в.) термином «Мосхийские горы» („მოსხის მთები“, „მოსხის მთა“) обозначал не один какой-нибудь конкретный орографический-

¹ С. Н. Джанашиа, Париадр, Скидис, Мосхийские горы (на груз. языке), «Труды», II, Тб., 1952, с. 261.

пункт, а целый ряд гор, часть которых — Девабоини, Ириджлу, Калну, Тортум, Гадо или Персати, Шипаклу, Испире — локализуется на крайнем юго-западе исторической Грузии, другая же — в районе Аджара-Гурийских гор.²

В 50-ых годах XX века вопрос локализации Мосхийских гор специально был изучен акад. С. Н. Джанашиа. На основе скрупулезного анализа античных источников (в основном сведений Страбона), автор пришел к выводу, что «1) Париадр, Скидис, Мосхийские горы являются частями одного и того же хребта — Восточно-Понтийского; 2) Мосхийские горы — часть, тянущаяся с нижнего течения Чорохи до района Трабзон (Трапезунд) — Байбурд, Скидис — часть, тянущаяся над Трабзоном и Гиресуном (Керасунт, древняя Фарнакия), Париадр — продолжение Скидиса с направлением на юго-запад, водораздельный хребет Келькит-чая и Кызыл-Ирмака (Ак-даг, Чамли-Бельдаг, Юлдус-даг, Текелу-даг)»³.

В научной литературе последующего периода встречается несколько вариантов локализации Мосхийских гор. Одни разделяют концепцию С. Н. Джанашиа⁴, другие Мосхийские горы отождествляют с Малым Кавказом⁵, третьи — с водораздельным хребтом Чорохи-Куры и Евфрата-Аракса⁶, четвертые считают, что локализация этих гор на месте Аджара-

² Вахушти, История Грузии, Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Кахчишвили, Тб., 1973, с. 658, прим. 2, 659, прим. I; 687, прим. I. См. также карту, составленную Вахушти: Институт рукописей им. К. Кекелидзе АН Грузинской ССР, фонд Н- 2079, № 3. Об интерпретации локализации Вахушти см. А. С. Хачанов, Древнейшие пределы расселения Грузии по Малой Азии, ЗКОИРГО, 6, с. 5; С. Н. Джанашиа, указ. соч., с. 262; П. Ингоркв, Георгий Мерчуле, Грузинский писатель X века, Тб., 1954, с. 484—485 и др. (на груз. яз.).

³ С. Н. Джанашиа, указ. соч., с. 269—270.

⁴ Н. Ю. Ломоури, Клавдий Птолемей «Географическое руководство», Известия о Грузии (на груз. яз.), Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 32, Тб., 1955, с. 50, 60—61.

⁵ ВДИ, № 4, 1947, с. 183; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тб., 1959, с. 104.

⁶ П. Ингоркв, указ. соч., с. 430 и сл.

Гурийских, предложенная царевичем Вахушти, наиболее точно передает их месторасположение⁷.

Сопоставление сведений Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.), Помпония Мелы (I в. н. э.), Плиния Секунда (I в. н. э.), Плутарха (I в. н. э.) и Клавдия Птолемея (I в. н. э.)⁸ показывает, что для локализации Московских гор наиболее существенными являются данные, засвидетельствованные в сочинениях Страбона и Клавдия Птолемея.

Анализ сведений Страбона привел нас к выводу, что термином «Мосхийские горы» обозначаются, в одном случае, горы, находящиеся на южной границе Колхиды, и в другом — составляющие (во времена Страбона) часть границы Иберии и Армении.

Так, в XI книге «Географии» Страбон сообщает, что «За гениохами находится Колхида, лежащая у подошвы Кавказских и Московских гор»⁹. Эту же мысль повторяет Страбон и ниже, в XII книге, где он говорит: «Над Трапезунтом и Фарнакией расположены Тибарены, Халдеи, Санны, которые прежде назывались Макронами и Малая Армения»; и там же: «Эти области пересекает весьма скалистая гора Скидис, соединяющаяся с Московскими горами, что над Колхидой»¹⁰.

Нет сомнений, что в указанных отрывках Московские горы представлены в качестве южной границы Колхиды. Для уточнения же месторасположения этих пограничных гор необходимо учесть сведения Страбона о южных, непосредственно соседствующих с Колхидой областях. По данным «Географии», вдоль Черноморского побережья Колхида примыкала к Трапезусии и Трапезунту. Так, из той же XI книги узнаем, что «За Диоскуриадой следует остальное побережье

⁷ Т. К. Микеладзе, Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья (Диссерт. на соискание уч. степени докт. историч. наук, на груз. яз), Тб., 1969 (на правах рукописи).

⁸ Н. В. Хазарадзе, К вопросу о локализации Московских гор (Мосхийская *Орп.) Всесоюзная научная конференция. Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья, Тб., 1975, с. 23.

⁹ Strabo, XI, 2, I; Страбон, География в 17 книгах, 1964, Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского, с. 468.

¹⁰ Strabo, XII, 3, 18; Страбон, с. 515.

Колхиды и прилегающее к ней после значительного изгиба побережье Трапезунта»¹¹. Ниже, в XII книге говорится о том, что «недалеко от Гермонасы находится Трапезунт и затем Колхида»¹². Обращает на себя внимание и следующая фраза: «... области около Фарнакии и Трапезусии, вплоть до Колхиды»¹³.

Итак, вышеприведенные данные говорят о том, что Московские горы, составляющие, по мнению Страбона, южную границу Колхиды, должны были находиться севернее Трапезунта—Трапезусии, в районе крайне западных хребтов Малого Кавказа.

В пользу такой локализации интересующих нас гор, кроме вышеприведенных данных, говорит и следующее: как мы увидели выше, в представлении Страбона «Скидис, скалистая гора» соединялась с Московскими. По сообщению Страбона, вершины Скидиса занимали гептакометы, «семисельники»¹⁴, скифины, упоминаемые еще Ксенофонтом (IV в. до н. э.) и локализуемые в свете весьма подробных сведений «Анабасиса» Ксенофонта западнее р. Чорохи, в Восточно-понтийских горах¹⁵, непосредственно примыкающих с юга к крайне западному хребту Малого Кавказа, именуемого Страбоном, по видимому, «Москхийскими горами».

Кроме вышесказанного заслуживает внимания, что целый ряд достоверных авторов античности (к примеру Псевдо-Скилак, Аполлоний Родосский¹⁶ и др.), как правило, самым

¹¹ Strabo, XI, 2, 14; Страбон, с. 471.

¹² Strabo, XII, 3, 17; Страбон, с. 515.

¹³ Strabo, XII, 3, 13; Страбон, с. 513.

¹⁴ Strabo, XII, 3, 18; Страбон, с. 515.

¹⁵ Хено, Анаб. VI, 7, 18—20. См. также И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I (на груз. яз.), 1960, с. 26; Т. К. Микеладзе, К истории древнейшего населения юго-восточного Причерноморья (Скифины) (на груз. яз.), «Вестник» АН Груз. ССР, т. XIX, 5, 1957, с. 633 и сл.; его же «Анабасис» Ксенофонта, Тб., 1967, с. 130—132 и др.

¹⁶ Ps. Scyl, Peripl. 81—88; Apoll. Rhod., Arg., II, 373—387; 392 и др. Ср. Herodotus, III, 94, 97; См. также Г. А. Меликишвили, указ. соч., с. 297; Н. Ю. Ломоури, К вопросу о наименовании лазов, «Мацне», № 5, 1964, с. 71 и сл.

южным пунктом Колхиды считают район устья р. Чорохи, в территориальной близости которого с интересующими нас горами трудно усомниться.

Как мы уже отметили выше, одно сообщение того же Страбона дает нам основание предположить, что Мосхийскими греческий географ называет и те горы, которые на рубеже первых веков составляли часть границы Иберии и Армении. По свидетельству Страбона, Иберия и Армения отделены друг от друга не Араксом, как это предполагал Аполлодор, а скорее рекой Киром (т. е. Курой) и Мосхийскими горами¹⁷. Еще С. Н. Джанашиа, вполне справедливо, заметил, что в интересующем нас контексте Мосхийские горы не могут быть локализованы севернее течения Куры¹⁸, т. к. Страбон сам же говорит, что самая большая из рек Иберии, Кир «берет начало в Армении и, тотчас вступая в (иберийскую — Н. Х.) равнину, принимает Араг (текущий с Кавказа) и другие притоки...»¹⁹.

Немаловажно и то обстоятельство, что мы не располагаем ни одним сообщением, в свете которого можно было бы предположить, что истоки Куры находились в Мосхийских горах. Известно, что Плутарх истоки Куры выводит из Иберийских гор²⁰, Помпоний Мела — из Кораксийских²¹, Плиний младший — из Гениохских, которые по его же замечанию называются также и Кораксийскими²² и т. д.

Все вышесказанное говорит о том, что Мосхийские горы, упоминаемые Страбоном вместе с Курой (гесп. Киром), правильнее всего искать юго-западнее истоков Куры, в районе водораздельных хребтов Куры-Чорохи и Чорохи-Евфрата. Такая локализация Мосхийских гор вполне согласуется и с другими сведениями Страбона. В частности, с сообщениями о пунктах и областях, которые, по свидетельству греческого географа, во II в. до н. э. Артаксием и Зариадрием были

¹⁷ Strabo, I, 3, 321; Страбон, с. 68.

¹⁸ С. Н. Джанашиа, К политической географии Иберского (Картлийского) царства в древнейший период, «Труды» II, с. 254 и сл.

¹⁹ Strabo, XI, 3, 2; Страбон, с. 474.

²⁰ Plut., Pomp., XXXIV.

²¹ Pomp. Mel., Chorographia, III, 41.

²² Plin., NH, VI, 39.

присоединены к Армении. Страбон говорит: «Далее рассказывают, что Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия;... они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов — предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и мосинеков — Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов — Акилисену и область вокруг Антиавра; наконец у сирийцев — Таронитиду»²³ и т. д. В данном случае, заслуживает внимание то обстоятельство, что отнятые у халибов и мосиников Каренитида и Ксерксена, так же как и отнятая у иберов Хорзена, на основе античных и средневековых письменных источников, с учетом огромного топонимического материала, рядом ученых локализируются между истоками Евфрата и Апсара—Чорохи, в районе Эрзерума, у южных склонов водораздельных хребтов Чорохи—Евфрата и Чорохи—Куры²⁴, на месте которых и предполагается локализация Мосхийских гор.

Клавдий Птолемей подтверждает и уточняет сведения Страбона о южно-мосхийских горах. Во-первых, из описания Клавдия Птолемея явствует, что интересующие нас горы следует искать севернее верховьев р. Евфрат, точнее севернее того места, где Евфрат, по словам географа, «в последний раз поворачивает на Восток»²⁵ (район юго-восточнее совр. Байбурда). Такая локализация Мосхийских гор подтверждается и другим не менее интересным сообщением Клавдия Птолемея. Географ говорит: «Области Армении в части, заключающейся между реками Евфратом, Киrom и Араксом, суть следующие: у мосхийских гор Котарзенкая, выше так назы-

²³ Strabo, XI, 14, 5; Страбон, с. 498.

²⁴ С. Н. Джанашиа, Труды, II, с. 90 и сл.; Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, с. 52 и сл.; Гр. Капанцян, Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956. с. 67 и сл.; П. Ингорюк, указ. соч., с. 433, 516; ВДИ, № 4, 1947, с. 232, и др. Ср. Г. А. Меликишвили, указ. соч., с. 87.

²⁵ Cl. Ptolem., V, VI, I.

ваемых бохов; вдоль реки Кира — Тосаренская и Тотенская; вдоль реки Аракса — Колтенская и ниже ее Содукенская»²⁶. Этот отрывок подкрепляет свидетельство предыдущего о том, что Мосхийские горы следует искать именно севернее верховьев Евфрата, т. к. из всего контекста хорошо видно, что бохи и Котарзена, расположенные у мосхийских гор, являются областями Армении, находящимися у Евфрата²⁷. На это же указывает и то замечание Клавдия Птолемея, согласно которому, бохи и бонхи были соседями Котарзенской области, что у мосхийских гор. Дело в том, что по сообщению Стефана Византийского, Ассиний Квадрат, римский историк II—III вв. н. э., бохов, бонхов, племя Карина — Каренитиса, помещал между Евфратом и Курой²⁸.

Не менее важно для интересующего нас вопроса и следующее: При описании Великой Армении и Понтийской Каппадокии Клавдий Птолемей неоднократно указывает, что Мосхийские горы составляют границу Великой Армении и Понтийской Каппадокии²⁹. Исходя из этого, особый интерес представляют пункты, локализуемые географом на востоке Понтийской Каппадокии. Как выясняется, это, в основном, реки: Апсар (совр. Чорохи), Лик (совр. Тортум) и Главк (совр. Олту-Чай)³⁰. Об этих реках в «Географическом руководстве» сказано следующее: Апсар от верховьев почти до устья течет по территории Понтийской Каппадокии. В пределах этой же страны берет начало и Лик, впадающий вместе с Главком в Апсар³¹.

Таким образом, в свете этих новых координатов Мосхийские горы следует искать южнее и юго-восточнее верховьев Апсара — Лика (Чорохи-Тортума) (верховья же Олту-Чая, по-видимому, находились в интересующих нас горах).

²⁶ Cl. Ptolem., V, XII, 9.

²⁷ П. Ингорюк, указ. соч., с. 428 и сл.

²⁸ St. Byz., s. Bóyxai; RE, III, 1, V, Stuttgart, 1897, s. Bochai; Bonchai.

²⁹ Cl. Ptolem., V, VI, 6.

³⁰ Cl. Ptolem., V, VI, 6; См. также Н. Ю. Ломоури, Клавдий Птолемей, с. 51, прим. 15, 16.

³¹ Cl. Ptolem. V, VI, 6.

Все вышесказанное говорит о том, что Мосхийские горы, по данным Клавдия Птолея, находились севернее верхнего Евфрата, южнее и юго-восточнее истоков Чорохи—Тортума, т. е. на месте водораздельных хребтов Чорохи—Евфрата и Чорохи—Куры.

Как выясняется, сообщения Клавдия Птолея отвечают на все требования «Географии» Страбона о местонахождении мосхийских гор: они расположены севернее Аракса (старой границы Иберии, засвидетельствованной Аполлодором) и с юго-запада непосредственно примыкают к району верховьев Куры.

Итак, мы попытались показать, что существует ряд заслуживающих внимания сведений, говорящих в пользу предположения о существовании как северо-мосхийских, так и южно-мосхийских гор.

В заключение остается найти причину этого не столь уж нередкого явления. Так как трудно усомниться в генетической связи наименования интересующих нас гор с именем племени мосхов, это явление, по-видимому, следует объяснить постепенным передвижением мосхов с юга на север и северо-восток, тем более, что в античных и византийских источниках VI в. до н. э. — VI в. н. э. (от Гекатея Милетского до Прокопия Кессарийского) довольно хорошо прослеживается история постепенного перемещения центров расселения мосхов с районов северо-восточной Малой Азии по направлению к исторической юго-западной Грузии³².

³² В свете вышесказанного видно, что из всех вышеотмеченных вариантов локализации Мосхийских гор требованиям первоисточников о местонахождении этих последних наиболее правильно отвечает вариант, засвидетельствованный в сочинении царевича Вахушти, при обязательном условии внесения ряда корректив в локализацию одной части гор (в частности, Девабоини, Шипаклу, Тортом), отождествляемых географом с Мосхийскими. К сожалению, все еще не удается определить первоисточники грузинского географа по данному вопросу, хотя упоминание им в связи с мосхийскими горами «древних географов» („ძველი დეორაფოსები“), использование греческой формы, наименования интересующих нас гор („მოსხის მთანი“, „მოსხის მთა“) наряду с грузинской („მოსხის მთანი“), а также неоднократные ссылки на Плиния младшего, Сократа и Цицерона красноречиво говорят об его осведомленности и знании в области античной литературы. (Вахушти, указ. соч., т. 1, 2, 3, 12).

მერი ინაძე

ბერძნული კოლონიზაციის საკითხები უახლეს საგეოგრაფიულ და უცხოურ ისტორიოგრაფიაში

ამ ბოლო ხანებში ბერძნული კოლონიზაციის პრობლემის კვლევაში მნიშვნელოვანი გარდატეხა მოხდა, რაც გამოიწვია უკანასკნელი ოცი წლის მანძილზე ხმელთაშუაზღვისპირეთსა და შავიზღვისპირეთში ფართოდ გაშლილმა არქეოლოგიურმა კვლევა-ძიებამ. არქეოლოგიურმა აღმოჩენებმა ეგვიპტესა და სირიაში, სიცილიასა და ჩრდილოეთ იტალიაში, სამხრეთ საფრანგეთსა და ესპანეთში, რუმინეთსა და ბულგარეთში, დაბოლოს სამხრეთ რუსეთსა და დასავლეთ საქართველოში, ახალი არქეოლოგიური მასალის არაჩვეულებრივმა ზრდამ, საბჭოთა და უცხოელ მკვლევართა წინაშე დააყენა ამოცანა ხელახლა გადაესინჯათ და ახლებურად გაეაზრებინათ ბერძნული კოლონიზაციის პრობლემის წრეში შემავალი არა-ერთი მეთოდოლოგიური და კონკრეტული ხასიათის საკითხი. დღეს ბერძნული კოლონიზაციის პრობლემის დამუშავებას უდიდესი ყურადღება ეთმობა როგორც ჩვენში, ასევე განსაკუთრებით უცხოეთში. ამის მაჩვენებელია, თუნდაც ის ფაქტი, რომ 1962 წელს საფრანგეთში ჩატარებულ მეორე საერთაშორისო კონფერენციაზე, რომელიც ეკონომიური ისტორიის საკითხებს შეეხო, პირველი და ძირითადი მოხსენება (ე. ვილისა) ბერძნული კოლონიზაციის პრობლემას და მის ახლებურ გააზრებას მიეძღვნა¹. ამასვე მოწმობს ყოველწლიური კონგრესები, რომლებიც იტალიაში იმართება და ეძღვნება საფრანგეთის, სიცილიის, შუა იტალიისა და ესპანეთის გათხრების მასალების განზოგადებას, დაბოლოს ამის მაუწყებელია ის უამრავი წერილი და მონოგრაფია, რომლებიც ეს ორი ათეული წელია, რაც გამოდის ამერიკის შეერთებულ

¹ Deuxième conférence internationale d'histoire économique, vol. 1, Commerce et Politique dans l'antiquité, Paris, 1965.

შტატებში, საფრანგეთში, ინგლისსა და იტალიაში, ასევე რუმინეთსა და ბულგარეთში.

ბერძნული კოლონიზაციის პრობლემის ზოგადთეორიულ ასპექტში კვლევას, ისევე როგორც ცალკეული კონკრეტული საკითხის შესწავლას ყურადღება ეთმობა უახლეს საბჭოურ ისტორიოგრაფიაშიც. ამ მხრივ განსაკუთრებულ ინტერესს იმსახურებს ის დისკუსია², რომელიც ჟურნალ «Вестник древней истории»-სა და «Советская археология»-ს ფურცლებზე გაიშალა 1968—1969 წლებში ვ. ვ. ლაპინის მონოგრაფიის გამოსვლის გამო (Греческая колонизация северного Причерноморья, Киев, 1966).

იმ დიდი ინტერესის შედეგად, რომელიც მსოფლიოში შეინიშნება ბერძნული კოლონიზაციის შესწავლასთან დაკავშირებით, დღეს უკვე ბევრი რამ გაკეთდა. გამომუშავებულია ახალი მიდგომა აღნიშნული პრობლემისადმი, რომელსაც პრინციპული კორექტივი შეაქვს ბერძნული კოლონიზაციის შესახებ არსებულ თეორიაში, მოცემულია ახალი მყარი მეთოდოლოგიური დებულებები, რომელთა გათვალისწინების გარეშე დღეს ჩვენ წარმოუდგენლად გვეჩვენება კოლხეთის სანაპიროს ბერძნული კოლონიზაციის საკითხის წარმატებით კვლევა.

ჩვენს ყურადღებას შევაჩერებთ დასახელებული პრობლემის ზოგიერთ არსებით მხარეზე.

ერთ-ერთი უმთავრესი საკითხი, რომლის კვლევა-ძიებაში მნიშვნელოვანი წინსვლა შეინიშნება როგორც საბჭოურ, ასევე უცხოურ ისტორიოგრაფიაში, ეს არის საკითხი დიდი ბერძნული კოლონიზაციის ხასიათისა და გამომწვევი ფაქტორების შესახებ. უკანასკნელ ხანებამდე (50-იან წლებამდე) სპეციალურ ლიტერატურაში ეს საკითხი განიხილებოდა თითქმის მხოლოდ ეპიგრაფიკული და წერილობითი წყაროების საფუძველზე, ამასთან ძალზე სქემატურად. არსებობდა ორი ძირითადი, ერთმანეთის საწინააღმდეგო კონცეფცია. მკვლევართა ერთი ნაწილი, რომელიც საბერძნეთისა და მცირე აზიის ქალაქებში საზოგადოებათა განვითარების არსებით მამოძრავებელ ფაქტორად მიიჩნეოდა ვაჭრობას, წამ-

² А. И. Тереножкин, «В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья», СА, 1968, №4, с. 290-297; Ю. Н. Захарук, «В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья», СА, 1968, №4, с. 287—290; Д. Б. Шелов, И. Б. Брашинский, «В. В. Лапин, Греч. кол. Сев. Прич.», ВДИ, 1969, №3, с. 161—171.

ყვან როლს კოლონიზაციის პროცესში სავაჭრო ექსპანსიის მიყუთა ვენებდა, შესაბამისად ამისა ბერძენთა მიერ დაარსებულ ყველა ახალ-შენს განიხილავდა უმთავრესად როგორც სავაჭრო ცენტრებს³. მეორე ნაწილი კოლონიზაციის მიზეზებს ეძებდა საბერძნეთის ქალაქებში მიმდინარე აგრარულ კრიზისში (მიწის სიმცირე, მოქალაქეთა ნაწილის უმიწოდ დარჩენა და სხვ), ამიტომ ყველა ახალშენს, უპირველეს ყოვლისა, აგრარულ დანიშნულებას მიაწერდა, მათში სამიწათმოქმედო დასახლებებს ხედავდა⁴.

ახალ არქეოლოგიურ აღმოჩენებთან დაკავშირებით კონკრეტული მასალის დაგროვებამ და ამ დარგში კვლევა-ძიების გაღრმავებამ ზემოთ მოტანილ ორ კონცეფციის დაუპირისპირა შეხედულება, რომლის თანახმად, კოლონიზაციის მიზეზები და ხასიათი მრავალმხრივი შეიძლებოდა ყოფილიყო. ეს შეხედულება შემდეგნაირად შეიძლება ჩამოყალიბდეს. ბერძნული კოლონიზაციის პროცესი, ისევე როგორც ყველა ისტორიული პროცესი, რთულია, ხოლო მისი განვითარების გზები და ფორმები მრავალმხრივი. კოლონიზაცია გაპირობებული იყო ბერძნული ქალაქების საზოგადოების სხვადასხვა სფეროში მომხდარი ძვრებით და ურთიერთდაპირისპირებით. ამიტომ სტიმული გადასახლებისა, მისი მიზეზები განსხვავებული შეიძლებოდა ყოფილიყო. ამასთან სავსებით შესაძლებელია, რომ ამა თუ იმ შემთხვევაში ერთდროულად ზეგავლენას ახდენდა რამდენიმე მამოძრავებელი ფაქტორი, მათი ერთობლიობა. როგორც გვიჩვენა შესაბამისი მასალის კვლევამ, მიწისმოქმედების, ხელოსნობისა და ვაჭრობის ხვედრითი წონა შავიზღვისპირეთისა და ხმელთაშუაზღვისპირეთში დაარსებულ ახალშენებში არ იყო ერთნაირი. ამასთან სხვადასხვა ცენტრში თავდაპირველად სჭარბობდა ესა თუ ის სამეურნეო საქმიანობა.

თვალსაზრისი კოლონიზაციის პროცესში რამდენიმე მამოძრავებელი ფაქტორის ერთდროულად მოქმედების შესახებ შეინიშნება ჯერ კიდევ 1953 წელს კ. მ. კოლოზოვას მიერ გამოქვეყნებულ ნაშრომში «Из истории раннегреческого общества (О. Родос IX—VII вв.

³ Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, 1893, Stuttgart, გვ. 433, 440.

⁴ K. I. Beloch, Griechische Geschichte, I, Strassburg, 1912, გვ. 230—231. J. Hasebroeck, Staat und Handel in alten Griechenland, Tübingen, 1928 გვ. 114.

до н. э.)», ასევე ვ. დ. ბლავატსკის ამავე წელს გამოსულ მონოგრაფიაში «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья», М., 1953; ხოლო საბოლოოდ ჩამოყალიბებულ სახეს იღებს ნ. ი. სოკოლსკისა და დ. ბ. შელოვის წერილში «Историческая роль античных государств Северного Причерноморья» (сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья», М., 1959 г.)⁵.

საკითხისადმი ასეთი მიდგომა, ბერძნული კოლონიზაციის ღრმა მეცნიერული გააზრება, როგორც რთული, მრავალმხრივი პროცესისა, წარმოდგენილია უახლეს უცხოურ ლიტერატურაშიც ნ. ჰემონდის⁶, ვ. ბოტსფორდისა და ჯ. რობინზონის⁷, განსაკუთრებით კი ჟან ბერარდის ნაშრომებში. კერძოდ, 1960 წელს გამოცემულ მონოგრაფიაში ჟ. ბერარდი წერდა: „თუმცა ბერძნული კოლონიზაცია, რომელიც სამი საუკუნის მანძილზე გრძელდებოდა, წარმოადგენდა ერთიან პროცესს, მისი ხასიათი და პირობები ამ ხნის განმავლობაში ძირფესვიანად იცვლებოდა. იცვლებოდა ემიგრაციის მიზეზები და ცენტრები, კოლონიების ხასიათი და მათი ურთიერთდამოკიდებულება მეტროპოლიებთან, ასევე იმ ადგილობრივ მოსახლეობასთან, რომლის ტერიტორიაზედაც ისინი არსებობდნენ“⁸.

აღსანიშნავია ის გარემოება, რომ, მართალია, თანამედროვე ისტორიოგრაფიაში უკვე გამომუშავდა მეთოდოლოგიურად გამართული შეხედულება ბერძნული კოლონიზაციის ხასიათის შესახებ, მიუხედავად ამისა, ზოგიერთი მკვლევარი (მათ შორის ისეთი ცნობილი მეცნიერები, როგორც არიან ვ. ერენბერგი, ა. გრაჰამი და სხვანი) ამ თვალსაზრისს მაინცდამაინც არ იზიარებენ და დიდ ბერძნულ კოლონიზაციაში უმთავრესად არჩევენ აგრარული ხასიათის მოძრაობას, გადასახლებას მიწისათვის, ხოლო ვაჭრობას ახალშენთა აღმოცენების პროცესში არავითარ როლს არ მიაკუთვნებენ. მაგალითად, 1960 წელს გამოსულ ნაშრომში „Polis and Imperium“

⁵ იხ. ასევე Ch. Danov, Pontos Euxeinos, Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Supplement IX, 1962, გვ. 1067 შემდ. და რეცენზია: И. Б. Брашинский, Рецензия на статью Хр. Данова «Pontos Euxeinos», ВДИ, 1964, №3, გვ. 198 და შემდ.

⁶ N. Hammond, A History of Greece to 322 B. C., Oxford, 1959.

⁷ G. W. Botsford and Jr. Ch. Al. Robinson, Hellenic History, New York, IV ed.

⁸ Jean Bérard, L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques, Paris, 1960, გვ. 60.

ვ. ერენბერგი წერდა: „როგორც შავი ზღვის სანაპიროებზე დასავლეთის კოლონიზაციას შედეგად მოსდევდა არა ფაქტობრივად და ემპირიონების დაარსება, არამედ ქალაქებისა და ქალაქ-სახელმწიფოებისა (πόλις), რომელნიც აგრარულ ბაზაზე იყვნენ აგებულინი“⁹.

ანალოგიურ აზრს ავითარებს ამერიკელი მკვლევარი ა. გრაჰამი თავის საკმაოდ საფუძვლიან ნაშრომში «Colony and Mothercity in ancient Greece», რომელიც 1964 წელს გამოიცა. იგი წერს: „საჭიროა, აღინიშნოს, რომ ბერძნული ახალშენების დიდი ნაწილი დაარსებული იყო იმისათვის, რათა ყოფილიყო თვითკმარი ბერძნული პოლისი, საკმარისი მიწით თავისი მოსახლეობის გამოსაკვებად, ამიტომ არ არის სწორი ბერძნული პოლისების ურთიერთობა მეტროპოლიასთან განისაზღვროს სავაჭრო მიზნებით“¹⁰.

აგრარული კოლონიზაციის კონცეფციას თავის მიმდევრები ჰყავს თანამედროვე საბჭოურ ისტორიოგრაფიაშიც. ამ კონცეფციის მომხრეებად გამოდიან ი. ვ. დომანსკი, რომელიც თანმიმდევრულად, ზომიერ ფორმებში ავითარებს ამ თვალსაზრისს ჩრდილო შავი-ზღვისპირეთის არქეოლოგიურ მონაცემებზე დაყრდნობით და ვ. ვ. ლაპინი იმავე სანაპიროზე მოპოვებული არქეოლოგიური მასალის არასწორი ინტერპრეტაციის საფუძველზე.

კოლონიზაციის მთავარი მიზეზი, ი. ვ. დომანსკის მიხედვით უნდა ვეძიოთ ბერძნულ ქალაქებში არსებულ ეკონომიურ ძვრებში, მაგრამ ეს ძვრები, მისი აზრით, შეეხო აგრარულ სფეროს. როგორც საკოლონიზაციო მოძრაობის დასაწყისში, ასევე მის დასასრულს აგრარულ ფაქტორს პირველხარისხოვანი მნიშვნელობა ჰქონდა. საგულისხმოა, რომ ი. ვ. დომანსკიმ სპეციალური ნაშრომი მიუძღვნა ბერძნული კოლონიზაციის მიზეზების გარკვევას, ჩამოყალიბებას¹¹, მაგრამ ვაჭრობასა და სავაჭრო ურთიერთობაზე ძველ სამყაროში მას სრულიად არ შეუჩერებია ყურადღება, რაც კარგად ახასიათებს მის კონცეფციას. იგი ვაჭრობასა და კოლონიზაციას განიხილავს როგორც ორ ერთმანეთისაგან განცალკევებულ პროცესს

⁹ V. Ehrenberg, Polis and Imperium, Stuttgart, 1965, გვ. 93.
¹⁰ A. J. Graham, Colony and Mother city in ancient Greece, Manchester, 1964, გვ. 118 და შემდ.
¹¹ Я. В. Доманский, О характере ранних миграционных движений в античном мире (Постановка вопроса в связи с проблемами греческой колонизации Северного Причерноморья). Археологический сборник, вып. 14, Л., 1972.

ორგანიზაციის საკუთარი ფორმებით და მთელი რიგი თავისებურებებით¹².

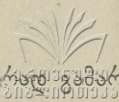
კიდევ უფრო შორს მიდის ვ. ლაპინი. იგი ცდილობს მთელი არქეოლოგიური მასალა, მოპოვებული ჩრდილო შავიზღვისპირეთში, აგრარული კოლონიზაციის კონცეფციას დაუქვემდებაროს და ყველა ადრინდელი დასახლება ჩრდილოეთ შავიზღვისპირეთში, ისეთებიც კი, რომელნიც ამჟამად გამოხატულ ემპირიონებს წარმოადგენენ (მაგალითად, ბერეზანი), აგრარული ტიპის სამოსახლოებად დაგვიხატოს.

კოლონიზაციის პროცესში ვაჭრობის ასეთი უგულვებლყოფა გამომდინარეობს ავტორის იმ რწმენიდან, რომ თითქოს ვაჭრობის როლის აღიარება ეწინააღმდეგება საზოგადოების განვითარების მარქსისტულ გაგებას, რომლის მიხედვით საზოგადოების ეკონომიურ საფუძველს შეადგენს წარმოება და არა ვაჭრობა (წარმოებიდან ვაჭრობისაკენ და არა პირიქით), მაგრამ, როგორც აღინიშნა ვ. ლაპინის ნაშრომზე დაწერილ რეცენზიებში, წარმოების პრიმატის აღიარება ვაჭრობაზე სრულიადაც არ უარყოფს ვაჭრობის როლს საზოგადოებრივ ცხოვრებაში, ისევე როგორც არ უარყოფს და პირიქით სავსებით დასაშვებად თვლის სავაჭრო ქალაქებისა და ხალხების არსებობასაც, რომელნიც საშუამავლო ვაჭრობას მიისდევდნენ (ასეთი ქალაქებისა და ხალხების არსებობაზე თვით მარქსი მიუთითებდა)¹³. ისე რომ, საკითხის დასმა ვაჭრობის როლისა და მნიშვნელობის შესახებ კოლონიზაციის პროცესში მარქსისტული მეთოდოლოგიის თვალსაზრისით სავსებით გამართლებულია.

ამრიგად, ერთია საკითხი, თუ რა წარმოადგენდა საზოგადოების ეკონომიკის საფუძველს — წარმოება თუ ვაჭრობა, მეორეა ვაჭრობის როლი კოლონიზაციაში. რასაკვირველია, ჩვენ უნდა განვასხვავოთ ვაჭრობა კოლონიზაციისაგან. ეს ორი სხვადასხვა პროცესია, მაგრამ ანტიკურ ხანაში ისინი მჭიდროდ ენასკვებათ ერთმანეთს და განაპირობებენ ურთიერთს. კოლონიზაციის განვითარება ხელს უწყობს სავაჭრო აღმავლობას, ვაჭრობის განვითარება კოლონიზაციას. ამიტომ ამ ორი მოვლენის ერთმანეთისაგან მოწყვეტილად განხილვა, ბერძნული კოლონიზაციის პროცესის კვლევისას

¹² Я. В. Доманский, Нижнее Побужье в VII-V вв. до н. э., Л., 1955. ამ თვალსაზრისს იზიარებდა და ემყარებოდა კოლხეთის სანაპიროს ბერძნული ახალშენების კვლევისას ოთ. ლორთქიფანიძე თავის ნაშრომში: „ანტიკური სამყარო და ძველი კოლხეთი“, თბ., 1966, გვ. 32.

¹³ К. Маркс, Капитал, III, кн. 3, М., 1954., с. 342.

ვაჭრობის როლის იგნორირება არ არის მეთოდოლოგიური გამოკვლევების ტიპობრივი¹⁴.

ამით აიხსნება ის გარემოება, რომ მკვლევართა დიდი ნაწილი დღეს ბერძნული ქალაქების საკოლონიზაციო საქმიანობის შესწავლისას დიდ ყურადღებას უთმობს ამ ქალაქებში ვაჭრობის განვითარებისა და მათი სავაჭრო ურთიერთობების კვლევა-ძიებას. მე მხედველობაში მაქვს როგორც საბჭოთა მკვლევარების ნაშრომები¹⁵, განსაკუთრებით ა. ა. ნეიპარდტის მიერ უკანასკნელ წლებში გამოქვეყნებული საინტერესო გამოკვლევა «Рабство в малоазийских торговых греческих городах»¹⁶, ასევე უცხოეთში ამერიკელი ჰეცნიერის კ. რობაკის ფუნდამენტური გამოკვლევა «The Ionian trade and colonisation», New York, 1959, რომელშიც სწორედ ამ ასპექტშია გააზრებული კოლონიზაციისა და ვაჭრობის საკითხები, აღმოსავლეთ ხმელთაშუაზღვისპირეთსა და შავიზღვისპირეთში უკანასკნელ წლებში მოპოვებული მრავალრიცხოვანი არქეოლოგიური მასალის გამოყენებით და გათვალისწინებით. ამ არქეოლოგიური ძეგლების შესწავლამ მკვლევართ (კ. რობაკს, ასევე ჯ. კუქს) შესაძლებლობა მისცა გადაესინჯათ და ახლებურად გაეშუქებინათ მცირე აზიის ქალაქების ეკონომიკის პრობლემები, მათი სავაჭრო-საკოლონიზაციო აღმავლობა და დაცემა. წარმოედგინათ ამ პროცესის ახალი პერიოდიზაცია¹⁷.

ვაჭრობის როლი მილეტისა და მცირე აზიის სხვა ცენტრების საკოლონიზაციო საქმიანობაში თვალნათლივ არის ნაჩვენები კარლ რობაკის სპეციალურ წერილშიც, რომელიც მიეძღვნა ეგვიპტესთან იონელთა ხორბლით ვაჭრობას (C. Roebuck, The Grain Trade between Greece and Egypt)¹⁸.

საბერძნეთის ქალაქების ეკონომიური განვითარების სურათის ღრმა მეცნიერულმა შესწავლამ კ. რობაკს საშუალება მისცა გამოეძებნა საშუალო ხაზი იმ ორ უკიდურეს თვალსაზრისს შორის, რომელიც სპეციალურ ლიტერატურაში არსებობდა ვაჭრობის როლის

¹⁴ შეადარე ოთ. ლორთქიფანიძე, ანტიკური სამყარო და ძველი კოლხეთი. გვ. 32.

¹⁵ М. М. Кобылина, Милет, М., 1965; К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества (О. Родос, IX-VII вв. до н. э.), Л., 1951, с. 167.

¹⁶ კრებულში: Рабство на периферии античного мира, Л., 1968.

¹⁷ I. M. Cook, The Greeks in Ionia and the East, London, 1962, გვ. 53.

¹⁸ «Classical Philology», XLV, October, 1950, გვ. 239, 240.

შეფასებასთან დაკავშირებით, ერთი მხრივ, გ. გლოტცის, მეორე მხრივ, ი. ხაზებროკისა და ნაწილობრივ ჰაიხელჰაიმის ნაშრომების გამოსვლის შემდეგ. პირველი საბერძნეთის ეკონომიკისა და ვაჭრობას განიხილავდა თანამედროვე თვალსაზრისით (ლაპარაკობდა მონობლიებსა და ვაჭრობის ჩაკეტილ ზონებზე). მეორენი ამტკიცებდნენ ვაჭრობის ძალზე სუსტ მნიშვნელობას არქაულ საბერძნეთში¹⁹.

კ. რობაკმა ყურადღება მიაქცია იმ გარემობას, რომ საკოლონიზაციო საქმიანობას შავიზღვისპირეთსა და ხმელთაშუაზღვისპირეთში სათავეში ედგნენ ის ქალაქ-სახელმწიფოები, რომელნიც წამყვან როლს თამაშობდნენ იმდროინდელ სავაჭრო ურთიერთობაში. ამასთან საგულისხმოა ისიც, რომ იონიის ქალაქები ფოკეა და მილეტი თავის საკოლონიზაციო აქტიურობას ავითარებენ სწორედ მაშინ, როდესაც მათი საქმიანობა სცილდება ადგილობრივ ვაჭრობის ჩარჩოებს და ფართო საერთაშორისო ეკონომიურ ურთიერთობათა ხასიათს იღებს. კ. რობაკის აზრით, მილეტის სავაჭრო საკოლონიზაციო აქტიურობის განსაკუთრებული გაფუჩჩქვანა იწყება მხოლოდ ძვ. წ. VII ს. უკანასკნელი მეოთხედიდან, მას შემდეგ, რაც იგი ხელთ ივდება კარიის სანაპიროსთან გამავალ მნიშვნელოვან საზღვაო გზას. ამაზე ადრინდელ ხანაში კი მილეტი შედარებით მცირე ქალაქია, რომლის ეკონომიკა დამყარებულია უფრო სოფლის მეურნეობაზე, ვიდრე ვაჭრობაზე.

ამრიგად, აშკარაა, რომ ეს ორი პროცესი — არაჩვეულებრივი სავაჭრო აღმავლობა და ფართო საკოლონიზაციო საქმიანობა მილეტში ერთმანეთს ემთხვევა და მჭიდროდ უკავშირდება.

იონიის ვაჭრობის მიმოხილვის შედეგად კ. რობაკი მივიდა დასკვნამდე, რომ იონიელთა აქტიურობა შავ ზღვაზე და ეგვიპტეში არ შეიძლება აიხსნას საკვების ძიების გარეშე. აშკარად ჩანს, რომ ძვ. წ. VII ს-ის დასასრულსა და VI ს-ის განმავლობაში იონია დიდი რაოდენობით იყენებდა ეგვიპტისა და შავიზღვისპირეთის ხორბალსა და სხვა ნედლეულს²⁰.

¹⁹ G. Glotz, *Le travail dans la Grèce ancienne*, *Histoire Economique de la Grèce*, Paris, 1920; I. Hasebrock, *Trade and Politics in Ancient Greece*, London, 1933; Fritz M. Heichelheim, *An ancient Economic History*, v II.

²⁰ C. Roebuck, *The Grain Trade between Greece and Egypt*, გვ. 239, 240.

შავი ზღვის ათვისება შედეგად მოჰყვა მოსახლეობის სიჭარბე და იმ სიძნელეებს, რაც გამოიწვია შევიწროებამ ლიდის მხრივ და კიმირიელთა თავდასხმებმა იონიაზე. ახალშენების დაარსება და ვაჭრობის განვითარება იყო პასუხი იმ საჭიროებაზე, რომელსაც დააკმაყოფილებდა საკვებისა და ნედლეულის იმპორტი იონიასა და ეგეოსზე.

კ. რობაკის აზრით, ბერძენთა დამკვიდრება შავ ზღვაზე მიწის ძიებასთან ერთად მიზნად ისახავდა ვაჭრობას, რადგან ბერძენები თავის სამოსახლოებს ხშირად საკმაოდ მჭიდროდ დასახლებულ მიწებზე აარსებდნენ. მისი აზრით, სავაჭრო მოტივები ძირითადი ფაქტორი ჩანს ახალშენების ადგილის შერჩევის დროს შავიზღვისპირეთში ძვ. წ. VI ს-ის მთელ სივრცეზე.

ამრიგად, კ. რობაკის ნაშრომში გატარებულია ის თვალსაზრისი, რომ იონიელები — მილეტი, ფოკეა, მართალია, მისწრაფოდნენ ნაყოფიერი მიწებისაკენ, განსაკუთრებით თავიანთი საკოლონიზაციო საქმიანობის ადრინდელ პერიოდში, მაგრამ შავი ზღვისა და დასავლეთ ხმელთაშუაზღვისპირეთის ათვისების დროს უპირატესობას ანიჭებდნენ იმ ადგილებს, რომელნიც თავისი მდებარეობის წყალობით ხელს შეუწყობდნენ უშუალო, პირდაპირი ურთაერთობა დაემყარებინათ ადგილობრივ მოსახლეობასთან და მონაწილეობა მიეღოთ მასთან ვაჭრობაში.

უნდა ითქვას, რომ ამ თვალსაზრისს მხარს უჭერს თანამედროვე საბჭოთა მკვლევარების დიდი ნაწილი. მაგალითად, ა. ნეიხარდტი ახლახან გამოსულ ნაშრომში შენიშნავს, რომ მილეტის ცხოვრებაში მისი ეკონომიკის აგრარული მხარე უთუოდ მნიშვნელოვან როლს თამაშობდა მხოლოდ მისი ისტორიის ადრინდელ პერიოდში, ხოლო შავი ზღვისაკენ მისი ენერგიული ლტოლვის ხანაში მილეტის ეკონომიკას საფუძვლად ედო მხოლოდ და მხოლოდ სავაჭრო-საწარმოო ინტერესები. მისი აზრით, სავაჭრო არისტოკრატია, რომელიც ამ დროს ხელთ იგდებს მილეტის საშუამავლო ვაჭრობას, კოლონიზაციას თავის ინტერესების შესაბამისად წარმართავს და მათ უქვემდებარებს. სწორედ ეს სავაჭრო წრეები გამოდიან შავი ზღვის სანაპიროების კოლონიზაციის ორგანიზატორებად, წამომწყებად და ხელმძღვანელებად, მოახალშენეთა ძირითად კონ-

ტინგენტს კი სხვა ქალაქ-სახელმწიფოების ქარბი მოსახლეობა ქმნის (მიწათმოქმედნი, ხელოსნები და სხვ.)²¹.

ამრიგად, შავიზღვისპირეთის კოლონიზაციის დროს ადგილი აქვს მილეტისა და სხვა ბერძნული ქალაქების მოახალშენეთა სამიწათმოქმედო, სახელოსნო და სავაჭრო ინტერესების შერწყმას.

აქვე მინდა შევეხო ბერძნული კოლონიზაციის პერიოდიზაციას და პონტოსთან სავაჭრო ურთიერთობის ეტაპების საკითხს. თანამედროვე მკვლევარნი უცხოეთში, განსაკუთრებით ის, ვინც მუშაობს ვაჭრობის საკითხებზე, საჭიროდ მიიჩნევენ ხელახლა გადასინჯოს შავიზღვისპირეთის ბერძნული კოლონიზაციის ქრონოლოგია. მათი მტკიცებით, მცირე აზიის ცენტრების მიერ შავიზღვისპირეთთან რეგულარული სავაჭრო ურთიერთობის დამყარება და აქ მუდმივი ახალშენების დაარსება მხოლოდ ძვ. წ. VII ს. უკანასკნელ მეოთხედშია სავარაუდებელი. ასეთი მოსაზრების გამოთქმისას ისინი გამოდიან ჯერ ერთი მცირე აზიის ქალაქების, კერძოდ მილეტის ეკონომიური განვითარებიდან. რომლის შესწავლამ დაამტკიცა, რომ VII ს. უკანასკნელ მეოთხედამდე მილეტის სავაჭრო და საკოლონიზაციო საქმიანობა არ ატარებდა ისე ფართო ხასიათს, როგორც შემდეგ (იგი არ ვრცელდებოდა შორეულ-მხარეებში და ძირითადად იფარგლებოდა ჰელესპონტით და პროპონტიდით). ამ მკვლევართა მეორე საბუთი არის ის, რომ შავიზღვისპირეთის ნაქაჩლაქარებზე არ აღმოჩენილა არქეოლოგიური მასალა (ძირითადად იგულისხმება კერამიკა), რომელიც ძვ. წ. VII ს. უკანასკნელ მეოთხედზე აღრინდელ ხანას განეკუთვნებოდა²².

ამგვარმა კვლევამ თავისთავად ეჭვის ქვეშ დააყენა ეგსებიოსის ქრონიკაში დაცული ცნობები, რომლის მიხედვით შავი ზღვის სანაპიროზე ახალშენების დაარსებას გაცილებით ადრე ვარაუდობენ²³. მოსაზრება შავი ზღვის სანაპიროზე ახალშენების გაყვანის შე-

²¹ A. A. Нейхардт, Рабство в малоазийских торговых греческих городах, გვ. 108—110.

²² შავი ზღვის კოლონიზაციის ქრონოლოგიის გადასინჯვას მხარი დაუჭირა ემ. კონდურაკიმ ისტრიაში მოპოვებული არქეოლოგიური მასალის საფუძველზე (Em. Condurachi, Les débuts de la cité pontique d'Histria á la lumière des dernières fouilles archéologiques, Griechische städte..., Berlin, 1961, გვ. 6, 7).

²³ ბორისთენე ძვ. წ. 647 წელს, ისტრია 656 წელს, ტრაპეზუნტი 756 წელს სინოპე როგორც ტრაპეზუნტის მეტროპოლია კიდევ უფრო ადრე (ძვ. წ. VIII ს. პირველ ნახევარში).

სახებ მხოლოდ ძვ. წ. VII ს. უკანასკნელი მეოთხედის დასაწყისში კვირველია; არ გამოიციხავს იმას, რომ მცირე აზიის ქალაქ-სახელმწიფოებს პონტოს სანაპიროებთან ადრეც ჰქონდათ არარეგულარული ურთიერთობა, რასაც თან სდევდა ცალკეულ შემთხვევაში დროებითი ფაქტორიების დაარსებაც.

კ. რობაკი არქეოლოგიური შესწავლის შედეგების საფუძველზე საერთოდ არჩევს შავიზღვისპირეთის კოლონიზაციის სამ ტალღას. ადრინდელი ტალღა მოდის VII ს. უკანასკნელ მეოთხედში, მეორე VI ს. პირველ ნახევარში, მესამე VI ს. მეორე ნახევარში. VI ს. შისი აზრით, იყო ევქსინზე ახალშენების განუწყვეტლად წარმოქმნა-განვითარების ხანა. ამასთან დადგენილია, რომ ქრონოლოგიური თვალსაზრისით შავიზღვისპირეთის კოლონიზაცია იყო ერთიანი პროცესი, იგი გარკვეულ ქრონოლოგიურ ჩარჩოებში მიმდინარეობდა, რომელიც მეტროპოლიაში არსებულ ვითარებას შეეფარდებოდა.

დადგენილია ისიც, რომ შავიზღვისპირეთის ეკონომიური ათვისება ხდებოდა არა მხოლოდ მცირე აზიის ერთი ქალაქის, მილეტის, მიერ, არამედ ერთობლივ, კომპლექსურად, რამდენიმე ბერძნული ცენტრის მონაწილეობით. კერძოდ, შავიზღვისპირეთთან რეგულარული, მჭიდრო ეკონომიური ურთიერთობის დამყარებაში აქტიურად მონაწილეობდა ქიოსი, რომელიც VII ს. მნიშვნელოვნად დაწინაურდა და თავისი სავაჭრო აქტიურობით თითქმის არ ჩამორჩებოდა მილეტს²⁴, აგრეთვე როდოსი, რომელიც ხელსაყრელი მდებარეობის წყალობით უმნიშვნელოვანესი გზების ჯვარედინზე უკვე VII ს-დან ფართო და შორეულ სავაჭრო ექსპენსიასა და კოლონიზაციას იწყებს (ახალშენებს აარსებს არა მხოლოდ აღმოსავლეთ ხმელთაშუაზღვისპირეთში, არამედ შორეულ ესპანეთსა და მასალიაში)²⁵.

ამგვარად დგას თანამედროვე ისტორიოგრაფიაში ვაჭრობის როლის საკითხი დიდ ბერძნულ კოლონიზაციაში. მაგრამ ბერძნული კოლონიზაციის მიზეზების განხილვისას გასათვალისწინებელია ერთი მნიშვნელოვანი გარემოებაც. ვაჭრობისა და ხელოსნობის უჩვეულო აღმავლობა-განვითარება, მოქალაქეთა ერთი ნაწილის უმიწოდ დარჩენა, ცხადია, წარმოადგენდნენ მნიშვნელოვან მამოძრავე-

²⁴ C. Roebuck, The Grain Trade between Greece and Egypt, გვ. 239, 240.

²⁵ La colonisation Grecque en Occident, 1970; F. Villard, La céramique grecque de Marseille, Paris, 1960.

ბელ ფაქტორებს, რომელნიც მეტად თუ ნაკლებად, ზოგჯერ ერთდროულად მოქმედებდნენ ამა თუ იმ ახალშენის გაყვანისას.

მაგრამ როგორც თანამედროვე ისტორიოგრაფიაშია შენიშნული, ეს იყო მაინც კოლონიზაციის კერძო, კონკრეტული მიზეზები. გარდა ზემოაღნიშნული ფაქტორებისა, დიდ ბერძნულ კოლონიზაციას საფუძვლად ედო საერთო, ზოგადი კანონზომიერებაც, რომელიც არსებით როლს თამაშობდა ანტიკურ საზოგადოებაში. კერძოდ, ცნობილი მკვლევარის ნ. ჰემონდის აზრით, ბერძნულმა სამყარომ დიდი კოლონიზაციის ეპოქაში მიაღწია თავისი არსებობის ისეთ პოლიტიკურ ფორმას, როგორიც იყო ქალაქი-სახელმწიფო, პოლისი (მისი სხვადასხვა სახესხვაობით), რომელიც ბადებდა ორგანიზაციის, ბერძნული საზოგადოების მოწესრიგების არაჩვეულებრივ უნარს²⁶. პოლისის ამ მარგანიზებელ ძალას, როგორც არსებით მამოძრავებელ ფაქტორს ბერძნული კოლონიზაციის პროცესში საგანგებოდ აღნიშნავენ სხვა თანამედროვე მკვლევარნიც (ყ. ვალეს სიტყვით, პოლისი ვალდებული იყო უზრუნველყო მოქალაქე მუწით პოლისის შიგნით თუ არა, მის ფარგლებს გარეთ მაინც)²⁷.

აღნიშნული საკითხის კვლევას ყურადღება ეთმობა საბჭოურ ისტორიოგრაფიაში, კერძოდ ი. დომანსკის სპეციალურ წერილში «О характере ранних миграционных движений в античном мире» (დაიბეჭდა 1974 წელს). მკვლევარს სამართლიანად აქვს შენიშნული, რომ მიგრაციის ამა თუ იმ ფორმებს იცნობდნენ ძველი სამყაროს სხვა სახელმწიფოებიც, მაგრამ არსად მათ არ მიუღწევიათ ისეთი მძლავრი გაქანებისათვის დროისა და სივრცის თვალსაზრისით, როგორც საბერძნეთში. ის გარემოება, რომ კოლონიზაციის მამოძრავებელი ფაქტორები ზოგჯერ ერთდროულად მოქმედებდნენ და ხშირად ერთმანეთს ენასკვებოდნენ, მხოლოდ აძლიერებდა მიგრაციულ პროცესს, მაგრამ ამ მოძრაობის არაჩვეულებრივი მასშტაბები განაპირობა არა მხოლოდ კოლონიზაციის რამდენიმე მამოძრავებელი ძალის ერთობლივმა მოქმედებამ; პატარა ქალაქ-სახელმწიფოები, რომელთაც ჩვეულებრივ მცირე ტერიტორია ეჭირათ, საკმაოდ დიდი ხნის განმავლობაში წარმოადგენდნენ მრავალი მიგრაციული ნაკადის სათავეს, და სწორედ ამ სახელმწიფო-

²⁶ N. Hammond, დასახ. ნაშრ., გვ. 122.

²⁷ G. Vallet, La cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident, Napoli, 1968, გვ. 141.

ების ასეთი ტერიტორიული თავისებურება და ასევე ის გარემოება, რომ ბერძნული სახელმწიფოები წარმოადგენდნენ პოლისებს (მთელი თავისი სოციალურ-ეკონომიური წყობის ორგინალურობით), განაპირობებდა მრავალმხრივი მიგრაციების უწყვეტ მონაცვლეობას. ასეთ შეზღუდულ ტერიტორიაზე უფრო სწრაფად წარმოიქმნებოდა მოსახლეობის შედარებითი სიჭარბე, ხოლო მეზობელი მიწების შეერთება მაინცდამაინც ხშირად არ ხდებოდა. ეკონომიური სიძნელეები ასე თუ ისე გავლენას ახდენდა მთელ საზოგადოებაზე და ეხებოდა მთელ პოლისს, რომელიც ახორციელებდა მნიშვნელოვან ეკონომიურ ფუნქციებსა და ყოველთვის ვალდებული იყო ეზრუნა მოქალაქეთა კოლექტივის ყველა წევრის არსებობის შენარჩუნებაზე. ამას მოითხოვდა საგარეო ურთიერთობაც, გარდა ამისა, პოლისის მთლიანობის დაცვაც. შინაგანი წინააღმდეგობები, სოციალური ბრძოლები ძალზე სახიფათო იყო პოლისისათვის და შეიძლებოდა იგი დაშლამდე მიეყვანა, სერიოზული დაბრკოლება შეექმნა მისი არსებობისათვის. მოქალაქეთა გათიშვა, პარტიათა ბრძოლები დამლუბველად მოქმედებდა პოლისის არსებობასა და მის შემდგომ განვითარებაზე. ყოველივე ეს ბადებდა ლტოლვას მოქალაქეთა კოლექტივის შენარჩუნებისაკენ, საზოგადოებრივ წინააღმდეგობათა დაძლევისაკენ, ამიტომ პოლისის ცხოვრების მძიმე მდგომარეობიდან გამოსავალს წარმოადგენდა მის მოქალაქეთა მონაწილეობა კოლონიზაციაში²⁸. კოლონიზაციის პროცესი მრავალმხრივ აკმაყოფილებდა პოლისის ინტერესებს და თავიდან აშორებდა მას მთელ რიგ სიძნელეებს. ამითვე იყო გაპირობებული პოლისის ის არაჩვეულებრივი მათორგანიზებული ძალა, რომელიც შენიშნულია უცხოელ მკვლევართა მიერაც.

მეორე მეთოდოლოგიური ხასიათის საკითხი, რომელიც ბერძნული კოლონიზაციის შესწავლასთან დაკავშირებით დგას თანამედროვე მკვლევართა ყურადღების ცენტრში, არის ადგილობრივი ისტორიული და გეოგრაფიული გარემოს, ადგილობრივი მოსახლეობის განვითარების დონის მნიშვნელობის საკითხი ბერძნული ახალშენების წარმოქმნა-განვითარების პროცესში. ეს პრობლემა საბჭოურ ისტორიოგრაფიაში ჯერ კიდევ ამ 30-იან წლის წინ დაისვა განსვენებული მკვლე-

²⁸ Я. В. Доманский, О характере миграционных движений в античном мире, с. 38, 39.

ვარის ს. ა. ჟებელიოვის მიერ. იგი წერდა: «Боспор, Херсонес и Ольвия без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени, по всем направлениям своей экономической жизни»²⁹.

შემდეგში (40-იან წლებში) ეს დებულება საფუძვლად დაედო ა. ა. იესენის კონცეფციას ბერძნული კოლონიზაციის შესახებ. ა. იესენის თეორიის თანახმად, შავიზღვისპირეთის ბერძნული კოლონიზაცია წარმოადგენდა რთულ ორმხრივ პროცესს — განპირობებულს როგორც ბერძნების, ასევე ადგილობრივი ტომების სავაჭრო-საწარმოო განვითარების გარკვეული თანაშემადრდებით. ამიტომ ბერძნული ახალშენები შეიძლება წარმოქმნილიყო მხოლოდ მაშინ, როდესაც ადგილობრივმა ტომებმა, რომელთა ტერიტორიაზეც აღმოცენდნენ ეს ახალშენები, მიაღწიეს საზოგადოებრივი განვითარების გარკვეულ დონეს — მათში გაჩნდა მუდმივი ურთიერთგაცვლა-გამოცვლის საჭიროება³⁰.

შემდეგში (50-იანი, 60-იანი წლები) ა. იესენის ეს დებულება, რომელიც საფუძვლად უდევს მთელს მის კონცეფციას ბერძნული კოლონიზაციის ორმხრივი პროცესის შესახებ, გააკრიტიკა მკვლევართა ერთმა ჯგუფმა (ი. დომანსკი და სხვ.). მათი აზრით, ა. იესენის მთავარი შეცდომა მდგომარეობს იმაში, რომ იგი ბერძნული კოლონიზაციის მიზეზებს ხსნის არა თვით საბერძნეთის საზოგადოების სოციალურ-ეკონომიური და პოლიტიკური განვითარების შინაგანი კანონზომიერებით, არამედ ამ მიზეზებს ეძიებს მის გარეთ, სხვა (ადგილობრივ) საზოგადოებებში. ზემოაღნიშნული მკვლევარნი არ იზიარებენ ასევე ა. იესენის დებულებას ვაჭრობის მნიშვნელობის შესახებ შავიზღვისპირეთის კოლონიზაციის პროცესში და სხვა³¹.

თანამედროვე საბჭოურ ისტორიოგრაფიაში დისკუსია კოლონიზაციის ორმხრივი პროცესის შესახებ ამით არ დამთავრებულა.

²⁹ С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, Северное Причерноморье, М. — Л., 1953, с. 271.

³⁰ ა. იესენის აზრით, სწორედ ეს გაცვლა-გამოცვლა იყო ჩრდილოეთ შავიზღვისპირეთის კოლონიზაციის უმთავრესი წინამძღვარი, რომელმაც აქ მცხოვრები ტომები მიიყვანა ბერძნებთან სავაჭრო ურთიერთობამდე, გამოიწვია მათ ტერიტორიაზე ფაქტორიების, შემეგ კი კოლონიების დაარსება (А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, с. 14).

³¹ Я. В. Доманский, Нижнее Побужье в VII-V вв. до н. э.

იგი დღესაც გრძელდება. სადღეისოდ უფრო მიღებულად ითვლება თვალსაზრისი, რომლის მიხედვით კოლონიზაციის მიზეზები არის მხოლოდ ება საბერძნეთის საზოგადოების შიგნით სავსებით სწორია და გამართლებული. მაგრამ იმის გამო, რომ კოლონიზაციის მამოძრავებელი ფაქტორები საბერძნეთში ჩაისახა, არ შეიძლება კოლონიზაციის მთელი პროცესი განვიხილოთ ცალმხრივად, მხოლოდ ბერძნული სამყაროს განვითარების თვალსაზრისით. ბერძნული ახალშენების დაარსება არ შეიძლება წარმოვიდგინოთ გარკვეული, კონკრეტული ადგილობრივი გეოგრაფიული და ისტორიული გარემოს გარეშე (ე. ი. იმ ტერიტორიის გარეშე, სადაც ესა თუ ის ახალშენი წარმოიქმნებოდა. უფრო მეტიც, ადგილობრივი მოსახლეობის სოციალურ-ეკონომიური, პოლიტიკური და კულტურული განვითარება ხშირად განმსაზღვრელი ხდება ამა თუ იმ ხასიათის ახალშენის დაარსებისას გარკვეულ ტერიტორიაზე.

ცნობილია მაგალითად, რომ იმ საზოგადოებათა გარემოცვაში, რომელთაც განვითარების მაღალ საფეხურს მიაღწიეს (ეგვიპტე, სირია და სხვ), ბერძნული ახალშენები იშვიათად არსდება და ისიც მხოლოდ სავაჭრო მიზნით, მაშნ როდესაც ქვეყნებში, სადაც შედარებით ჩამორჩენილი ტომები ბინადრობდნენ და ნაყოფიერი მიწებიც უხვად მოიპოვებოდა (მაგალითად, სიცილია), ბერძენთა დასახლებები მრავლად ჩნდება და თითქმის ყოველი მათგანი პირველ რიგში სამიწათმოქმედო ხასიათს ატარებს.

ზემოთქმულთან დაკავშირებით აღსანიშნავია ისიც, რომ ბერძნული კოლონიზაცია არ მთავრდება მხოლოდ ახალშენების დაარსებით, ეს პროცესი გულისხმობს კოლონიის შემდგომ განვითარებას, მისი ეკონომიური საფუძვლის განმტკიცებას, რაც წარმოუდგენელია შესაბამისი ხელშემწყობი ადგილობრივი გარემოს გარეშე, რომელთანაც ახალშენმა გარკვეული კონტაქტი უნდა დაამყაროს, ურთიერთობა კი ცხადია თავისთავად ორმხრივი პროცესია.

აღნიშნულიდან გამომდინარე უნდა ვიფიქროთ, რომ ადგილობრივი პირობები, ადგილობრივი საზოგადოება თავისი განვითარების დონით კოლონიზაციას თავიდანვე კონკრეტულ შინაარსს აძლევს, გარკვეული გაგებით განსაზღვრავს მის ხასიათს, ხოლო შემდეგ ვადაწყვეტ როლს თამაშობს ახალშენთა ზრდა-განვითარების პროცესში.

აი, ამ ასპექტში თუ განვიხილავთ ა. იესენის კონცეფციას ბერძნული კოლონიზაციის როგორც ორმხრივი პროცესის შესახებ, იგი

საფუძველს მოკლებული არ მოგვეჩვენება, თუმცა, ცხადია, ეს კონცეფცია გარკვეულ კორექტივს საჭიროებს (კოლონიზაციის გამომწვევი მიზეზების განსაზღვრისას).

უნდა ითქვას, რომ ადგილობრივი მოსახლეობის სოციალურ-ეკონომიური განვითარების დონის დადგენის აუცილებლობას ბერძნული კოლონიზაციის საკვანძო საკითხების შესწავლისას აღიარებენ არა მხოლოდ საბჭოთა მკვლევარნი. დღეს ამ საკითხს განსაკუთრებული ყურადღება ეთმობა უცხოურ ისტორიოგრაფიაშიც. „კოლონიზაციის პრობლემა, — წერს ცნობილი ფრანგი მკვლევარი ჟორჟ ვალე, — არ შეიძლება გადაწყდეს ადგილობრივი მოსახლეობის სოციალურ-ეკონომიური სტრუქტურის შესწავლის გარეშე“³² ჟ. ვალენ მტკაცებით, ამ საზოგადოების განვითარების დონის დადგენიდან გამომდინარეობს პასუხი კითხვაზე თუ რამდენად შეიძლება ადგილობრივი მოსახლეობა მოექცეს ბერძნული საზოგადოებისა და მისი ორგანიზაციის ფორმების გავლენის ქვეშ. დაარსების დღიდან კოლონია პირისპირ აღმოჩნდება სრულიად განსხვავებულ გარემოში მოსახლეობასთან, რომელსაც აქვს ცხოვრების თავისი სოციალურ-ეკონომიური წყობა და კულტურის დონე, წესები, საკუთარი პოლიტიკური ორგანიზაცია, და თუ კი კომბაქტური ადგილობრივი მოსახლეობა, თავისი გეოგრაფიული და დემოგრაფიული ერთობით აღმოჩნდება საკმაოდ ძლიერი ეკონომიური და სოციალური სტრუქტურის მქონე საზოგადოება, იგი გამოიჩენს გამძლეობას იმისათვის, რათა არ იქნეს ასიმილირებული პოლისის მიერ. ამდენად პოლისური ექსპენსიის ყველა ფორმები დამოკიდებულია ადგილობრივი მოსახლეობის კულტურის დონის სხვაობაზე³³.

ეს უადრესად მნიშვნელოვანი დასკვნა ჟ. ვალეს გაკეთებული აქვს იმ არქეოლოგიური მასალის გააზრებისა და გაანალიზების საფუძველზე, რომელიც მოპოვებულია უკანასკნელი ოცი წლის მანძილზე სიცილის, შუა იტალიის, სამხრეთ საფრანგეთისა და ესპანეთის სანაპიროების ტერიტორიაზე. თავისი დებულებები მას წარმოდგენილი ჰქონდა მოხსენების სახით ტორენტოში 1967 წ. ჩატარებულ კონგრესზე, რომელიც მიეძღვნა მაგნა გრეციას ისტორიის ლიტერატურისა და სახვითი ხელოვნების საკითხებს³⁴.

³² G. Vallet, დასახ. ნაშრ., გვ. 72, 107—109.

³³ იქვე, გვ. 70, 71.

³⁴ G. Vallet, დასახ. ნაშრომი.

ამავე მოხსენებაში აღძრულია ბერძნულ კოლონიზაციასთან დაკავშირებული მრავალი სხვა თეორიული და კონკრეტული საკითხი და აქვე მოცემულია ავტორისეული თვალსაზრისი ამ საკითხებზე მდიდარი არქეოლოგიური მასალის გაანალიზების საფუძველზე.

უახლესი არქეოლოგიური კვლევა-ძიების შედეგების გათვალისწინებამ უ. ვალეს საფუძველი მისცა დასავლეთის ბერძნულ დასახლებებს შორის გარკვევით გამოეყო აგრარული და სავაჭო კოლონიები, მისი ტერმინოლოგია რომ ვიხმართ — *les colonies de peuplement* (ე. ი. დასახლებული კოლონიები) და *les colonies commerciales*. ამრიგად, უ. ვალე ტერმინ კოლონიას ხმარობს არა მხოლოდ აგრარული, არამედ სავაჭრო ახალშენების მიმართაც, განსხვავებით ზოგიერთი მკვლევარისაგან (როგორც ჩვენში, ასევე უცხოეთში), რომელნიც ასეთ ტერმინოლოგიას მიუღებლად თვლიან. ისინი მოითხოვენ ტერმინი კოლონია ვიხმართ აგრარული ახალშენების მიმართ, ისევე როგორც კოლონიზაციის პროცესში ვიგულისხმობთ მხოლოდ აგრარული ახალშენების დაარსება; სავაჭრო დასახელებების (სამოსახლოების) აღსანიშნავად კი გამოვიყენოთ ტერმინი ემპორიონი³⁵. მაგრამ, როგორც ქვემოთ დავინახეთ, დღევანდელი კვლევა-ძიების შედეგები უფრო უ. ვალეს ტერმინოლოგიას უჭერს მხარს.

არქეოლოგიურმა კვლევა-ძიებამ სიცილიის, ესპანეთის, განსაკუთრებით კი სამხრეთ საფრანგეთის (ძველი მასალიის) ტერიტორიაზე დაადასტურა, რომ, მართალია, იტალიის ახალშენების დიდი ნაწილი უმთავრესად აგრარულ კოლონიებს წარმოადგენდა³⁶ (ზოგიერთის გამოკლებით, მაგ., ზანკლი)³⁷, მაგრამ ფოკეის მიერ ესპანეთსა და გალიაში დაარსებულ ყველა ბერძნულ სამოსახლოს — სავაჭრო ფაქტორიის დანიშნულება ჰქონდა (ეს აღინიშნა არა მარტო უ. ვალეს, არამედ უ. ბერარდის მიერაც)³⁸. ფოკეელთა ახალშენებში ტერიტორია დასაწყისშივე აბსოლუტურად მეორეხარისხოვან როლს თამაშობს. ასეთ

³⁵ Я. В. Доманский, Нижнее Побужье в VII-V вв. до н. э.

³⁶ Le colonisation Grecque en Occident; F. Villard, La ceramique grecque de Marseille, P., 1960, გვ. 107—111.

³⁷ A. J. Graham, Colony and Mother city . . ., გვ. 5; G. Vallet დასახ. ნაშრ., გვ. 74.

³⁸ უ. ბერარდი წერდა: „ფოკეელთა კოლონიზაცია განსხვავებით დასავლეთის სხვა ცენტრების კოლონიზაციისაგან თავისი ისტორიის არცერთ მომენტში არასოდეს იცნობდა დასახლებულ კოლონიებს“ — „les colonies de peuplement“ (J e a n B é r a r d, დასახ. ნაშრომი, გვ. 63).

ახალშენთა ექსპანსია მიმართულია არა ქვეყნის შიგნით, არამედ ზღვისპირა რეგიონებისაკენ. მაგალითად, მასალია თავის ჰეგემონიას ავრცელებს ფოკეელთა ძველ სავაჭრო ადგილზე — ამპურიაზე, რომლის სახელი Emporion თავისთავად საკმაოდ ნიშანდობლივია, აარსებს Agathe-ს და Antipolis-ს (მარსელს შემდეგაც გაჰყავს თავისი სავაჭრო ფაქტორიები — Nice, Olbia, Tauroentum და სხვა)³⁹. მარსელი თავის სავაჭრო ექსპანსიას ავრცელებს ქვეყნის შიგნითაც, მდ. რონის ველის გასწვრივ საქარავნო გზის გაყოლებით, რაც შესანიშნავად იქნა ილუსტრირებული ფ. ვილარის მიერ ჩატარებული არქეოლოგიური კვლევა-ძიების შედეგებით.

ამრიგად, ჟ. ვალეს კონცეფციის თანახმად როგორც სავაჭრო, ასევე აგრარულ კოლონიებს აქვთ თავიანთი ექსპანსიის ფორმები, პირველთ კომერციული, მეორეებს სამხედრო-პოლიტიკური, სავაჭრო კოლონიებში პოლისი თავისი ორგანიზაციით არ იჭრება ტერიტორიაში, დასახლებულ კოლონიებში კი საქმე გვაქვს ქალაქისა და მისი ტერიტორიის ღრმა სტრუქტურაციასთან.

მასალიის გათხრების შედეგებმა და მათ შედარებამ წერილობით წყაროებთან ნათელი გახადა ისიც, რომ, მართალია, რომაელთა გაბატონებამდე მასალიას არ გააჩნდა თავისი ტერიტორია, ხორა კლასიკური გაგებით, ე. ი. მიწა, რომელიც ჩვეულებრივ ბერძნული ახალშენის მოქალაქეთა კოლექტივს ეკუთვნოდა, მას მაინც ჰქონდა პოლისური ორგანიზაცია⁴⁰. ანალოგიურ მდგომარეობაში იყო ქალაქები ტარენტი და ველიასი, თუმცა ისინი თავისთავად სხვა ისტორიულ და გეოგრაფიულ გარემოში წარმოიქმნენ და განვითარდნენ⁴¹.

ყოველივე ამის საფუძველზე ჟ. ვალე მივიდა დასკვნამდე, რომ ახალშენთა შორის, როგორც გამოჩაქისი, შეიძლება დავუშვათ ისეთი პოლისების არსებობა, რომელთაც არ გააჩნდათ ხორა კლასიკური გაგებით. ესენი არიან პოლისები ტერიტორიის გარეშე (le cite sans territoire)⁴².

³⁹ F. Villard, დასახ. ნაშრომი., გვ. 109.

⁴⁰ G. Vallet, დასახ. ნაშრ., გვ. 139.

⁴¹ როგორც საფიქრებელია, კირქვის ტერასები, რომლებიც ტარენტის მახლობლად ეშვება ზღვაში ბერძნებისათვის ძნელად დასამუშავებელი იყო. ელინები კი გაურბოდნენ ასეთ მიწებს (G. Vallet, დასახ. ნაშრ.)

⁴² G. Vallet, დასახ. ნაშრ., გვ. 136 და შემდ.

ამრიგად, პოლისებს, რომელთაც ჰქონდათ ტერიტორიული სფერო ხედრო ექსპანსიის ან ადგილობრივ მოსახლეობასთან ეკონომიური ინტერესების დამთხვევის შედეგად, როგორც გამონაკლისი, უნდა დაეუპირისპიროთ პოლისები, რომელთაც მათ გარშემო არსებული (ისტორიული, თუ გეოგრაფიული) პირობების შესაბამისად არ გააჩნდათ თავიანთი ხორა.

მასალიის გათხრების საფუძველზე ჩამოყალიბდა ასევე ხორას, როგორც ქალაქის გარშემო მდებარე ტერიტორიის ორი გაგება, რომელიც იმავე უ. ვალეს აქვს განხილული თავის ნაშრომში⁴³.

საქმე ის არის, რომ, მართალია, მასალიის ირგვლივ მდებარე მიწები ქალაქის საკუთრებას არ შეადგენდა, მის მოქალაქეთა მიერ არ იყო კულტივირებული, მაგრამ არქეოლოგიური გათხრებით დადასტურდა მათი მჭიდრო ეკონომიური და სამეურნეო კავშირი ქალაქთან, ამასთან ამ ტერიტორიაზე ქალაქის ძლიერი კულტურული გავლენის, ე. წ. რადიაციის, კვალი⁴⁴. ყოველივე ამის საფუძველზე მკვლევარნი მივიდნენ ქალაქის გარშემო მდებარე ტერიტორიის (ხორას) ორ გაგებამდე. თანამედროვე უცხოურ ისტორიოგრაფიაში ანსხვავებენ ხორას ორ მნიშვნელობას: ერთი მხრივ, ხორა გულისხმობს ქალაქის მეზობლად მდებარე მიწებს, რომელიც ქალაქის საკუთრებას შეადგენს და კულტივირებულია პოლისის მოქალაქეთა მიერ, ან პოლისის მოქალაქეთათვის, მეორე მხრივ, ხორა წარმოადგენს პოლისის გავლენის ზონას, ტერიტორიას, რომელზედაც ვრცელდება პოლისის ეკონომიური და კულტურული გავლენა (რაიონში, რომელიც დამოკიდებულია არა ბერძნულ მოსახლეობაზე, არამედ ადამიანთა სხვა ჯგუფებზე)⁴⁵.

„ხორა“ ამ გაგებით ალბათ შეესატყვისება ქართულ „ქვეყანას“. როგორც ვიცით, „ქვეყანა“ ეს ის ტერიტორიაა, რომლის მოსახლეობა ძალიან მჭიდრო კავშირშია ქალაქთან, მას აწვდის სა-

⁴³ G. Vallet, დასახ. ნაშრ., გვ. 70, 71.

⁴⁴ იხ. I. de Wever, La chóra massaliote d'après les fouilles récentes, Antiq. class., XXXV, 1, 1966, გვ. 71—117, ამაზე ადრე ტერმინი „ტერიტორია“ მარსელის მიმართ გამოიყენეს ისტორიკოსებმა I. Brunel-მა და H. Rolland-მა (იხ. G. Vallet, დასახ. ნაშრ., გვ. 70).

⁴⁵ D. Adamesteanu Diod. XIII, § 2-3-თან დაკავშირებით მკვეთრად გამოჰყოფს: zona di dominio di influenza და territorio circondate immediatamente la città (იხ. G. Vallet, დასახ. ნაშრ., გვ. 70).

სოფლო-სამეურნეო პროდუქტს, აქვე ჩააქვს საკუთარი ხელოსნური ნაწარმის ნამატი და ქალაქის საქონელზე ცვლის. ქალაქი ამ მოსახლეობაზე ძლიერ კულტურულ და ეკონომიურ გავლენას ახდენს. მას სისაქონლო ურთიერთობათა და სამეურნეო საქმიანობის ფერხულში ითრევს და სხვ.

უ. ვალეს და სხვა მკვლევართა ნაშრომებში წარმოდგენილმა ახალმა გაგებამ ხორასი ქართველ მკვლევართა შორის დიდი ინტერესი გამოიწვია. „ქვეყნის“ გაგებით „ხორა“ კოლხეთის ბერძნული ახალშენების ირგვლივ მდებარე მიწებსაც შეიძლება ეწოდოს. მკვლევარნი ვარაუდობენ, რომ შავიზღვისპირეთისა და ხმელთაშუაზღვისპირეთის ახალშენების ხორას შესწავლამ და ამ უკანასკნელსა და კოლხეთის ქალაქების ირგვლივ მდებარე ტერიტორიაზე მოპოვებული არქეოლოგიური მასალის შედარებამ შეიძლება მნიშვნელოვნად წინ წასწიოს აღმოსავლეთ შავიზღვისპირეთის ბერძნული ახალშენების ხასიათის, არსის საკითხის კვლევა⁴⁶.

ხმელთაშუაზღვისპირეთისა და შავი ზღვის სანაპიროების არქეოლოგიურმა კვლევა-ძიებამ თანამედროვე ისტორიოგრაფიაში საფუძველი შექმნა საგანგებო შესწავლის საგნად ქცეულიყო ბერძნულ ახალშენთა ერთი ჯგუფი, ე. წ. არატიაური ახალშენები, რომელნიც თავიანთი ხასიათით და ორგანიზაციის ფორმებით არ თავსდებათ კლასიკური კოლონიების ჩარჩოებში. ასეთ ახალშენთა რიცხვს განეკუთვნებიან ეტრუსკულ-ბერძნული ქალაქები სპინა, ადრია და სხვა, რომელნიც ჩრდილო იტალიაში (ადრიატიკის ზღვის სანაპიროზე) იქნენ დაარსებული ძვ. წ. VI—V სს-ის მიჯნაზე⁴⁷, იბერიულ-ბერძნული ქალაქები ჩრდილო ესპანეთში (მაგალითად, ემპორიონი ანუ ამპურია, დაარსებული ძვ. წ. VI ს. კატალონიაში ჯერ ფოკეელთა, შემდეგ მასალიოტთა მიერ). აქვე უნდა აღინიშნოს დასავლეთ შავიზღვისპირეთის ზოგიერთი ქალაქი საკმაოდ ძლიერი თრაკიული ელემენტით (ბიზონე, კრუნე).⁴⁸

⁴⁶ ით. ლორთქიფანიძე, თ. მიქელაძე, ფასისის ისტორიულ-არქეოლოგიური შესწავლის პრობლემა, სამეცნიერო სესია მიძღვნილი ქალაქ ფასისის ლოკალიზაციის პრობლემისადმი, მოხსენებები, თბ., 1973, გვ. 34—36.

⁴⁷ როგორც Beaumont-ის მიერ ჩატარებულმა გათხრებამ გვიჩვენა, სპინაში ძლიერია ეტრუსკული ელემენტი, მაგრამ ასევე დასტურდება საკმაოდ კომპაქტური ბერძნული მოსახლეობის არსებობაც (აქ გაითხარა ბერძნული მოსახლეობის სამარხები იხ. R. L. Beaumont, Greek influence in the Adriatic Sea before the fourth century B. C., JHS, 46, 1936, გვ. 179).

⁴⁸ Ch. Danov, Pontos Euxinos.

ამ ქალაქების შესწავლამ ნათელი გახადა, რომ ბერძნულ-ადგილობრივი ურთიერთობების შესწავლა არსებობდა არაერთი სამოსახლო, რომელთა თავისებურება განაპირობა საქალაქო ორგანიზმში ბერძნულთან საქმოდ დაწინაურებული ადგილობრივი ელემენტის არსებობამ, ამის შედეგად განვითარდა საქალაქო ორგანიზაციის სრულიად სხვადასხვა ფორმები.

ასეთი ახალშენების არსებობა ბერძნულ-ადგილობრივი საქალაქო ორგანიზაციის ფორმით ჯერ კიდევ სტაბონსა აქვს შენიშნული ანტიკური სამყაროს პერიფერიის მრავალ ადგილას, არაერთ ტომსა თუ ხალხში. ეს ცნობა მას მოაქვს ამპურიას საქალაქო თემის აღწერასთან დაკავშირებით, რომლის მიხედვით ეს თემიც, ე. ი. ამპურიაც შერეულ ბერძნულ-ადგილობრივ საქალაქო ორგანიზმს წარმოადგენდა. ამპურიაში თავდაპირველად ადგილობრივი მოსახლეობა ბერძნულისაგან კედლით ყოფილა გამოყოფილი. დროთა განმავლობაში ეს ორი ხალხი გაერთიანებულა ერთ საქალაქო თემად, ერთი საქალაქო წყობით, რომელიც წარმოადგენდა ბერძნული და ბარბაროსული სახელმწიფო წყობილების შენაერთს⁴⁹.

არქეოლოგიურმა გათხრებმა დაადასტურა სტაბონის ეს მეტად საყურადღებო მითითება ერთიანი საქალაქო ორგანიზაციის მქონე ბერძნულ-ადგილობრივი მოსახლეობიანი ახალშენების არსებობის შესახებ. როგორც ირკვევა, ჩვეულებრივ ეს ახალშენები სეაქრო ხასიათს ატარებდნენ და აღმოცენებულნი იყვნენ ისეთ რაიონებში, სადაც შედარებით დაწინაურებული მოსახლეობა ცხოვრობდა.

ზემოაღნიშნულ ქალაქთა ორგანიზაციის სტრუქტურული სახე ჩვენთვის იმ მხრივ არის საყურადღებო, რომ კოლხეთის სანაპიროს ბერძნულ ახალშენებსაც თავისებურ პირობებში მოუხდათ არსებობა, არ არის გამორიცხული, რომ ისინიც ისეთივე შერეული, ბერძნულ-ადგილობრივი წყობის მქონე საქალაქო ორგანიზმებს წარმოადგენენ, როგორზედაც სტაბონი მიუთითებს⁵⁰.

⁴⁹ Strabo, IV, I, 5. ამპურია წარმოადგენდა პოლის ტერიტორიის გარეშე, ბერძნულ-ადგილობრივი მოსახლეობის უბნებით.

⁵⁰ М. П. И н а д з е, Причерноморские города древней Колхиды, Тб., 1968. შედ. ოთ. ლორთქიფანიძის ნაშრომს — La Georgie et le monde Grec. Le probleme de la colonisation Grecque en Colchide. «Bulletin de Correspondance Hellenique», XCVIII, 1974, II, Paris.

აქვე მინდა შევნიშნო, რომ არატიპიურ ბერძნულ ახალშენებს, სპეციფიური საქალაქო ორგანიზაციით ვარაუდობენ მკვლევარნი ნილოსის დელტაში, ნავკრატისში. იგი განსხვავდებოდა ჩვეულებრივი ბერძნული ახალშენებისაგან, არ ჰქონდა მეტროპოლია, ან მეტროპოლიები ჩვეულებრივი გაგებით. ნავკრატისის შესახებ არაერთი გამოკვლევა არსებობს, მათ შორის აღსანიშნავია კ. რობაკის წერილი, რომელიც სპეციალურად ამ ქალაქის ორგანიზაციის ფორმების შესწავლას ეძღვნება. ავტორი მიდის დასკვნამდე, რომ ნავკრატისის ორგანიზაცია არ თავსდება არც ბერძნული პოლისის, არც კოლონიის ჩარჩოებში. იგი წარმოადგენს სრულიად თავისებურ მოვლენას⁵¹.

თავისებური სახე უნდა ჰქონდა ასევე ბერძნულ ახალშენებს, დაარსებულს სირიისა და ძველი ფინიკის ტერიტორიაზე, აღმოსავლეთის ქვეყნებთან ვაჭრობის მიზნით, რაც დაადასტურა არქეოლოგიურმა გათხრებმა ჯერ კიდევ 30-იან წლებში, კ. ვულეის ხელმძღვანელობით ალ-მინაში (სირია, მდ. ორონტის შესართავთან)⁵²; ხოლო შემდეგ 60-იანი წლების დასაწყისში პ. რისის ხელმძღვანელობით ტელ-სუკასის ტერიტორიაზე (ძველი ფინიკია, ლატაკიიდან 45 კმ-ის დაშორებით, ჩრდილოეთ სირიაში). როგორც ჩანს, ახალშენი ტელ-სუკასში ემპორიონის სახეს ატარებდა, მაგრამ აქ არსებობდა საკმაოდ მყარი ბერძნული მოსახლეობა (გათხრილია ბერძნული ტაძარი და სხვ), ახალშენი დაახლოებით ძვ. წ. 700 წ.-ს დაუარსებიათ⁵³.

დაბოლოს მინდა შევეხო კიდევ ერთ საკითხს, რომელიც ასევე გასათვალისწინებელია ბერძნული კოლონიზაციის პროცესის კვლევისას. ეს არის საკითხი ბერძნული ახალშენების ტრანსფორმაციის შესახებ. კოლონიების ისტორიის შესწავლამ თანამედროვე ხანაში ნათელჰყო, რომ კოლონიის დაარსების აქტი ერთია, მისი შემდგომი განვითარება მეორე. კოლონია არ შეიძლება განვიხილოთ, როგორც ერთხელ და საბოლოოდ ჩამოყალიბებული ორგანიზმი.

⁵¹ C. Roebuck, The organisation of Naukratis, «Classical Philology» v. XLVI, 1951, Oct., გვ. 212—217. იხ. მისივე, Ionian trade and colonization..., გვ. 135.

⁵² C. Woolley, The excavations at Al-Mina, Sueidia, JHS, 48, 1938, გვ. 1—30 და 133—170; Siedney Smith, The Greek trade of Al-Mina, «The antiquar. Journ.», 1942, გვ. 87—112.

⁵³ «Archaeology», 1964, 17, № 3, გვ. 206—207; იხ. «Вопросы истории», 1965, № 4, ტელ-სუკასში დანიის არქეოლოგიური ექსპედიციის ანგარიში.

დროთა განმავლობაში იგი სახესხვაობას განიცდის. რამდენიმე წელიწადი გაბოიწვიოს ცვლილებები ახალშენში? ერთი მხრივ, ტრანსფორმაცია ხდება ადგილობრივ მოსახლეობასთან ურთიერთდამოკიდებულების, კონტაქტის შედეგად (ამის შესახებ უკვე გექონია ზემოთ ლაპარაკი), მეორე მხრივ, ცვლილებები მოსალოდნელია თვით ბერძნული სამყაროდან.

არქეოლოგიური კვლევის შედეგების ანალიზის საფუძველზე დადგენილია, რომ სახეცვლილება თან სდევდა მოახალშენეთა ახალი დიდი ტალღის მოსვლას, რაც იწვევდა ადრინდელი ახალშენის პერიფერიულ ზონაში ახალი ბერძნული დასახლებების შექმნას⁵⁴.

ბერძნული ახალშენების ტრანსფორმაციის საკითხი ზემოაღნიშნულ ასპექტში კოლხეთის არქეოლოგიურმა კვლევა-ძიებამაც დააყენა ქართველ მკვლევართა წინაშე. როგორც ირკვევა, ცვლილებები საკუთრივ ბერძნულ სამოსახლოებში აქ გამოიწვია ათენელ მოახალშენეთა დიდი ნაკადის მოსვლამ და ქალაქების პერიფერიულ ზონაში დასახლებამ, რის შედეგადაც უთუოდ მნიშვნელოვნად გაფართოვდა ბერძნულ სამოსახლოთა ტერიტორია, შეიცვალა ბერძნული მოსახლეობის ეთნიკური და სოციალური შემადგენლობა, ქალაქის გარეგნული სახეც⁵⁵.

საინტერესოა ის გარემოება, რომ წერილობით წყაროებში არსად ჩანს პირდაპირი მითითება კოლხეთის სანაპიროს ახალშენების სახეცვლილების შესახებ. ამჟამად კვლევის თანამედროვე ეტაპზე, როდესაც დაგროვდა მნიშვნელოვანი არქეოლოგიური მასალა, ნათელი გახდა, რომ წყაროებმა აგვისახა მხოლოდ ნაწილი, მხოლოდ ზოგიერთი მომენტი იმ პროცესისა, რომელიც ბერძნული ახალშენების დაარსებას სდევდა თან კოლხეთის სანაპიროზე. სინამდვილეში ეს პროცესი გაცილებით უფრო რთული, მრავალმხრივი და ცვალებადი უნდა ყოფილიყო, ვადრე ეს ჩვენ შეგვიძლია წარმოვიდგინოთ არსებული ნაწყვეტ-ნაწყვეტი წერილობითი ცნობებს მიხედვით.

ძველი სამყაროს პერაფერიებზე გაფანტულ მრავალრიცხოვან ბერძნულ ნამოსახლარებზე მოპოვებული მასალის ერთობლივმა, კომპლექსურმა შესწავლამ და მის საფუძველზე წერილობითი წყა-

⁵⁴ G. vallet, დასახ. ნაშრომი, გვ. 78.

⁵⁵ მ. ი ნ ა ძ ე, ათენი და აღმოსავლეთ შავიზღვისპირეთი (ძვ. წ. V ს. მეორე ნახევარი), „მაცნე“, 1975, №1; ა. კ ა ხ ი ძ ე, ფიქვნარის წითელფიფურიათი კრატერი, საქართველოს სსრ მეცნ. აკად. მოამბე, ტ. 69, №2, თბ., 1973, გვ. 507.

როგორც მონაცემების ახლებურმა გააზრებამ დიდი დახმარება შეიძლება გაგვიწიოს ამ პროცესის უფრო სრული სახით წარმოსადგენად.

М. П. ИНАДЗЕ

ВОПРОСЫ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В НОВЕЙШЕЙ СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Резюме

В статье рассмотрены основные методологические вопросы греческой колонизации, поставленные и по-новому осмысленные в современной советской и зарубежной исторической науке на основании исследования и обобщения огромного археологического материала, добытого за последние 30 лет на территории причерноморских и средиземноморских греческих поселений.

Главное внимание уделяется следующим вопросам: общие закономерности и конкретные факторы, порождающие колонизационное движение греческих полисов; значение уровня социально-экономического и культурного развития местного населения в процессе колонизации, придавшего ей с самого начала конкретное содержание и в известной степени определявшего ее характер, а также формы полисной экспансии; роль торговли в колонизационном движении; нетипичные греческие колонии со своеобразными формами организации, объединяющие и вмещающие в себе греческие и местные элементы городского строя; два различных понимания «хоры», как расположенной вокруг города территории. В статье освещен также вопрос о трансформации греческих колоний, происходившей под воздействием как местных условий и общественной среды, так и тесного соприкосновения с эллинским миром (прилив новой волны греческих переселенцев и т. д.). Изложено отношение автора к той или иной концепции и высказана собственная точка зрения по рассмотренным вопросам, выработанная на основании изучения конкретного материала из городищ Восточного Причерноморья.

Г. В. КОРАНАШВИЛИ

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРЕХОДЕ ОТ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА К ФЕОДАЛЬНОМУ

Смена античного (греко-римского) общества феодализмом резко контрастирует с другими случаями перехода от одной общественно-экономической формации в другую. Если в последних случаях имеет место дальнейшее развитие производительных сил и на этой основе — надстроечных сторон, то в первом наблюдается упадок цивилизованного общества, синтез последнего с варварским обществом, следовательно, начало средневековья со среднего между цивилизацией и варварством уровня.

Переход от античности к средневековью в советской науке, как известно, понимали таким же образом, как другие переходы от формации к формации: т. е. исходили из того, что внутри античного общества выросли новые производительные силы, которые, перерастая рабовладельческие производственные отношения, пришли в конфликт с последними, что в последний период существования античного общества резко обострилась классовая борьба, в результате чего угнетенная часть общества смогла переустроить общество революционным путем.

К проблеме методологии вопроса

Многие марксисты придерживались и до сих пор придерживаются того мнения, что существует общий закон перехода от формации к формации. Этот закон, следовательно, по их мнению, действовал и при смене античного общества феодальным. Спрашивается: на какие мысли классиков марксизма

опираются ученые, придерживающиеся подобного взгляда. В ответ они могут сослаться на Марксовское Предисловие «К критике политической экономии», где говорится о том, что на определенном уровне развития производительных сил последние приходят в конфликт со старыми производственными отношениями, что на этой основе начинается эпоха социальной революции. Но при внимательном изучении данного места возникает вопрос: мыслил ли Маркс все переходы от формации к формации на основе раскрытия подобного механизма или такой переход он связывал только со сменой феодального общества буржуазным, а последнего — развитым бесклассовым? В поисках ответа на заданный нами вопрос остановимся пока на том же известном Предисловии. Здесь прогрессивные способы производства перечислены в таком порядке: азиатский, античный, феодальный, буржуазный и будущий, коммунистический. Переход от азиатского общества к античному Маркс в этот период никак не мыслил как имманентное развитие общества на основе роста производительных сил, раскрытия законов диалектики. Значит, отмеченный случай выпадает из действия упомянутого «общего закона»! Что касается случая смены античного общества феодальным, то на этот счет как в «К критике политической экономии», так и особенно в других произведениях Маркса и Энгельса («Немецкая идеология», «Крестьянская война в Германии», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Бруно Бауэр и первоначальное христианство», «К истории первоначального христианства» и др.) имеется множество высказываний классиков, абсолютно проясняющих их позицию по данной проблеме. Маркс и Энгельс совершенно четко указывали не на дальнейшее развитие производительных сил, а на их упадок при смене античности средневековьем, отмечали не нарастание классовой борьбы свободных граждан с рабовладельцами, рабов с рабовладельцами, а спад классовой борьбы, безвыходный тупик античного общества и т. д. В связи с упомянутым контекстом очень интересна ленинская лекция о государстве, где говорится о бесперспективности борьбы рабов в античном обществе. Говоря о смене рабовладельческого общества крепостническим,

Ленин не упоминал о дальнейшем росте производительных сил, революции, положившей конец античному обществу. Рассматривая проблему государства и революции, Ленин в «Государстве и революции» никогда не говорил о взаимоотношении этих явлений при переходе от античности к средневековью.

Несмотря на столь ясную позицию Маркса, Энгельса и Ленина в вопросе о тупиковом, а не революционном характере перехода от античности к средневековью, в советской науке распространился совершенно другой взгляд, исходящий из неверной интерпретации наследия классиков. Исходя из теоретического постулата, И. В. Сталин в 1933 году высказал мысль о «революции рабов», ликвидировавшей рабство. Он же говорил о том, что «все варвары (sic!)», объединившись (!) с громом опрокинули Рим. В труде «О диалектическом и историческом материализме» Сталин в 1938 году отмечал универсальный характер закона смены одной формации другой, т. е. на основе дальнейшего роста производительных сил, нарастания борьбы классов и т. д. Обострение классовой борьбы, переходящее в революцию, было, согласно Сталину, *conditio sine qua non* для смены одного общества другим, в том числе античного общества феодальным¹.

Современное состояние изучения проблемы

Но у историков — правда, спустя много лет — возникли сомнения относительно трактовки проблемы смены античного общества феодальным подобным образом. В 1953—1955 гг. на страницах «Вестника древней истории» шли дискуссии по

¹ В отличие от такой точки зрения, С. И. Ковалев в начале 30-х годов писал: «...Марксистско-ленинское учение о социальной революции не дает возможности перенести это понятие (социальной революции — Г. К.) на переход от античности к феодальному способу производства. Прежде всего, здесь нет основного признака социальной революции: противоречия между растущими производительными силами и производственными отношениями. Социальная революция всегда прогрессивна и поступательна. Гибель же античного общества вызвана не ростом производительных сил, а их упадком». См. его: Учение К. Маркса и Ф. Энгельса об античном способе производства, ИГАИМК, т. XII, вып. 9—10, 1932, с. 70.

проблеме упадка рабовладельческого общества. По мнению Е. М. Штаерман, главной силой социальной революции, положившей конец античному обществу, были не рабы, а крупные собственники, владельцы экзимирированных сальтусов. Кризис III в. в Риме окончился победой этого социального слоя, поражением муниципальных слоев. Борьба продолжалась и в IV веке, гегемоном выступали провинциальные магнаты. Но, по мысли Штаерман, социальная революция свершилась только после нашествия варваров². По мнению же М. Я. Сюзюмова, главной силой, уничтожившей старое, рабовладельческое общество, были варвары³. В 1956 году В. В. Струве и И. В. Пигулевская подчеркивали «бессодержательность» тезиса о «революции рабов»⁴. С. Л. Утченко писал о «гипнозе Сталина», в результате чего многие явления поздней античности освещались неверным образом⁵. «Революция рабов» была подвергнута сомнению и Б. Ф. Поршневым: взамен ее он утверждал тезис об «антирабовладельческой революции», как не об одноактовом, а многоактовом процессе, с участием не только рабов, но и других слоев населения⁶.

Переход от античности к средневековью, по мысли Поршнева, носил основные черты социальной революции. Но оказывается, что успехи этой революции, по признанию того же автора, выразились в «апокалиптическом бунтарстве и антирабовладельческом демократизме раннехристианских сект и ересей», которые к тому же ... легко были апроприированы официальным обществом⁷. Говоря о движущих силах «соци-

² См. ее статью Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, № 2; более подробно данная точка зрения развита в книге автора: Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1956.

³ См. статью М. Я. Сюзюмова, К вопросу о процессах феодализации в Римской империи, ВДИ, 1955, № 1.

⁴ См. статью авторов: Проблема падения рабовладельческого строя и генезиса феодализма, «Вопросы истории», 1956, № 3.

⁵ С. Л. Утченко, Становление Римской империи и проблема социальной революции, ВИ, 1964, № 7.

⁶ См. Б. Ф. Поршнев, Феодализм и народные массы, М., 1964.

⁷ См. сборник Историческая наука и некоторые проблемы современности, М., 1969, с. 238.

альной революции» периода перехода от рабовладельческой формации к феодальной, Н. И. Конрад считал таковыми свободных земледельцев и ремесленников, покончивших-де с рабовладельческим строем⁸.

На проблему смены античного рабовладельческого общества феодальным оригинальную концепцию развивает А. Р. Корсунский⁹. Он указывает на ряд моментов развития поздней Римской империи: застой и даже упадок производительных сил, отсутствие обострения классовой борьбы внутри римского общества, разъединение сил низших слоев населения, невозможность снятия преград социально-экономическому развитию силами самого римского общества. А. Р. Корсунский заключает: «Социальная революция, уничтожившая рабовладельческий строй и утвердившая феодальный способ производства, отличалась особой длительностью по сравнению с последующими социальными революциями. Ее главные задачи были выполнены тогда, когда возникло раннефеодальное государство, выражавшее интересы формировавшегося класса феодалов (VI—VII вв.). Окончительное же решение задач этой революции относится к тому времени, когда феодальные отношения завоевали господствующее положение в экономике, оформилось феодальное государство»¹⁰. Главным социальным фактором, устранившим преграды развитию античного общества, были варвары, а сама революция длилась в течение четырех-пяти столетий — вот выводы Корсунского.

Специфичность и сложность социальной революции, имевшей-де место при переходе от античности к средневековью, подчеркивает и А. Я. Гуревич¹¹. Он заключает: «Таким образом, содержание глубокой социальной революции, составлявшей основу переходного периода от античности к средневековью, не может быть раскрыто на уровне одного

⁸ См. его *Запад и Восток*, М., 1972, с. 38.

⁹ См. его статью *Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодализму в Западной Европе*, ВИ, 1964, №5.

¹⁰ Упом. статья, с. 108, III.

¹¹ *Общий закон и конкретная закономерность в истории*, ВИ, 1965, № 8.

лишь общего социологического закона, здесь следует дать объяснение на уровне конкретной исторической закономерности»¹². Согласно Гуревичу, в данном случае содержание закона социальной революции нуждается в модификации, надо учитывать специфические моменты, присущие как римскому рабовладельческому обществу, так и первобытному строю окружающих его варваров, ибо здесь действовали, перемещиваясь между собой, закономерности двух общественно-экономических формаций.

Некоторые ученые решительно оспаривают универсальную применимость закона социальной революции при переходе каждой формации в последующую. Согласно Я. С. Драбкину, понятием «социальная революция» можно оперировать только в случае смены феодализма капитализмом и последнего коммунизмом, в прежней же истории переходы не носили тех черт, которые свойственны социальной революции в общепринятом смысле. Он приходит к примечательному признанию: «По-видимому, мы стоим перед альтернативой: либо следует настолько расширить понятие (вместе с тем сузив, обеднив его содержание), чтобы оно было применимо ко всему переходу от одной формации к другой, в том числе от первобытного к классовому обществу, либо признать, что социальная революция свойственна лишь определенному этапу исторического развития»¹³.

И. В. Волобуев считает, что необходимым элементом социальной революции является «осознание ее необходимости по крайней мере вождями и идеологами класса, заинтересованного в переходе к более передовому строю»¹⁴. Раз, по мнению Волобуева, при переходе от античного общества к феодальному этого не случилось, то этот переход нельзя рассматривать с точки зрения социальной революции.

¹² См. упомянутую статью, с. 16.

¹³ См. сборник Историческая наука и некоторые проблемы современности, с. 213—214, также с. 294. Взгляд С. Я. Драбкина отражен также в Исторической энциклопедии, (см. статью о революции, т. II, с. 926—928).

¹⁴ Упом. сборник, с. 263.

Во многом сходную мысль развивает Л. А. Кац. По его мысли, в условиях кризиса рабовладельческого способа производства сложились объективные предпосылки для социальной революции, но по причине отсутствия субъективного фактора не произошло ни революции рабов, ни «антирабовладельческой революции». «Итак, — заключает он, — по нашему мнению, приходится отвергнуть мысль о том, что античное рабство было ликвидировано в результате «антирабовладельческой революции» или вообще какой бы то ни было социальной революции»¹⁵.

И наконец, в связи с этим мы задержимся на очень расплывчатом взгляде В. И. Кузищина¹⁶. Он считает, что чем древнее социальная революция, тем больше преемственности между старой и новой формацией, тем медленнее трансформация прежних классов, тем, следовательно, продолжительнее период становления новой формации. Исходя из подобной методологической установки, Кузищин отличительными чертами социальной революции, имевшей-де место при переходе от античного рабовладельческого общества к феодальному, считает: во-первых, то, что эта революция растянулась на несколько столетий и, во-вторых, свершилась не в форме восстания. Вторжение варваров в IV—V вв. объективно сыграло роль революционного скачка, подытоживавшего длительное предшествующее социально-экономическое развитие как у завоеванных народов, так и у народов — завоевателей. Носителем нового способа производства при данном переходе, по Кузищину, являлся нарождавшийся класс феодалов, а также класс крестьян. Но между классом рабовладельцев как таковых и классом феодалов как новым классом не было коренной противоположности интересов, их трансформация друг в друга была замедлена, осложнена, незаметна, между ними много преемственности. Мало того, новый класс отчасти даже был заинтересован в сохранении многих остатков старого общества. В

¹⁵ См. обзорную статью автора Проблема падения Римской империи в советской историографии, ВДИ, 1967, №2, с. 227.

¹⁶ См. его статью Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества, ВДИ, 1974, №3, с. 77—78.

силу всего этого здесь не было столь резкого перелома между формациями, не могло быть революционного скачка в форме захвата политической власти.

Итак, методологическая позиция по проблеме смены античного общества феодальным весьма ясна: ее по существу мыслят такой же, как при смене последующих классовых обществ. Историкам после уяснения этой позиции как будто мало что осталось для теоретической работы, осталось лишь овладеть фактами при помощи методологической установки. Но оказалось, что историческая действительность перехода от античности к средневековью очень сложна, она не уместается в упомянутую методологическую конструкцию. Часть историков (А. Р. Корсунский, А. Я. Гуревич, Г. А. Меликишвили и др.) указывают на факт не прогресса, а застоя и даже упадка производительных сил при смене античного общества феодальным; многие отмечают спад классовой борьбы внутри римского общества позднего периода; существует разноречивость относительно гегемона и движущих сил социальной революции, положившей-де конец античности (о рабах как таковых историки уже не говорят, говорят о феодалах и крестьянах или же о варварах), некоторые (С. Я. Драбкин, Л. А. Кац и др.) при смене античности феодализмом отрицают факт наличия социальной революции.

Чтобы понять действительный характер смены античного общества феодальным, начнем с уяснения движения производительных сил, поскольку — среди марксистов это не вызывает никаких расхождений — изменения в производительных силах (в сторону их роста) представляют основу для наступления и свершения социальной революции.

Возник ли конфликт новых производительных сил со старыми производственными отношениями в позднеантичном обществе?

В советской науке, как мы уже говорили, долго являлась незыблемой точка зрения, согласно которой дальнейшее развитие производительных сил в античном рабовладельческом обществе постепенно вело к появлению и росту новых,

феодалных производственных отношений, что-де в условиях новых производительных сил крупные землевладельцы осознали преимущество труда крепостных крестьян перед рабским трудом. Аналогичного взгляда придерживался и Г. В. Плеханов. Он писал: «Рабский труд мало благоприятствует развитию производительных сил: при нем оно подвигается крайне медленно, но все-таки оно подвигается, и наступает, наконец, такой момент, когда эксплуатация рабского труда оказывается менее выгодной, чем эксплуатация труда свободного, тогда рабство отменяется или постепенно отмирает. Ему указывает на дверь то самое развитие производительных сил, которое ввело его в историю»¹⁷.

Но фактическое положение вещей было другим. Поскольку же это относится к материальной основе существования общества, довольно легко, — только не путем априорных утверждений! — отличить «материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства» (К. Маркс), имевший место в эволюции античного общества.

В действительности, восходящее движение производительных сил в греко-римском обществе было связано с развитием рабовладельческих отношений. Низкое состояние техники, отсутствие эффективных источников энергии были компенсированы привлечением в производство массы дешевой рабочей силы, т. е. путем развития классического рабства. Прогрессировало сельское хозяйство как в отношении развития агротехники, так и освоения новых площадей. Самым прогрессивным видом хозяйства были именно рабовладельческие виллы — имения средних размеров. Развились ремесла, достигшие (по численности занятой массы работников) мануфактурного уровня, коммуникации и т. д. Следовательно, незначительное развитие техники, в первую очередь орудий труда, в античном мире отнюдь не означало такую же замедленность развития производительных сил; последние, повто-

¹⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения. т. I, М., 1956, с. 616.

ряем, прогрессировали за счет концентрации в производстве больших масс работников (рабов)¹⁸. Незыблемым фактом истории остается, несомненно, более высокий уровень производства античных стран в эпоху расцвета, чем в условиях ранне-средневекового общества, т. е. до X—XI вв. (Подчеркиваем: это не априорное теоретическое допущение с целью объяснить развитие различных надстроек античного общества, а констатация факта самой исторической действительности).

Широкое распространение рабства в античном мире, с другой стороны, закрыло путь качественному развитию производства, т. е. на основе прогресса техники, технологии, применения новых источников энергии. В обществе не было социальных сил, заинтересованных в развитии техники и технологии; ни рабовладельцы, ни мелкие производители, влачившие жалкую жизнь в условиях конкуренции с рабским трудом, ни тем более люмпен-пролетариат и рабы, не могли выступать носителями способа производства, основанного на новых производительных силах. Позднеантичное общество как-будто вплотную подошло к революции в производительных силах на основе машинной техники и использования силы пара: существовали крупные города, налицо были крупные ремесленные мастерские, масса свободной рабочей силы, обширные (в Италии) внутренний и внешний рынки, развились математика и механика и т. д. Но несмотря на эти экономические, социальные, научные и т. д. предпосылки, античность не подошла к тому рубежу в развитии материального производства, который переступила Англия, начиная с 60-х годов XVIII столетия. Такая возможность была исключена наличием классического рабства. Некоторые изобретатели (Архимед, Герон и Папп Александрийские) хотя достигли заметных успехов и следующие поколения ученых и изобретателей будто могли сделать решающий шаг вперед в направлении промышленной революции, но этого не случилось. В

¹⁸ Подробно о развитии материального производства античного общества мы писали в статьях: О причине падения античного мира, «Мацне» (Орган общественных наук АН Грузинской ССР), 1967, №1, (на груз.); О характере экономики античных стран, «Мацне», 1970, №1 (на груз. языке).

эллинистическую эпоху заметно развилась военная техника, распространившаяся из Греции, Египта и других эллинистических стран на Рим и другие страны. Но этот прогресс имел место в сфере, имевшей потребность в новых изобретениях и пользовавшейся ими (еще раньше сравнительно сложные машины использовались в театре).

Короче, отсутствие социальных импульсов, обусловленное широким распространением рабства, наглухо закрыло дорогу в сторону развития техники. В последнем обществе не нуждалось, в глазах античных греков и римлян поздних периодов усилия, затрачиваемые в этом направлении, были напрасны (подобных взглядов придерживались даже такие блестящие умы как Платон и Сенека).

Отмеченное выше говорит о неразвитости производительных сил античности лишь по сравнению со стадией значительного развития капитализма. Но сказанное никак не говорит о неразвитости производительных сил античных греков и римлян по сравнению с началом или концом первой фазы феодализма. Лишь начиная с заметным развитием второго периода, феодальное общество создало такие производительные силы, появление которых было невозможно в условиях античного общества (первым, кто заметил прогресс в технике и технологии позднего средневековья по сравнению с античностью, был А. Тюрго).

Историки, утверждавшие дальнейшее развитие производительных сил в условиях позднеантичного общества, их «конфликт» с рабовладельческими отношениями, приводили факты появления тяжелого колесного плуга (кстати, изобретенного не в Италии, а в Реции), галльской жатки (изобретенной в Галлии), пунийской повозки (изобретение Карфагена), водяной мельницы (малоазиатское изобретение). Но приведенные ими примеры мало что говорят в их пользу. Тяжелый плуг в Италии, как и во всем Средиземноморье, не распространился даже в эпоху расцвета феодализма по причине географических условий (наличие мягких и маломощных почв), еще меньше имели распространение галльская жатка и пунийская повозка, и даже эффективная водяная мель-

ница в конце существования античного общества распространилась лишь в малой степени.

Вот что можно сказать о «новых» производительных силах, переросших рабовладельческие отношения, способствовавших появлению колоната. С другой стороны, начиная со II в. н. э., можно указать массу фактов, говорящих об обратном — об упадке производительных сил: деградировали интенсивные отрасли сельского хозяйства Италии, за их счет больше распространялись хлебопашество и еще больше скотоводство; часть земли вообще забрасывалась; сокращалось ремесленное производство, расстраивались коммуникации, финансы, сокращалась торговля, вследствие всего этого города приходили в упадок и т. д. Только в таких условиях упадка крупного (сельскохозяйственного и ремесленного производства) стало возможным отмирание рабства, возрождение мелкого производства¹⁹. Марксом и Энгельсом не раз (см. «Немецкую идеологию», «Бруно Бауэр и первоначальное христианство», «Происхождение семьи...» и т. д.) отмечался именно упадок производительных сил римского общества. В свете этого понятно, что они никогда не отмечали конфликта новых производительных сил со старыми отношениями производства.

Рассмотрев эволюцию производительных сил позднеантичного общества, мы, таким образом, увидели не рост, а упадок производительных сил. Тем самым, говорить о конфликте «новых» производительных сил с рабством, по нашему глубокому убеждению, не приходится. Именно отсутствие новых производительных сил, более того, упадок даже созданных явились основой разрыва в восходящем развитии культуры (в широком смысле термина) при переходе от античности к феодализму.

Раз оказалось, что при переходе от античного рабовладельческого общества к феодализму не наблюдается рост производительных сил, тем самым конфликт «новых» производительных сил со старыми производственными отношениями

¹⁹ См. Фр. Энгельс, «Происхождение семьи...», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 148—149.

лишен смысла²⁰, — это уже многое говорит о специфичности случая перехода от античной к феодальной стадии мировой истории²¹. Отсутствие главного звена, т. е. новых производительных сил, разумеется, не могло не вызвать отсутствие и других моментов в цепи комплекса, наблюдаемого, например, при переходе от феодального общества к буржуазному и т. д.

О разрывании классовой борьбы в античном мире

Развитие и смена последующих за античной общественно-экономических формаций характеризуются нарастанием классовой борьбы. Кульминационного пункта в пределах этих формаций она (классовая борьба) достигала именно в конце каждой формации. Благодаря активным выступлениям народных масс под главенством гегемона — носителя нового способа производства, уничтожалось старое, утверждалось новое общество. Но при смене античности средневековьем наблюдается иное и в этом отношении.

Априорно рассуждая, многие историки и философы основную классовую борьбу в античном мире усматривали меж-

²⁰ А. Р. Корсунский в упомянутой выше статье, отмечая застой производительных сил в позднеримском обществе, все же настаивает на конфликте между производительными силами и производственными отношениями при переходе от античного общества к феодальному. (То же самое можно сказать и о Е. М. Штаерман. См. ее книгу Кризис античной культуры, М., 1975). Более того, наступление несоответствия между двумя сторонами способа производства он видит уже во II-I вв. до н. э. (по автору восстания рабов — выражение этого несоответствия). Сознаться, нам трудно понять смысл утверждения Корсунского: «но тогда это несоответствие еще могло быть частично преодолено путем видоизменения производственных отношений в рамках данной общественно-экономической формации» (с. 97).

²¹ Несмотря на сказанное, мы далеки от взгляда, будто материальные предпосылки нового, феодального общества не возникли внутри Римского общества. Уладок производительных сил, возрождение мелкого производства, широкое распространение крупного землевладения были именно такими предпосылками. Они проявились более заметно в западных провинциях Римской империи. Этого нельзя сказать относительно Греции, не знавшей распространения латифундий. Об этом см. О. В. Кудрявцев, Римские провинции Балканского полуострова во II в. н. э., М., 1954.

ду рабами и рабовладельцами. При обобщении этого они не исходили из непосредственной исторической действительности, из совершенно ясных высказываний Маркса, Энгельса и Ленина на ту же тему. Последние не раз указывали на ведущую в античном мире линию классовой борьбы, бесперспективность борьбы рабов. Маркс писал: «... в древнем Риме классовая борьба протекала лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для борцов»²². Ленин отмечал: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящего борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»²³.

Действительно, если проследим греко-римскую историю без предвзятости, то легко придем к следующему заключению. В Греции неизвестно хотя бы одно крупное восстание рабов. Самым внушительным в этом плане событием был переход 20 000 рабов, представлявших часть занятых в Лаврийских серебряных рудниках, на сторону спартанцев. Хотя момент для выступления рабов в Афинах был очень благоприятным (в этот период они терпели поражение от спартанцев),

²² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. произведения, т. I, 1952, с. 209; см. также: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, с. 147, т. 28, с. 368, т. 21, с. 312.

Правда, в «Манифесте» Маркс и Энгельс указывали на классовую борьбу, «всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, с. 424), из чего можно заключить о «деструктивной роли» (С. И. Ковалев) борьбы классов при переходе от античности к феодализму. Но касаясь той же проблемы, классики в дальнейшем больше не высказывались в том же духе, наоборот, игнорировали роль борьбы классов при этом переходе.

²³ В. И. Ленин, ПСС, т. 39, с. 82. Г. В. Плеханов также отмечал отсутствие цели (уничтожение рабства) у рабов. См. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 1, с. 616.

но в упомянутой акции рабов участвовала лишь примерно одна пятая — одна восьмая часть рабского населения Аттики. Известны также локальные выступления рабов на Хиосе, Делосе. Все они, как и побег афинских рабов, остались безрезультатными. Повторяем, что даже в период значительного кризиса греческого общества крупное восстание рабов, способствовавшее в какой-то мере углублению кризиса, — не говоря «ликвидации» рабства, — в Греции не имело места.

Несмотря на это, социальная жизнь античной Греции ничуть не была мирной, классовая борьба в ней протекала внутри свободных; сначала между демосом и эвпатридами, а затем между имущими и разоренными гражданами. Первый вид борьбы, несомненно, сыграл положительную роль в развитии общества, способствовал разложению родовой организации, сложению демократической формы государства, развитию рабовладельческого общества. В отличие от него, второй вид борьбы лишь продлевал существование рабовладельческой формации путем увеличения численности свободных граждан. Объединение же разоренных свободных греков с рабами абсолютно исключалось: слишком уж не совпадали интересы этих слоев населения; в глазах свободных греков рабовладение оставалось естественным, нормальным состоянием общества. Так, в условиях отсутствия новых — и даже упадка! — производительных сил, затухания классовой борьбы, произошел распад классического греческого мира.

Почти то же самое можно сказать о Риме. Различие его от Греции в данном отношении заключалось в лишь в больших масштабах выступлений рабов. Ареной их восстания дважды (в 136—132 гг., 104—101 гг. до н. э.) стала Сицилия, страна, где латифундиальное хозяйство и эксплуатация рабов вследствие специфики хозяйственной жизни страны (низкие закупочные цены на зерно со стороны Римского государства) достигали огромных размеров. Но восстававшие сицилийские рабы не отменяли рабство, не смогли создать новую политическую власть, утвердить новый, феодальный способ производства. От рабства освободилась лишь часть участвовавших в восстании рабов. Они оба раза создали существовавшую на Востоке форму государства, — правда более демократическо-

го характера (существование Совета). Не во многом преуспело и восстание рабов под руководством Спартака (73—71 гг. до н. э.), развернувшееся в Южной Италии. Под главенством Спартака боролось то ли 60 тысяч (Евтропий), то ли 120 тысяч (Аппиан) рабов. Самая разумная цель, поставленная перед восставшими рабами Спартаком, было оставление ими пределов Италии; отмена рабовладения, вторжение в отношения собственности и т. д. не входило в цели инсургентов. Но спартаковское восстание, как известно, несмотря на напряженное состояние на внешних фронтах, Римом было подавлено. Остается фактом, что в последующих десятилетиях I в. до н. э., в I в. н. э. и на значительном отрезке времени II в. н. э. рабство в Италии еще больше прогрессировало. Великим был подвиг восставших рабов, вписавших славную страницу в историю борьбы угнетенных масс за свое освобождение, но с точки зрения практических результатов и восстание Спартака прошло бесследно²⁴.

В дальнейшей истории Рима не наблюдается крупного восстания рабов. Это как будто парадокс истории, но если примем во внимание то обстоятельство, что, начиная со II в. н. э., колонат начинал заметно распространяться, — в том числе за счет рабов, (*servi casati*), — имело место высвобождение из производства излишних рабов, некоторое законодательное смягчение положения рабов, то все станет на свое место. Станет ясным, что возможность крупных восстаний рабов в Италии в III—IV—V веках уже исключалась.

Таким образом, значение рабских восстаний по сравнению с движением свободных (плебса, плебеев, свободных граждан эпохи гражданских войн конца Республики и существования Империи) для развития римского общества было

²⁴ Некоторые советские историки (О. О. Крюгер, Н. А. Машкин) уже с периодом поражения восстания Спартака связывали парцелляцию крупных имений, тем самым — генезис феодализма. Но их взгляд явно ошибочен и справедливо не разделялся и не разделяется другими советскими учеными. Кстати, иногда говорят о роли восстаний рабов, способствовавших де упадку античного общества. К сожалению, и этот взгляд далек от истины, поскольку за пер иод после 70-х годов до н. э. до конца II в. н. э. рабовладение в Риме еще больше прогрессировало.

второстепенным. «Рабы не могли освободиться» (Энгельс) так как экономические, социальные, политические и культурные условия жизни не давали возможности им стать из «класса в себе» «классом для себя», бороться за социальный и политический идеалы²⁵.

В последних столетиях существования Римской империи в Италии классовая борьба и внутри свободных пошла на убыль. В этом отношении более активными были западные и североафриканские провинции, где имели место выступления местных крестьян (багаудов, агонистиков) против закрепощения и римских налогов. Но и их выступления были подавлены. Итак, внутри римского общества не было революционных сил, могущих вывести общество из тупиковой ситуации. Правда, были элементы социальной активности: пассивное сопротивление масс римскому государству, которое сделалось «злейшим врагом и угнетателем» (Энгельс) общества²⁶; широко распространилось христианство, носившее в ранний период революционный характер (Энгельс), отдельные, разрозненные активные движения масс, — особенно в западных провинциях, — но все это не могло иметь результатом свержение рабовладельческого общества, очищение пути к дальнейшему движению общества в сторону феодализма.

Характеризуя западную Римскую империю поздней эпохи, Энгельс писал: «То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция»²⁷. Таким обра-

²⁵ Сравнивая перспективы движения рабов и крепостных крестьян, Ленин отмечал преимущество у последних: в отличие от рабов, последние не были «прямой собственностью помещика». См. В. И. Ленин, ПСС, т. 39, с. 76.

²⁶ Кстати, исходя из интересов сохранения Римского государства (в смысле политической власти), Диоклетиан и Константин способствовали закреплению свободных колоннов.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 149. Некоторые философы (см., например, В. В. Савин, О сущности и исторических границах действия закона социальной революции, в сборнике Философские проб-

зом, падало крупное хозяйство, расцветавшее прежде на ос-
нове рабства, возрождалось мелкое хозяйство, но по-прежнему оставалось тяжелое психологическое наследие классического рабства — презрительное отношение значительной части свободных к физическому труду как «рабскому» занятию. Выйти из создавшегося тупика римское общество, как мы уже говорили, самостоятельными силами не могло. Требовалось вмешательство извне, со стороны варварских (в смысле терминологии Моргана и Энгельса) народов, чтобы оно (это общество) могло выбраться из тяжелого состояния²⁸. Как совершилась эта «коренная революция»?

Смена античного общества феодальным

Нашествия варваров на западную часть Римской империи усилились с III в. н. э.²⁹. Самыми активными из варваров сперва были вестготы, взявшие в 410 году сам «вечный город». Но это событие, внешне хотя очень впечатляющее, в разворачивании внутренних процессов римского общества не имело значительных результатов. После смерти Алариха (410 г.) вестготы перешли в Южную Галлию, где (в нынешней Аквитании) скоро возникло их государство. Только здесь они вторглись активно в существующие имущественные отношения: получили две трети пахотных земель и половину других

лемы общественного развития, М., 1971) под этой «коренной революцией» видят социальную революцию в общепринятом смысле. Но такая позиция очень далека от сколько-нибудь верного понимания исторической действительности позднеримского общества.

²⁸ А. Тойнби, А. Джонс, Р. Хейвуд и другие почти не замечают такого глубокого кризисного состояния позднеримского общества: по их мнению, нарушение равновесия в пользу варварского окружения было причиной упадка западной Римской империи. В отличие от них роль рабства в падении римского общества довольно четко осознает Ф. Уэлбэнк (см. книгу автора «The Decline of Roman Empire in the West», London, 1946).

²⁹ Факты участия варваров в ранний период в стабилизации западной Римской империи (об этом см. монографию В. Т. Сирогенко, История международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в., Пермь, 1975). ничуть не перечеркивают положительную роль варваров при смене античного общества феодальным.

угодий, принадлежавших римским землевладельцам и императорскому фиску. То же самое сделали бургунды в Галлии (получили половину усадеб, лугов, пастбищ и лесов, треть рабов; позднее же две трети земель крупных местных магнатов) и вандалы в Северной Африке (на сравнительно ограниченных территориях).

В 476 году в самом Риме произошло внешне тоже довольно внушительное событие: предводитель варварских (скиров, гетулов, готов) дружин Одоакр лишил трона последнего западноримского императора — Ромула Августула и его императорские регалии послал в Константинополь восточноримскому императору. Формально, таким образом, существованию Римской империи на Западе пришел конец. Но говоря по существу, совершенную варварами акцию под предводительством Одоакра никак нельзя считать социальной революцией. Ей не была и раздача Одоакром своим воинам одной трети земель. В 493 году в Италии (в средней и северной частях) возникло королевство уже новых пришлых варваров — остготов. Последние у местного населения, а также сторонников Одоакра конфисковали одну треть земель. В 555 году остготы были вытеснены из Италии Византией, постаравшейся возродить рабовладельческие порядки в стране³⁰.

В 568 году в Италию вторглись лангобарды, которыми были конфискованы крупные имения, в свою очередь розданные дружинникам лангобардских королей и свободным общинникам. По сравнению с вестготами и остготами лангобарды в феодальном развитии Италии сыграли более значительную роль. Благодаря им и франкам к концу IX века феодализация Италии в основном завершилась. К этому же периоду была феодализирована и Галлия (будущая Франция): в последнем случае аналогичную Лангобардам в Италии роль сыграли франки. В Испании (она тоже была феодализирована к тому периоду) такую роль сыграли вестготы.

³⁰ Если согласиться со взглядом А. Р. Корсунского и других о «революции варваров», то владычество Византии в Италии, конечно, можно считать контрреволюцией.

Южная же Италия и Сицилия феодализировались к концу XI в. под воздействием норманнов.

Что касается феодализации Германии, Англии и других стран незначительного распространения старой цивилизации, рабовладения, то здесь процесс затянулся на 2—3 столетия дольше, но протекал он более легко. В условиях разложения сельских общин, победы мелкого производства и мелкой собственности феодализм легко привился. Но все это выходит за рамки задачи нашей статьи³¹.

В нашу задачу не входит и прослеживание судеб Восточно-римской империи. Здесь, по причине более высокого уровня развития экономики, большего распространения городов и т. д. рабство (в прежних центрах распространения этого института) просуществовало еще долго. Другая важная специфика Византийской империи состояла в том, что в ее состав входили многие страны (Малая Азия, Сирия, Египет) с так называемым азиатским способом производства (наличие сельских общин, отсутствие мелкой частной собственности на землю; эти явления стали базой государственной земельной собственности). Вследствие всего этого Византия с большим успехом сопротивлялась варварам (славянам, затем арабам), но соответственно очень затянулся процесс феодализации, в конце концов отразившийся на судьбах этого социального организма, уничтоженного турками.

Заключение

Проследив особенности процесса перехода от античного рабовладельческого общества к феодализму, мы приходим к выводу о разительном различии этого перехода от переходов каждой формации в последующую. Применение к исторической действительности этого переходного периода взятой из поздних эпох схемы не уясняет положения вещей. Прежде всего, при переходе от античности к средневековью не наблю-

³¹ Придерживаясь новой традиции трактовки социальной революции, переход от бесклассового общества к феодальному у варваров тоже надо считать таковой.

дается рост производительных сил, но наоборот, — их упадок. Далее. Этот переход не связан с углублением классовой борьбы, поэтому снять социальные, экономические, политические, моральные и т. д. преграды дальнейшему развитию античное общество самостоятельно не могло. «...Только варвары способны были омолодить дряхлый мир гбнущей цивилизации»¹, — писал Энгельс. Конечно, процесс этого «омолаживания» совершился путем насильственного вмешательства в эволюцию цивилизованного античного общества, но несмотря на это феодализацию западных частей бывшей Римской империи трудно представить как революционную в общераспространенном значении термина. В самом общем смысле переход от античного общества к феодальному, представляя качественное изменение общества, можно считать социальной революцией. Но рассуждая более конкретно, считать таковой этот процесс можно лишь с огромными натяжками. Приходится согласиться со взглядом С. Я. Драбкина о том, что мы стоим перед альтернативой: считать, что переход от античности к средневековью нельзя осознать законом социальной революции, а если можно, то лишь путем значительного обеднения содержания понятия социальной революции.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 155.

ՊԵՏԱԿՆԵՐԻ ԿՈՏԱՆԻ—СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВФ — Вопросы философии
 ГХДШ — А. И. Т ю м е н е в, Государственное хозяйство древнего Шумера, М. — Л., 1956.
 ЗВАХ — Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, под редакцией И. М. Дьяконова («Вестник древней истории», 1952, № 4).
 Ник. II — М. В. Н и к о л ь с к и й, Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи из собрания Н. П. Лихачева, ч. II. Эпоха династии Агаде и эпоха династии Ура, «Древности Восточные», V, 1915.
 ОГСДШ — И. М. Д ь я к о н о в, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959.
 СА — Советская археология *
 ШТЭ — Ф. Д. Ш а х о в, Шесть неопубликованных шумерских табличек из коллекции Ленинградского Государственного Эрмитажа, კრებულში: «Ассириология и Египтология» VI, 1964, с. 63—78.
 AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungarica
 АВ XXV — J. V. N i e s, Ur Dynasty Tablets from Telloh and Drehem (Assyriologische Bibliothek, XXV), Leipzig, 1919.
 АВTR — W. R. A r n o l d, Ancient Babylonian Temple Records, N. Y., 1896.
 АНw — W. v o n S o d e n, Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden, 1959 ff.
 AIS — G. B o s o n, Alcune iscrizioni inedite Sumere della III dinastia di Ur del Museo Egiziano di Torino, «Aegyptus», 19 (1939), с. 227—238.
 АJA — American Journal of Archaeology
 АJSL — The American Journal of Semitic Languages and Literatures
 АМ — А. S a l o n e n, Agricultura Mesopotamica, Helsinki, 1968.
 AnOr — Analecta Orientalia
 I — N. S c h n e i d e r, Die Drehem — und Djoĥa — Urkunden der Strassburger Universität und Landesbibliothek, Roma, 1931.
 XXX — А. F a l k e n s t e i n, Die Inschriften Gudeas von Lagaš, I. Einleitung, Roma, 1966.
 AnSt — Anatolian Studies
 АOS XXXII — А. L. O p p e n h e i m, Catalogue of the Cuneiform Tablets of the Wilberforce Eames Babylonian Collection in the New York Public

- Library. Tablets of the Time of the Third Dynasty of Ur (American Oriental Series, XXXII), New Haven, 1948.
- ARAB — D. D. Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylonia, I-II, Chicago, 1926—1927.
- AT — T. G. Pinches, The Amherst Tablets, London, 1908
- BIN III — C. E. Keiser, Neo-Sumerian Account Texts from Drehem (Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies, III), New Haven, 1971
- CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, Chicago, 1960 sq
- CBT I — H. H. Figulla, Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum, I, London, 1961.
- CT — Cuneiform Texts etc. from Babylonian Tablets in the British Museum, London, 1896 s. f.
- CUOS VIII — W. M. Nesbit, Sumerian Records from Drehem (Columbia University. Oriental Studies, VIII), N. Y., 1914.
- EU — Ch. — F. Jean, L'Elam sous la dynastie d'Ur, RA, 19 (1922)
- FBAM — A. Salonen, Die Fussbekleidung der alten Mesopotamier, Helsinki, 1969.
- HCBT — H. Radau, The E. A. Hoffman Collection of Babylonian Tablets (H. Radau, Early Babylonian History, N. Y., 1900, pp. 321—434)
- HLC II — G. A. Barton, Haverford Library Collection of Cuneiform Tablets, I-III, New Haven, 1918.
- HSS IV — M. J. Hussey, Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum, II (Harvard Semitic Series, IV), Cambridge, 1915.
- IBK VIII — K. Oberhuber, Sumerische und akkadische Keilschrift-denkmäler des archäologischen Museums zu Florenz (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, VIII), Innsbruck, 1960.
- ITT — Inventaire des tablettes de Tello conservées au musée Imperial Ottoman, Paris, 1910—1921.
- IAOS — Journal of American Oriental Society
- JHS — Journal of Hellenic Studies
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society,
- KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi
- KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
- JCS — Journal of Cuneiform Studies
- KDD — N. Schneider, Keilschrifturkunden aus Drehem und Djoia, ORSP, 18 (1925), pp. 1—XVI.
- LAM — A. Salonen, Die Landfahrzeuge des alten Mesopotamien, Helsinki, 1951.
- MAD III — I. J. Gelb, Glossary of Old Akkadian (Materials for the Assyrian Dictionary, III), Chicago, 1957.
- MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft

- MEA — R. Labat, Manuel d'épigraphie akkadienne, Paris, 1963.
- MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
- MOS XVI — G. Reisner, Tempelurkunden aus Telloh (Mitteilungen aus den orientalischen Sammlungen, XVI), Berlin, 1901.
- MSL — Materialien zum sumerischen Lexikon.
- MVAeG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft
- NG III — A. Falkenstein, Die neusumerischen Gerichtsurkunden, III, München, 1957.
- OIP XIV — D. D. Luckenbill, Inscriptions from Adab (Oriental Institute Publications, XIV), Chicago, 1930.
- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung.
- OrSP — Orientalia. Series Prior.
- PCST — L. J. Krusina-Černý, Two Prague Collections of the Sumerian Tablets of the Third Dynasty of Ur, «Analecta Orientalia», 25 (1957), 33. 547—562; 27 (1959), 33. 357—378.
- PDT I — M. Çig, H. Kizilyay, A. Salonen, Die Puzriš-Dagan-Texte der Istanbuler archäologischen Museen, I, Helsinki, 1954.
- RA — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
- RLA I — E. Ebeling, Br. Meissner, Reallexikon der Assyriologie, I, Berlin, 1928.
- RTC — Fr. Thureau-Dangin, Recueil des tablettes Chaldéennes, Paris, 1903.
- SACT I — S. T. Kang, Sumerian Economic Texts from the Drehem Archive (Sumerian and Akkadian Cuneiform Texts in the Collection of the World Heritage Museum of the University of Illinois, I), Urbana, Chicago, 1972.
- SETU — T. B. Jones, J. W. Snyder, Sumerian Economic Texts from the Third Ur Dynasty, Minneapolis, 1961.
- SP — E. J. Gordon, Sumerian Proverbs, Philadelphia, 1959.
- SR — D. O. Edzard, Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur, München, 1968.
- STAC — E. Sollberger, Selected Texts from American Collections, JCS, 10 (1956), 33. 11—38.
- STK — Y. Nakahara, The Sumerian Tablets in the Imperial University of Kyoto, Tokyo, 1928.
- StOr — Studia Orientalia.
- STU — C. L. Beale, Sumerian Tablets from Umma, Manchester, 1915.
- ŠA — Ch. — F. Jean, Šumer et Akkad, Paris, 1923.
- ŠL II — A. Deimel, Vollständige Ideogramm-Sammlung (Šumerisches Lexikon, II), Bd. I-IV, Roma, 1928—1933.
- TA — S. Langdon, Ten Tablets from the Archives of Adab, RA, 19 (1922), 33. 187—194.
- TCL V — H. de Genouillac, Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our (Textes cunéiformes. Musée du Louvre, V), Paris, 1922.

TCSD — G. B o s o n, Tavolette cuneiformi Sumere, degli archivi di Drehem e di Djoha dell'ultima dinastia di Ur, Milano, 1936.

TCSU — G. B o s o n, Tavolette cuneiformi Sumere dell'ultima dinastia di Ur, «Aegyptus», 10 (1929), 33. 257—290.

TEL — C. V i o l l e a u d, Tablettes économiques de Lagash, Paris, 1968.

TrD — H. de G e n o u i l l a c, La trouvaille de Drehem, Paris, 1911.

TRU — L. L e g r a i n, Le temps des rois d'Ur, Paris, 1912.

UDTP — A. D e i m e l, Umma (-Djoħa) und Drihem-Texte aus dem päpstlichen Bibelintitut in Rom, OrSP, 14-15, 17, 20—21, 26 (1924—1927).

UNT I — H. W a e t z o l d t, Untersuchungen zur neusumerischen Textilindustrie, Roma, 1972.

VT — Vetus Testamentum

YOS IV — C. E. K e i s e r, Selected Temple Documents of the Ur Dynasty (Yale Oriental Series. Babylonian Texts, IV), New Haven, 1919.

ZA — Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie.

ZAW — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft

J. 15.526

СОДЕРЖАНИЕ—შ ი ნ ა ა რ ს ი

გ რ ი გ ო ლ გ ი ო რ გ ა ძ ე — სახელმწიფო ვალდებულებანი ხეთურ საზოგადოებაში (Г. Г. Гиоргадзе — Государственные повинности в хеттском обществе)	5
Дж. М. Шарашенидзе — Посольские учреждения в эпоху III династии Ура	23
Р. С. Рцхиладзе — Некоторые вопросы религиозных верований вавилонян	46
И. П. Вейнберг — К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке	63
ბ ა ნ ა ხ ა ზ ა რ ა ძ ე — ძველი ფრიგიული ანბანის გენეზისის საკითხისათვის (Н. В. Хазарадзе — К вопросу о генезисе старофригийского алфавита)	86
М. Ш. Хидашели — Некоторые вопросы генезиса идеологических воззрений раннежелезного века	98
Д. А. Хахутайшвили — К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии	119
З. А. Челидзе — Результаты археоманитного исследования некоторых археологических объектов	142
Н. В. Хазарадзе — К вопросу о локализации Московских гор. შ ე რ ი ი ნ ა ძ ე — ბერძნული კოლონიზაციის საკითხები უახლეს საბჭოურ და უცხოურ ისტორიოგრაფიაში (М. П. Инадзе — Вопросы греческой колонизации в новейшей советской и зарубежной историографии)	146
Т. В. Коранашвили — Еще раз о переходе от античного общества к феодальному	178
Список сокращений	199

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
КАВКАЗСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ СБОРНИК
V

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

Редактор издательства М. Мачабели
Техредактор Ц. Камушадзе
Корректор Б. Топурия

Сдано в набор 10.2.1977; Подписано к печати 14.6.1977; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага № 1; Печатных л. 13,0; Уч-издат л. 11,10;
УЭ 01114; Тираж 1000; Заказ 497
Цена 1 руб. 50 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუშოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუშოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

F 1368
1977